

18+

Лука Семенова

Идеальная для Колдуна

Ли́ка Семенова

Идеальная для колдуна

«Автор»

2026

Семенова Л.

Идеальная для колдуна / Л. Семенова — «Автор», 2026

Что Амели знает о любви? Ничего. Лишь верит в то, что она непременно зародится, если очень захотеть. Но можно ли вспылать любовью по приказу, если так велит могущественный колдун? Да ни за что! Даже если от его голоса подкашиваются ноги, а прикосновения сводят с ума. Что делать – пытаться играть по своим правилам. Но как быть, если колдун уже играет по своим? Доиграется и пожалеет!

© Семенова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Идеальная для колдуна

Глава

1

Когда гвардеец в коротком кожаном камзоле с усилием дернул багор на себя, Амели отвернулась и уткнулась лбом в плечо подруги. От плаща приятно пахло луковым пирогом и влажной шерстью — недавно моросил дождь.

— Фу, не хочу смотреть.

Эн молчала и, кажется, забыла, как дышать. Поддавшись негласному всеобщему порыву, Амели с опаской повернулась и, прикрывая глаза рукой, сквозь пальцы посмотрела на берег, где уже лежал синеватый, еще не успевший раздуться от воды труп. Женщина. Молодая, светловолосая. Не местная. Отвратительное зрелище собрало целую толпу. Впрочем, всякая дрянь всегда собирает толпу. Когда казнят на Седьмой площади — к дому не протиснуться. Даже отец иногда ходит.

Эн шумно выдохнула, будто очнулась:

— Хвала небу, не наша.

Амели кивнула — это точно. Здесь из реки достают только чужих — и все женщины. Красивые, будто сломанные фарфоровые куклы. И неизменно голые. Амели решительно взяла Эн за руку и зашагала прочь, сворачивая на Бочарную улицу. Зачем только занесло к реке? Теперь отвратительное зрелище долго будет преследовать — не страхнешь.

— Как ты думаешь, — Амели встала прямо посреди дороги, — что он с ними делает?

Эн пожала плечами, отчего и без того коротковатая юбка смешно вздернулась, открывая заляпанные башмаки и застиранные чулки. Она была нескладной. Слишком высокой для девушки, худой, как жердь. А корсаж топорщился на плоской груди только за счет плотно нашитых рюш. Ладно, не уродина. Впрочем, и красавицей ее назвать было нельзя. Мать всегда считала, что Эн с детства завидовала Амели. И дружила лишь для того, чтобы привлечь к себе внимание — иначе на нее и не взглянут. Но, что бы ни говорила мать — Эн теперь просватана. И теперь уж точно скоро нацепит чепец и станет ходить важно-важно, как те торговки сукном, которые не рискуют соваться в Волосяной переулок — самую узкую городскую улочку, потому что задница не пролезет. Будет смешно, если Эн, наконец, разжиреет. Амели не могла представить ее толстой.

Эн опустила голову, будто стыдилась того, что хотела сказать:

— Бабка Белта говорит, что пользует, пока не надоест. А как надоела, — она выпучила небольшие карие глаза, — сразу в Валору.

Амели закусила губу и уставилась на подругу:

— Пользует? Это как?

Эн покраснелась, будто обгорела на жарком солнце:

— Перестань! Все ты поняла. Только в срам вгоняешь.

Конечно, поняла. Лишь хотела посмотреть, как увиливать будет. Амели махнула рукой:

— Глупости это все. Говорят, он старый уродец. А у старых — сама знаешь, — она согнула крючком указательный палец, — как вялая морковка. Ни на что не годится.

Обе расхохотались до слез. Эн утерлась ладонью:

— Так-то оно так, но, то у людей. А этот — колдун. Кто знает, что он там себе может наколдовать.

Обе снова прыснули со смеху, когда Амели стала намечать рукой размер «колдовства».

Показавшаяся из-за угла подвода, груженная корзинами так, что они едва не доставали кромки крыш, заставила отойти к стене, в дверную нишу. Все еще хохоча, Амели приподнялась на цыпочки, подцепила толстую веревку, когда подвода проезжала мимо, и дернула. Корзины посыпались с сухим треском, раскатывались по улице. Амели схватила Эн за руку и потащила в соседний переулок, пока возница не опомнился. Они отбежали на безопасное расстояние и остановились отдышаться.

Эн прижала руки к впалой груди:

— Ну, зачем ты это сделала? — она все еще давилась смехом.

Амели пожала плечам:

— Не знаю. Захотелось. — Она поджала губы и посмотрела на подругу: — Ну да... Замужней даме теперь не к лицу такие шалости. И там, поди, не вялая морковка.

Она снова задорно расхохоталась, но Эн лишь опустила голову:

— Не надо.

Амели пожала плечами:

— Почему? Ты, почитай, уже замужняя. Я сама слышала, как в воскресенье оглашали. Чего тут скрывать?

Эн опустила голову еще ниже и, кажется, почти плакала. Вот тоже, придумала! Амели погладила ее по плечу:

— Эй! Ты чего?

Та сдавленно всхлипнула и утерла нос рукавом:

— Не хочу я. Не люблю я его.

Вот глупости!

— Так полюбишь. С чего тебе его любить, если видела всего один раз?

— Я-то видела. А ты не видела — потому так говоришь.

Теперь Эн ревела едва ли не навзрыд. Вот дура! Сама, между прочим, тоже не Неурская дева, чтобы от ее красоты цветы распускались. Амели обняла ее, прижалась:

— Разве это главное? Вот появится промеж вас любовь — так самой счастливой будешь. Я уверена.

Эн какое-то время просто сопела, потом отстранилась:

— Какая там любовь? Откуда ей взяться?

Амели усмехнулась:

— Ну-ну! Откуда любовь промеж мужа и жены берется? Понятное дело — из алькова.

— Перестань! Ты ведь ничего не знаешь!

— Все я знаю. Самое главное в любви — это чтобы в спальне...

— Перестань! Перестань! — Эн зажмурилась и замахала руками. — Замолчи! Срам какой!

— Маркету помнишь? Которая с нами на реку раньше ходила?

Эн молчала. Только смотрела волком и время от времени утирала ладонью нос.

— Так она в прошлом году замуж вышла. Я ее не так давно на рынке встречала. Пузо у нее, как у твоего папаша. А сама довольная... Говорит, оказалось, что она до замужества и жизни не знала. Я, говорит, теперь без... — Амели многозначительно кашлянула, чтобы срамного не произносить, — ... жизни, в общем, не представляет. Люблю, говорит, больше жизни. И сама бегает к святому Пикаре лампадки зажигать. Чтобы муженек не захворал!

Эн сосредоточенно смотрела в лицо Амели, красная, как спелая малина:

— Да что же ты несешь? Создатель! Срам один. Ты же сама ничего не знаешь! — она развернулась и решительно зашагала прочь. — Вот как сама замуж пойдешь — тогда я на тебя посмотрю. И посмеюсь. Громче всех смеяться буду!

Юбка на тощей фигуре колыхалась, как большой колокол собора святого Пикары. Казалось, вот-вот раздастся глубокий тягучий звон. Амели с криком кинулась следом:

— Я знаю! Я точно знаю! — она остановила Эн на самом углу улицы, ухватила за руку и заставила повернуться: — Клянусь тебе святым Пикарой: с кем судьба сведет — того всем сердцем любить буду. И посмотришь. Самое главное, — Амели поднесла палец к губам, — постель. Маркета прямо так и сказала.

Эн усмехнулась:

— Имей в виду: такими клятвами нельзя разбрасываться. А уж если клялась...

Амели хмыкнула:

— Разве я тебе врал когда?

Эн оттаяла, робко улыбнулась, но тут же ахнула, зажав рот ладонью, и смущенно покраснела. Смотрела во все глаза поверх головы Амели. Та обернулась: в нескольких шагах, у дверей суконной лавки стоял благородный господин, из тех, кого Эн называет «отменный мужчина», и насмешливо смотрел на них пронзительными синими глазами. Создатель, а если он все слышал? Про альков, про клятву? Как же стыдно!

Амели краснела, чувствуя, как к щекам приливают волны жара, но не могла отвести взгляд. Тонкие резкие черты, гордая осанка, блестящие черные локоны спадали на богатую отделку кафтана. Она в жизни не видела такого красавца, даже во сне. А теперь стояла, как последняя дура, глазела и боялась, что сердце вот-вот выскочит — так часто оно билось. Да что же это такое?

Амели ухватила Эн за руку и бегом ринулась прочь.

2

Обе сломя голову выбежали на Бочарную улицу. Пробежав какое-то время в густой толпе, наконец, остановились, тяжело дыша. Эн вытаращилась и даже притопнула ногой:

— Ты чего?

Амели жевала щеку, стараясь скрыть неловкость:

— Ничего. Не понравился он мне. Видела, как смотрел? Разве прилично так на девиц смотреть?

Эн хмыкнула:

— Сама будто не смотрела. Чуть на шею к нему не кинулась!

— Перестань! Все ты врешь!

Амели притворно развернулась и пошла было прочь, но тут же вернулась и потянула Эн за рукав:

— Смотри, смотри!

В толпе покачивался безобразный горбун. Согнутый, длинноносый, с реденькими рыжеватыми волосами, забранными в тонкую косицу. Там, где он ступал, тут же образовывалось пустое пространство — люди сторонились — и на просвет маячил обтянутый коричневым сукном горб, будто земляная вершина пригорка. Некоторые женщины даже отворачивались и осеняли себя знаком спасения.

Амели кивнула на горбуна:

— Он...

Эн пожала плечами:

— А может не он? Будто в городе один горбун. Ты же наверняка не знаешь.

— Знаю. Я его уже видела однажды на мосту Красавиц. Я этот нос ни с чем не перепутаю. Вот чудище...

Эн отошла подальше к стене:

— Ну и пусть себе идет, куда шел. Лишь бы нас не трогал. Тьфу на него!

Амели склонилась к самому уху подруги:

— Говорят, он и есть колдун. А вовсе никакой ни слуга.

Эн рассмеялась и покачала головой:

— Глупости. Бабка Белта говорит, что нет.

Амели отмахнулась и зашагала в сторону Хлебного рынка:

— Твоя бабка давно из ума выжила, вот и сочиняет невесть что. Ее послушать — так там полный замок демонов и прочей нечисти. А вдруг и нет ничего?

Эн выпучила глаза:

— Ее сын, между прочим, ему каждый месяц глину с Красного озера возит. По восемь бочек. И за ворота въезжал. И, уж, наверное, что видел — то и рассказал. Про демонов не знаю. Знаю только, что этот мерзкий горбун в услужении. Он эти проклятые бочки и принимает.

Амели пожала плечами:

— Зачем ему столько глины? Горшки что ли лепит?

— Кто его знает? Может и лепит.

Обе вдруг расхохотались, представив колдуна, которого никогда никто так и не видел, за таким странным занятием. Он непременно представлялся старым и уродливым, с ужасными скрюченными руками.

Амели отмахнулась:

— А ну его! У меня посерьезнее заботы. Я с утра расходную книгу чернилами залила — прибор на столе опрокинула. Хотела посмотреть, сколько мне денег в этот месяц отец положил. Каждый месяц все меньше и меньше, будто мне и не надо совсем.

Эн нахмурилась:

— Зачем?

— У Марты-буфетчицы завезли мускатный орех из Габарда и ваниль с Ваарских островов. Хотела попросить отложить для меня. Сама понимаешь...

Единственное, что могло по-настоящему увлечь Амели — это тесто. Она могла часами умирать от духоты в жаркой кухне у самой печи ради румяного пирога или маленьких пузатых заварных пирожных. То и дело чуть-чуть отодвигать заслонку и наблюдать в пышущую щель, как тесто поднимается и румянится в красных отсветах тлеющих углей. Печено не «доживало» и до вечера — редко не удавалось: лишь отец был недоволен — слишком затратно. Ел и бранился. Говорил, что больше ни лура на баловство не даст. Хоть и получалось лучше, чем у многих. И матушка признавала. Амели даже просила отца попробовать печь на продажу, но он решительно запретил: не к лицу дворянам заниматься торговлей, как бы тяжело не было. Тем более, выполнять работу обслуги. Кухарки! Ну-ну... дворянство лишь на бумажке, зато условности — во всей красе. Ну ладно... Амели всегда нравилось думать, что она не простолюдинка, в то время как Эн — всего лишь дочь галантерейщика. Приятное, но бесполезное превосходство. Теперь не светила ни ваарская ваниль, ни габардский мускат. Месячное довольство тоже не светило.

— И что теперь будет? — Эн нервно теребила пальцы. — Выпорет?

Амели сосредоточенно поджала губы:

— Пусть попробует. Я уже девица на выданье — пороть не пристало. Отец Олаф так и говорит. Разве что в чулане запрут. Пусть теперь сестры розог боятся.

— И не жалко тебе их?

Жалко, не жалко... Эн никогда не лупили — ее просто не за что. Послушная молчаливая тихоня. А если и случалось что — так Амели была виновата. Ее и секли за двоих. Отец сокрушался, что толку из дочери не выйдет, а мать и вовсе впадала в отчаяние, утверждая, что строптивая дочь — расплата за грехи.

Амели пожала плечами:

— Отец считает, что это необходимая воспитательная мера. Знаешь, что он как-то сказал?

— Что?

— Что когда у меня появится муж, он тоже будет иметь право поколачивать меня, если я в чем-то провинилась. Все намекает на мой характер. Называет несносной. Якобы это полезно и богоугодно. И отец Олаф, знай, поддакивает! Ну-ну... Когда-то в детстве я подсмотрела, как матушка отцу в кухне медным черпаком аккуратно по голове заехала. Они тогда о чем-то сильно ругались. Видно, тоже весьма полезно было.

Эн серьезно покачала головой:

— Нельзя так. В тебе совсем почтения нет. Он твой отец. Он мужчина. Благодетель. Тут только виниться и терпеть.

— Виниться — повинюсь, если есть за что. Но терпеть... Я вообще все в толк не возьму: с чего это вдруг решили, будто отцы и мужья всегда над нами главные?

Эн пожала плечами:

— Так уж повелось. Они умнее. Они сильнее. У них все права.

Последнее, увы, верно — ничего не поделаешь. И Конклав, и церковники — все на их стороне.

Когда неспешно вышли на Хлебную площадь, часы на башне смотрителя пробили пять. Эн попрощалась и заторопилась домой, к свадебным хлопотам. Амели еще долго расхаживала по улицам, делая вид, что куда-то спешит, потому что девице не престало слоняться одной без дела. Бродила, смотрела по сторонам. Все время чудилось, что в толпе вот-вот покажутся синие глаза. Ох, и глаза — внутри все перевернули. Даже при одной только мысли кровь расходилась, а тело наполнялось какой-то приятной ломотой. Вот бы такого мужа — задохнуться от счастья можно. Тут с одного только взгляда так полюбишь, что сердце остановится. Ведь можно помечтать? Узнать бы кто такой, где остановился. Хотя бы просто имя. У него должно быть прекрасное звучное имя, которое перекачивается на языке, как леденец. И хранить, как детский секрет. Девчонкой Амели часто делала секретки. Подбирала всякую ерунду, накрывала битым стеклышком и присыпала землей. Оставалось лишь протереть пальцем круглое окошечко и заглянуть.

А вдруг он женат? От этой мысли все радужные грезы померкли — грех мечтать о женатом мужчине. Но как не мечтать о таком? Никогда, никогда такого не было. Эн влюблялась чуть ли не каждый день, едва завидев смазливое лицо. Каждый день новая любовь и новые мечты. Амели лишь смеялась. А теперь сама себя не узнавала — впервые в жизни. Хотелось прыгать, смеяться, кружиться, но одновременно реветь. А он ведь даже слова не сказал. Да и, наверняка, даже не вспоминает о ней.

Глупые мысли вытеснили даже страх перед отцом. На залитой странице были все расчеты за последний месяц. Отец каждый раз что-то скрупулезно высчитывал, чтобы семья имела самое необходимое, собирал по крину, по мелкому медному луру. Подгонял так, чтобы и жене и дочерям выделить, пусть небольшую, но собственную сумму. Если и выпорот — поделом. Где заслужила — там заслужила.

Когда город стали накрывать теплые синие сумерки, оставаться на улице было попросту небезопасно. Добропорядочные горожане спешили разойтись по домам и закрыть ставни, оставляя Шалон бродягам из Веселого квартала. Тени удлинялись и чернели настолько быстро, что когда Амели добралась до Седьмой площади, над головой раскинулся усыпанный звездами синий полог ночи. Она помедлила у двери: лишь бы оказалось не заперто. Тогда, может, удастся проскочить в комнату незамеченной и соврать, что вернулась значительно раньше.

Амели толкнула тяжелую окованную дверь, та бесшумно поддалась на хорошо смазанных петлях, и проскользнула в прихожую. На крючке висел тусклый запаленный фонарь — увы, ее ждали. Но надежда проскочить незамеченной все еще оставалась. Амели заглянула в коридор, ведущий в кухню — темно, даже кухарка не скребется со своими котлами. Она подобрала суконную юбку, аккуратно ступая по предательской деревянной лестнице — та скрипела от самого легкого касания. Поднялась на второй этаж и замерла — в гостиной ярко горели свечи.

Отец никогда не позволяет жечь свечи так расточительно. Что ж... здесь не проскочить. Попадает за все: и за расходную книгу, и за позднее возвращение, и еще за какие попутные грешки.

Амели вздохнула, собираясь с духом: за свои поступки надо отвечать. Она шагнула в гостиную и виновато опустила голову. Мать с отцом сидели рядом на обтянутой истертым гобеленом кушетке. Прямые, с бледными вытянутыми лицами. Все это было ненормально — они всегда демонстративно рассаживались по разным углам: мать неизменно считала, что отец ее не ценит, а отец исправно повторял, что мать его изводит. Идеальные семейные отношения. Теперь они будто перестали быть сами собой. Может, кто-то умер? Не приведи Создатель...

Амели опустила голову, не решаясь говорить первой, посмотрела в угол у камина. Отвела взгляд и тут же вновь вскинула голову: в кресле, под портретом деда Гаспара в тяжелой золоченой раме, сидел тот самый безобразный горбун. Пламя свечей плясало бликами на его длинном, как у цапли, увесистом носу. Амели попятилась, но взяла себя в руки: здесь и отец, и матушка — худого не будет.

Горбун разглядывал ее с явным удовольствием. Подался вперед, улыбнулся, отчего лицо перекосило в уродливую маску, будто исполосованную черной тушью:

— А вот и наша девица.

3

Амели вновь посмотрела на родителей — те по-прежнему сидели недвижимо, с вытянутыми лицами. Хотелось кинуться, взять матушку за руку, но это казалось неуместным. Что происходит?

Горбун посмотрел на отца:

— Ну, что же вы, господин Брикар, осчастливьте вашу драгоценную дочь.

Голос вполне соответствовал уродливой внешности. Низкий, сиплый, будто горбун хватил в жару ледяной воды и простыл. Этот голос вгонял в онемение, скреб по ребрам, как наждак по камню. Вжих-вжих.

Амели похолодела, видя, сколько муки отражается в глазах отца. Открыто посмотрела на горбуна, стараясь не показывать страх:

— Что здесь происходит? Что вам здесь нужно?

Горбун повел блеклыми кустистыми бровями:

— Какая невоспитанная девица. М... Господин Брикар, что же это происходит? Ваша невоспитанная дочь позволяет себе заговаривать первой в присутствии старших. Может, она еще имеет привычку перечить вам? Разве позволительно такое девице?

Вжих-вжих, вжих-вжих. С таким звуком камнетес шлифовал белый камень, когда возводили ограду у собора святого Пикары. Тогда вся улица с утра до ночи звучала этим ширканьем, словно повсюду мыши скреблись.

Отец, наконец, шевельнулся, опустил голову:

— Дочь моя, мое решение может показаться тебе неожиданным. Но я все обдумал. Достойный хозяин господина Гасту пожелал видеть тебя в своем замке. Это большая честь для нас.

— Колдун?

Амели не сдержалась, но взгляд отца просто умолял замолчать.

Это не может быть правдой. Если все это из-за испорченной расходной книги... да разве мыслимо такое?

— Отец, да, я виновата. Я заходила в ваш кабинет и испортила расходную книгу. Я не стану отпираться. Виновата — отвечу. Я все перепишу. Но зачем мне куда-то идти?

Отец поднял голову:

— Книга тут не причем. Пропади она пропадом, эта книга.

Казалось, живые эмоции отца бессильно бьются под непроницаемой броней, надежно запертые, заключенные, как преступники, в каменный мешок тюрьмы.

— Тогда почему вы гоните меня?

Отец молчал. Горбун сверлил его маленькими черными глазками, похожими на двух тараканов, перевел взгляд на Амели:

— Придется мне объяснять. Милая девица, мой досточтимый хозяин оказал вам неслыханную милость. А я и так отсиживаю здесь зад уже несколько часов. А это чревато. Досточтимый хозяин будет недоволен, — теперь звучало назидательно и гнусаво.

Хотелось взять что-то тяжелое, кочергу, огреть уroda по голове, чтобы замолчал. Но Амели лишь спросила:

— Зачем мне идти туда?

Горбун выдохнул со скучающим видом:

— Досточтимый хозяин вам сам все разъяснит.

Амели перевела взгляд на отца — тот лишь обреченно кивал. Она порывисто шагнула вперед:

— Да неужто вы меня вот так отпустите? Куда? Зачем?

Отец не знал, куда себя деть:

— Сейчас так нужно. Ты должна пойти.

Горбун нетерпеливо поднялся, выпрямился, насколько мог. В кресле он не выглядел таким уродливым, таким скрюченным, как морской конек. Сальные желтенькие волосы, длинные непропорциональные руки с огромными ладонями, будто принадлежащими другому человеку. И этот птичий нос... Настолько несуразный, что вызывал скорее усмешку, чем страх.

Горбун шумно вздохнул и сделал шаг к Амели:

— Как мне надоело... Я несколько часов имел несчастье убеждать вашего папеньку. Ваш папенька упрямый. Ваш папенька непонятливый. Но некоторые, особо весомые аргументы, все же, убедили его. А теперь девица кочевряжится. Что же, вас не научили отцовскую волю исполнять? Что же за вздорное семейство!

Каким жалким сейчас казался отец... И мать — белая, как полотно, словно неживая. Она так и не проронила ни слова.

Амели все еще надеялась, что сейчас все разрешится. Все это непременно должно хорошо разрешиться. Она вновь посмотрела на горбуна:

— Какие аргументы?

Тот явно терял терпение:

— Мой досточтимый хозяин выплатит господину Брикару за беспокойство крупную сумму в золотых саверах, которая решит многие проблемы вашего папеньки. А в частности, покроет его внушительный долг некоему господину Рому и избавит господина Брикара от долговой тюрьмы. А ваше семейство, соответственно, от позора. Сплошное благочинство и неоспоримая выгода.

Амели с ужасом посмотрела на отца:

— Долг? Долговая тюрьма?

Он лишь кивнул и опустил голову:

— Мы уже несколько лет живем в долг. Здесь не осталось ничего нашего.

Амели заглянула в отрешенное лицо матери:

— Так вы меня... продаете? — сейчас она в полной мере ощущала на себе выражение «глаза лезли на лоб». — Вот так запросто? За долги?

Отец с трудом поднялся — он едва держался на ногах:

— Нас просто поставили перед фактом. Я не могу спорить с таким господином. Он уничтожит всех нас.

Амели замотала головой:

— Мы найдем эти деньги. Я выйду за того, за кого скажете. Клянусь, слова не скажу! Все стерплю! Только туда не отсылайте!

Отец покачал головой:

— Теперь нельзя. Надеюсь, все обойдется. Он говорил, что ты сможешь вернуться. Может даже очень скоро. И все будет, как прежде.

— А если я не вернусь?

Горбун подкрался совсем близко. Согнутый, он едва доставал Амели до плеча:

— Ваше согласие никого не интересует, милая девица. Досточтимый хозяин повелел — это главное. Ничего не поделаешь. Но ведь будет гораздо лучше, если ваши благородные родители не останутся внакладе. Да и вы проявите благоразумие.

Амели все еще не верила, что видит и слышит все это. Она зажмурилась, потрясла головой, открыла глаза, но все осталось на своих местах. И родители, и уродливый горбун. Она вспомнила реку, гвардейца с длинным багром. Создатель! А если ее завтра точно так же выловят из реки? Голую и сломанную? Отчего-то даже смерть не пугала сейчас так, как нагота. Амели порывисто закрыла лицо ладонями, шумно дышала. Наконец, посмотрела на горбуна:

— Могу я попрощаться с сестрами?

За спальней девочек — лестница черного хода. Калитка ведет в Ржавый переулок. Если выбирать между рекой и ночным городом...

Горбун склонил голову. Его все время перекашивало вправо, потому что горб был смещен:

— Можете. Только спешно.

Амели в последний раз взглянула на мать — ее лицо от шока ничего не выражало. От шока или неведомого колдовства. Они оба околдованы, иначе никогда, никогда в жизни отец не сказал бы подобного. Не согласился. Не отпустил. Амели подобрала юбки и выскочила из гостиной. Едва не бегом преодолела темный коридор, миновала комнату сестер с закрытой дверью. Дальше, в самый конец, к бельевой. Сняла с крюка фонарь, нащупала на полочке огниво, но руки дрожали — не запалить, да и времени нет. Она оставила фонарь, шмыгнула в низкую неприметную дверь, на узкую черную лестницу и стала спускаться в полной темноте, на ощупь, держась за холодную каменную стену. Наконец, нащупала доски двери, массивный железный засов. Дернула, но железо не поддавалось — дверью нечасто пользовались, видно, заржавело. Амели дергала еще и еще, обдирая пальцы, но в темноте раздавался лишь хилый лязг, будто засов намертво заклепали. Она дергала снова и снова, уже не обращая внимания, что лязг железа могут слышать. Пальцы саднило, на лбу выступила испарина.

Амели не сразу поняла, что засов начал приобретать очертания. Бледный апельсиновый свет становился все ярче. Горбун стоял на лестнице, держа фонарь на вытянутой руке:

— Так и знал. Дурная, спесивая девчонка. Ну, ничего, досточтимый хозяин вмиг эту дурь собьет. Не любит он спесивых.

4

Амели, не отрываясь, смотрела в смятое лицо горбуна, но все еще методично дергала засов. С упорством, с остервенением загнанного в тупик. На мгновение показалось, что дверь вот-вот поддастся.

Горбун потерял терпение — спустился, тяжело ступая огромными носатыми башмаками на толстых каблуках, схватил за руку:

— Пошли. Времени нет шутки шутить.

Амели дернулась, пытаясь освободиться, но огромная сухая ладонь прочно обхватила запястье. Горбун протащил ее по лестнице с невероятной силой, без сожаления сжимал пальцы так, что ломало кость. Казалось, еще немного, крошечное нажатие — и рука попросту слома-

ется. Они вернулись в коридор, но у самой гостиной горбун свернул на лестницу и потащил вниз, к выходу. Амели отчаянно цеплялась за перила, хваталась за балясины:

— Пойдите. Пойдите же! Дайте с матерью проститься.

Горбун остановился. На мгновение показалось, что позволит, но тот лишь еще крепче сжал пальцы. Кандалами, колодками, тюремным железом.

— Ты свой шанс уже упустила. Никаких прощаний.

Горбун спустился в прихожую, отворил дверь и потащил Амели в прохладную ночь. Она мелко семенила за неожиданно широкими шагами, но все время оглядывалась на освещенные окна, надеясь увидеть черный силуэт матери, увидеть, что она смотрит вслед. Но окна оставались всего лишь желтыми подрагивающими прямоугольниками, забранными мелким свинцовым переплетом.

Чем дальше от дома, тем сильнее холодело сердце. Все еще не верилось. Когда Горбун свернул в непроглядно черный, узкий, как чулок, переулок, когда дом пропал из виду, Амели заартачилась. Изо всех сил упиралась ногами, пыталась выдернуть руку, но проклятый горбун ни на мгновение не ослабил хватку. Его почти не было видно, он превратился в едва различимую тень, бледно обрисованную лунным светом, будто просыпанную пудрой. Он дернул так резко и сильно, что Амели рухнула на колени в дорожную пыль. Горбун наклонился, едва не касаясь своим птичьим носом ее лица:

— Я не нянька для вздорных девиц. Не стану ни упрасивать, ни жалеть. И слезы пускать не вздумай — бесполезно.

Слезы хлынули потоком, безудержным водопадом. Горбун неожиданно разжал пальцы, и Амели тут же закрыла мокрое лицо ладонями. То подвывала, то всхлипывала, сотрясаясь всем телом. Эти звуки разносились по пустой улице собачьим поскуливанием.

Горбун стоял рядом и терпеливо ждал, нервно притопывая башмаком. Но не хватал, не потирапливал. Наконец, склонился, и его большая ладонь легла на плечо:

— Хватит. Что мне твои вопли слушать, — казалось, голос смягчился.

Амели лишь всхлипывала, шмыгала носом. Наконец, подняла голову:

— Отпустите меня. Создателем прошу. Зачем я вам?

— Велено.

— Это наверняка ошибка. Я ничего не сделала, — она отчаянно замотала головой. — Я самая обычная девушка.

Горбун ухватил за руку повыше локтя и помог подняться. Жестом лакея ширкнул ладонью по юбке, сбивая с сукна пыль.

— Кто знает: может, и ошибка. Только пойми: не могу я послушаться. Велено привести тебя — значит, надо привести. Иначе и мне попадет. Зачем — меня в дела хозяйские не посвящают. Мое дело — приказы исполнять.

Амели отстранилась на шаг:

— Наверняка ошибка. Иначе и быть не может.

— Если ошибка — господин так и скажет.

— И отпустит?

Горбун кивнул:

— Зачем ты ему без надобности сдалась.

Все равно стало легче. Конечно, отпустит. Потому что ошибка.

Остался только один единственный вопрос, который бился в голове, как пойманная муха в стеклянной банке:

— Что вы сделали с матушкой? И с отцом? Они никогда не отпустили бы меня, ни за какие деньги. Они любят меня.

Горбун шумно выдохнул — ему надоел этот разговор:

— Господин лично их убедил. Сразу поняли, что с мессиром шуток не пошутишь. А я остался тебя ждать. Пошли уже!

Горбун вновь схватил ее за руку и зашагал в непроглядной черноте. Амели обреченно семенила за проклятым уродом, все еще надеясь улизнуть на мосту Красавиц. На ночь натягивают цепи, чтобы не могли свободно проехать экипажи и верховые. Пеших — остановит охрана. Лишь бы остановили — тогда Амели все расскажет, и ее вернут домой. Теперь она шагала быстрее, надеясь скорее достигнуть моста.

Они вывернули на Тюремную набережную. Здесь прохладно задувало с реки, пахло илом и терпкой сладостью гнили с фруктовой пристани. Фрукты падали за борт, течение прибывало их под прибрежными домами на сваях, где они образовывали зловонные островки. В сильную жару запах был почти невыносимый. Надо же, в ночной прохладе почти не чувствовалось.

В отдалении просматривались очертания моста Красавиц, плотно застроенного домами. Редкий бледный свет в окнах. Но горбун направился в другую сторону, будто угадал ее желания, и повлек прямо к реке, в осоку. У шатких деревянных сходней покачивалась лодка, в которой дремал сгорбленный человек. Горбун пнул суденышко, его тряхнуло, человек тут же очнулся и с готовностью взялся за весла.

Амели никогда не видела город с реки. Сейчас он казался черной аппликацией на фоне густо-синего, усыпанного звездами неба. Вокруг призрачно рябила и мягко плескалась под веслами темная вода Валоры. Амели сидела на самом краю банки, а горбун по-прежнему неустанно сжимал ее руку — видно, боялся, что юркнет в воду в попытке сбежать. Нет — это была бы глупая смерть. Амели не умела плавать, да и намокшие юбки очень быстро безвозвратно утянут на дно.

Все это ошибка. Звучало, как заклинание, но Амели вновь и вновь внушала себе, что это так. Она тотчас вернется назад.

Над городскими крышами показалась высокая часовая башня ратуши. Ежедневно в полдень с нее раздавался мелкий звон, звучали колокольца, проигрывая мелодию старой песни, и в оконце появлялась стройная фигурка Неурской девы, которая кланялась народу, а вокруг нее тотчас дугой распускались небывалые цветы. Говорят, тут не обошлось без колдовства. Целую делегацию старейшин отряжали и в ножки кланялись. Будто без этих часов обойтись нельзя было.

Башня вогнала в уныние. Амели больше не смотрела по сторонам, лишь наблюдала, как мокрое весло, будто стеклянное в лунном свете, опускается в воду и запускает такие же стеклянные волны. Она не могла даже предположить, что понадобится от нее колдуну. И это незнание пугало больше всего. Незнание и утренние воспоминания. Вновь и вновь гвардеец орудовал багром, вновь и вновь на берегу появлялось распластанное безжизненное тело. Красивое тело. Идеальное.

Амели больше не смотрела на воду. Она похолодела, превратилась в застывшую ледышку. Матушка всегда говорила, что Амели красива. И Эн так считала. Многие так считали. Глубоко внутри это всегда вызывало эгоистичную радость: уж, конечно, всегда лучше быть красавицей, чем дурнушкой. Но теперь... Что он делает с красавицами?

Горбун врет — ее ни за что не отпустят. Как не отпустили тех, которых вылавливали из реки.

Лодка причалила к правому берегу, уткнулась носом в каменные ступени. Горбун ловко перескочил, швырнул лодочнику монеты. Они тяжело шлепнулись на деревянное дно. Горбун протянул руку Амели, но она медлила. Если изловчиться, схватить весло и оттолкнуться...

Чужие руки обхватили сзади тисками. Неожиданно, подло. Лодочник поднял ее над водой и буквально вышвырнул на ступени, в руки горбуна. Тот лишь вновь схватил за запястье с новой силой и молча протащил вверх по ступеням, отпер низкую калитку в каменной ограде. Они прошли по парку — Амели поняла это по жесткому геометрическому срезу стриженных

кустов самшита. Под ногами шелестел мелкий утрамбованный песок. Замок серебрился в отдалении, щетинился острыми шпильями седых свинцовых крыш. Горбун свернул к одноэтажному павильону, втащил Амели в черное нутро двери. Какое-то время они шли по гулкой галерее. Лунный свет падал из окон бледными зеленоватыми разлинованными прямоугольниками. Снова двери, темные узкие лестницы, переходы, позволяющие увидеть в окно клочок ночного неба.

Наконец, горбун отворил высокую тяжелую дверь и втащил Амели в просторную освещенную гостиную.

— Почему так долго, Гасту?

Горбун отпустил, наконец, руку Амели и скрючился в поклоне, закрутился, как домик улитки, едва не касаясь птичьим носом узорного паркета:

— Непредвиденные сложности, мессир, — голос стал приторным, как сахарный сироп. Горбун вдруг представился мерзкой жалкой букашкой, трепещущим ничтожеством. — Девицу ожидали.

Амели посмотрела перед собой, туда, откуда доносился удивительно чистый глубокий голос. Несмотря на отчаянный страх, он завораживал, запускал по телу необъяснимые вибрации. Как в соборе святого Пикары, когда к сводам возносятся стройные песнопения. Не может быть, чтобы этот голос принадлежал старику, как все считают. Она увидела лишь высокую резную спинку кресла и белый рукав сорочки.

— Я не хочу ничего слышать о сложностях, — колдун порывисто поднялся.

Амели обмерла, и прижала пальцы к губам. Значит, все правда...

5

Перед Амели возвышался тощий старик. Кончик острого крючковатого носа едва ли не касался верхней губы, щеки провалились, а глаза были такими мутными, что на мгновение показалось, что на обоих по бельму. Длинные, совершенно седые волосы свисали на плечи комьями ваты. Снежно-белая сорочка лишь подчеркивала эту безобразную старость, придавала коже оттенок воска.

Можно было бы обезуметь от страха и дурного предчувствия, но, гораздо сильнее, чем мерзкий старик, поразило некое существо. За спиной колдуна мелко шлепало серыми кожистыми крылышками совершенно невообразимое создание. Сначала показалось, что это упитанный поросенок, покрытый редкой серо-фиолетовой шерстью, будто вывозился в чернилах, но, приглядевшись, Амели совершенно отчетливо различила детские ручки в перетяжках и маленькие пятипалые ножки с нежно-лиловыми ступнями, больше похожие на собачьи лапы. Посередине вздувалось тугое упругое брюхо. Морда существа напоминала морду летучей мыши: огромные уши-локаторы, приплюснутый пороссячий нос. Но вполне человеческий рот и налитые щеки под янтарно-желтыми огромными глазами трогательного ласкового котенка. Он был одновременно и умирительно симпатичен, и поразительно уродлив. Бесспорным оказалось одно: он притягивал так, что невозможно было оторвать взгляд.

Старик приблизился на несколько шагов, уставился на горбуна:

— Я недоволен тобой.

Нет, завораживающий голос никак не увязывался с высохшим старческим лицом, будто говорил кто-то рядом, а старик только открывал рот, как плохой актер.

Гасту едва не повалился на пол.

— Простите, досточтимый хозяин. Я виноват.

Подался вперед, норовил ухватить пальцы колдуна и прижать к губам. На мгновение это удалось, но старик безразлично выдернул руку.

— Как мне тебя наказать? — колдун выдержал паузу. — Можешь выбрать сам.

Странное существо подлетело поближе, лавируя в воздухе, будто в воде, зависло возле своего господина. Уродец сложил на груди пухлые ручонки и перекувыркнулся:

— Отрежьте ему нос, драгоценный хозяин, — он хитро сощурился. — Хотя бы временно, — прозвучало бесцеремонно и пакостно.

Амели остолбенела. Не от смысла сказанного — от того, что это существо умело говорить. Значит, оно умело и мыслить. Чувства смешались: вместо того, чтобы цепенеть от страха перед колдуном, она с замиранием сердца следила за его более чем странной свитой. Может, это чары, но удивление пересиливало страх. И это казалось противоестественным. Она должна умирать от страха, забыть собственное имя.

В ответ на жестокое предложение Гасту сжал огромный кулак и погрозил зверю. Тот лишь заливисто, высоко расхохотался и вновь перевернулся в воздухе. Он поймал взгляд Амели и подлетел к уху старика:

— Мой досточтимый хозяин, кажется, эта бестолочь никогда не видела демона.

Колдун безжалостно шлепнул уродца, и тот обиженно отлетел к стене.

— Орикад, ты хочешь, чтобы я и у тебя отрезал нос? Временно?

Демон капризно опустил уголки губ и закрылся ладошкой, казалось, он вот-вот разрыдается:

— Лучше заклейте рот, как в прошлый раз.

— Недостоин. — Колдун швырнул в уродца скомканный носовой платок: — Веди себя подобающе! Не видишь, что здесь приличная девица?

Демон ухватил платок налету, перекувыркнулся и расправил на брюхе, как фартук:

— Тоже мне, королева. Да и почему вы знаете, досточтимый хозяин, что она приличная?

Демон облетел вокруг Амели и завис перед самым носом, шлепая кожистыми крыльями, как летучая мышь. Казалось, что они держат его в воздухе вопреки всем законам природы, ибо слишком малы.

— Может, она и не девица вовсе, мой досточтимый хозяин? Им же только дай волю! А эта совсем воспитания не имеет.

Колдун, наконец, пристально посмотрел на Амели — и теперь стало одуряющее страшно. Так страшно, что подкашивались ноги, и в горле мгновенно пересохло.

— Итак... — он медленно зашагал в ее сторону, — надеюсь, Орикад ошибается?

Амели кивнула.

Старик улыбнулся краешком тонких губ:

— Это славно. Иначе и быть не может.

Даже перед глазами на миг потемнело. Неужто этот старик... неужто все правда? Все, что говорила Эн. Бабка Белта. А потом в реку...

Амели бездумно бросилась к двери, но та с грохотом захлопнулась перед самым носом. Колдун лишь смотрел, склонив голову. Кажется, он был раздосадован.

— Если ты не станешь делать глупости — освободишь меня от необходимости делать весьма неприятные вещи. Это правда?

Слова едва сорвались с губ:

— Что «правда»?

— То, что ты говорила сегодня на улице?

Амели пожала плечами — она много чего говорила, всего не упомнить:

— Я не знаю.

Колдун злился. Нахмурился, губы залегли дугой:

— Ты говорила, что искренне полюбишь того, кого прикажут.

Амели чувствовала себя так, будто ее окатили холодной водой. Как может такая стыдная ерунда интересовать этого противного отжившего деда? Она покачала головой:

— Я соврала. Чтобы поддержать Эн. Все это глупости. Но откуда...

Амели замерла, сжалась, не понимая, правильный ли это ответ. Горбун ошивался тогда где-то рядом и, наверняка, все слышал. Но что за нужда подслушивать всякий вздор, который несут девицы? Какая глупость!

Глаза старика потемнели:

— Значит, ты лгунья?

Амели молчала. Старик подошел совсем близко и заглянул в лицо. Она зажмурилась и вздрогнула всем телом.

— Я пугаю тебя? Не нравлюсь? Поэтому ты врешь? — колдун склонялся все ниже и ниже, его крючковатый нос почти касался ее лица. Хотелось махать руками, стряхнуть его, как противное огромное насекомое, мерзкую многоножку. Смахнуть на землю и растоптать башмаком, чтобы осталась лишь влажное коричневое пятно.

Старик отстранился:

— Не нравлюсь. Ожидаемо, — он усмехнулся. — Люди всегда откровеннее с красивым лицом. Не так ли?

Он провел ладонью, будто снимал маску. Когда колдун отвел руку, Амели ахнула и попятилась. Седые волосы окрасились в непроглядный черный, блеклые старческие глаза засверкали сапфирной синевой и смотрели так пронизывающе, что все внутри затрепетало.

Это не горбун — он сам все слышал.

Амели сглотнула, чувствуя, как по позвоночнику прокатилась колкая волна. Этот взгляд без стеснения изучал ее лицо, заставлял сердце колотиться так сильно, что оно, казалось, выскочит из груди. Создатель, она же весь вечер мечтала о нем, как последняя дура! Какой стыд... Она так злилась на саму себя, что даже страх отступил.

Красивые чувственные губы изогнулись:

— Может, вот так ты станешь сговорчивее?

Теперь чарующий голос был на своем месте.

6

Амели пятилась до тех пор, пока не уперлась в стену, в зеленые штофные обои. Теперь она не могла оторвать взгляд от этого нового лица и все время твердила себе, что это все тот же отвратительный старик. Виной лишь магия. Но доводы не работали. Глядя в это лицо, она ощущала знакомый трепет, охвативший ее на улице.

Морок. Магия. Иначе и быть не может!

Бултыхавшийся рядом демон визгливо расхохотался, облетел вокруг колдуна и гаденько выглянул из-за плеча:

— Поглядите, как смотрит! Досточтимый хозяин, я всегда говорил, что благонравные непорочные девы внутри весьма порочны. Именно такие недотроги и наставляют свои мужьям самые ветвистые рога! Взгляните, мессир, в ней же одни недостатки!

— Помолчи.

— Тогда заклейте рот! — Поганец подбоченился. — Клянусь: меньшее наказание — молчать, не имея рта, потому что воистину неисполнимо не говорить, имея рот.

Орикад подлетел к Амели и вгляделся в лицо. Она сразу же опустила глаза, чтобы не видеть, как просвечивает под редкой фиолетовой порослью тонкая серая кожа.

— Попомните мои слова, мессир, эта недотрога наставит своему супругу роскошные рога. Вижу по ее невинным глазкам.

Что-то молниеносно свистнуло, плюхнуло, и Амели больше не слышала трепыхание крылышек демона. Она подняла голову — отчего-то было не все равно, что случилось с маленьким уродцем. Орикад болтался в воздухе, заключенный в большой переливающийся пузырь. Он

что-то бормотал — было видно по губам, но за пределы неожиданной тюрьмы не вырывалось ни звука. Наконец, он замолчал, нагло показал в спину благодетелю розовый язык и отвернулся.

Колдун повернулся к Гасту:

— Ты выбрал наказание?

Тот вновь подобострастно согнулся, сжался:

— Может, тоже соблаговолите заклеить рот?

Колдун усмехнулся, сверкнув белоснежными зубами, и нахмурил брови:

— Какого беса, ты и так мало говоришь.

— Сжальтесь, досточтимый хозяин, — Гасту уже касался ладонями паркета.

Колдун перевел взгляд на Амели:

— Как тебя зовут?

— Амели, — звук будто лип к губам.

— Что? Я не слышу.

— Амели.

— Что ж, Амели... Что мне сделать с этим бездарным никчемным горбуном?

Она посмотрела на сжавшегося Гасту: тот почти дрожал, завязался в узел. Он впрямь боялся. Как теперь он отличался от того человека, который тащил ее по темной улице. Уменьшился, поблек. Его было попросту жаль, как калечного побитого щенка. Наверное, стоило бы отомстить, выдумать что-то страшное, мучительное. Но она попросту испугалась, что тот при случае оплатит.

Амели посмотрела в лицо колдуна, но тут же покраснела и опустила глаза:

— Ничего.

Он презрительно хмыкнул.

— Простить его? У тебя доброе сердце?

Она пожала плечами.

Колдун неспешно подошел к Гасту, по-хозяйски положил руку на горб и поглаживал, как собаку:

— Благодарю девицу, Гасту. Как следует, благодарю.

Тот с явной неохотой заковылял к Амели, согнулся в три погибели и поднес ее пальцы к губам:

— Благодарю... добрая... девица.

Каждое слово истекало ядом. Похоже, горбун возненавидел ее за этот вынужденный жест. Он, наконец, разогнулся, насколько мог, брезгливо отер пальцами губы и отошел к двери, шлепнув на ходу по пузырю с демоном. Радужный шар долетел до стены и отрикошетил. Орикад трепыхался, гневно потрясал руками, но из странной тюрьмы не вырывалось ни звука. Тут же послышался влажный щелчок, и демона освободили. Теперь вновь раздавалось шлепанье его маленьких кожистых крыльев. Он в мгновение ока подлетел к Гасту и принялся колотить по горбу маленькими спорыми кулачками:

— Уродливый паразит!

Колдун лишь холодно взглянул на него, и Орикад тут же притих, даже отлетел в сторону и завис с самым благообразным видом. Если бы не ситуация, эти выходки показались бы веселыми. Демон походил на очень избалованного, злобного, мстительного и невоспитанного ребенка, любимца, которому прощается практически все, любая гадость.

Колдун вернулся в кресло, которое самостоятельно развернулось, горбун и демон расположились по сторонам. Амели не могла отвести взгляд. Все трое дополняли друг друга так, будто были одним органичным целым. Поразительной гармонией, смесью небывалой красоты и немыслимого уродства. Отец всегда говорил, отправляясь смотреть казнь, что людей привлекает либо прекрасное, либо ужасное. Эти трое воплощали и то, и другое.

Колдун откинулся на спинку кресла, тонкие белые пальцы, выглядывающие из пены сорочки, барабанили по полированным подлокотникам:

— Я повторю свой вопрос: ты солгала мне, Амели?

Она похолодела, комкала юбку. Что отвечать? Ему не понравится ответ — что тогда? В Валору? Создатель, она должна сделать все, чтобы вернуться домой. Если бы понимать, чего он хочет...

Колдун, кажется, терял терпение:

— Так полюбишь или нет?

Амели лихорадочно смотрела по сторонам, не понимая, что говорить. Он просто издевался. Невозможно, чтобы мужчину интересовала такая несусветная девчоночья глупость. Когда ее взгляд упал на Орикада, она заметила, что демон до странности серьезен. Губы поджаты, коротенькие брови сведены к переносице. Он едва заметно кивнул, не сводя с нее желтых глаз. Его губы беззвучно шептали: «Да». Он будто подсказывал ответ.

Амели опустила голову и пробормотала, жмурясь от страха:

— Да.

7

Амели остолбенела, стгорая от страха и мучительных сомнений. Зачем она поддалась на провокацию демона? Насмехался ли он, или впрямь хотел помочь? Может, все те бедные девушки в реке отвечали: «Нет»? А может, напротив: «Да»? Создатель, каков же правильный ответ?

Но ее слова были правдой ровно настолько же, насколько и ложью. Разве кто-то может наверняка знать, как возникает любовь? Разве может ответ быть настолько однозначным: да или нет? Это же глупость. У всех по-разному: кто-то влюбляется с одного взгляда, а кому-то нужны годы, как матушке с отцом. Разве важно, как и откуда появляется любовь? Главное, что она существует, поселяется в груди и греет, как ласковая теплая лампада. Наверное, греет... Разве этого недостаточно?

Колдун просто молчал и буравил сапфировым взглядом, тонкие пальцы барабанили по полированному подлокотнику кресла. Амели чувствовала себя раздетой и не могла ничего с этим поделать. Она то и дело опускала глаза, чтобы убедиться, что платье на месте. Оно и было на месте, но постоянно чувствовались легкие, как лебединое перышко, горячие касания к коже. Или все казалось... Колдун лишь смотрел через прищур, и уголок скульптурных губ едва заметно подрагивал.

Ее охватывал жгучий стыд. Не то. Все не то! Не то она должна была ощущать. Она должна была ослепнуть от рыданий, валяться в ногах, умолять вернуть ее домой, а вместо этого гнала недопустимые мысли.

— Да простит меня досточтимый хозяин, — демон подлетел и завис между Амели и колдуном. — Полагаю, девица устала. Да и ошалела. Посмотрите — сама не своя. Мессир, отпустите девицу отдыхать. Того и гляди в бесчувствии шмякнется, а нам с ней возись. Страшно не люблю обихаживать обморочных девиц.

— Будто ты их когда обихаживал.

Демон вытянул губы дудкой и смешно поводил короткими бровями, из которых торчали длинные волосы, совсем как у кота:

— Может и не обихаживал. Но и начинать не хочу.

Колдун охотно поддался на уговоры, будто только и ждал предлога убрать Амели с глаз долой:

— Хорошо. Отведите девицу в покои у лестницы. И следите, чтобы по дому не болталась, — он шумно развернулся вместе с креслом и потерял к происходящему всякий интерес.

Амели вздрогнула, когда маленькие пальчики демона подцепили рюшу на рукаве. Орикад повлек ее в открывшиеся сами собой двери, в темный коридор, в котором по мере их продвижения разгорались свечи в золоченых подсвечниках. Они вспыхивали со звонким щелчком, будто ломали сухой тонкий прут. Надо же: никакого огнива, никаких углей... Горбун шел позади, и Амели спиной чувствовала его недобрый взгляд, слышала тяжелые удары каблуков по паркету, и отчего-то казалось, что он способен ударить в спину. Хотелось, чтобы он ушел.

Они миновали несколько полутемных комнат и вошли в покои. Все свечи загорелись единым разом, издав такой щелчок, что Амели подскочила и невольно прикрыла глаза. Она никогда не видела, чтобы свечи горели так ярко и ровно. Что уж там, она никогда не видела сразу столько горящих свечей. Максимум, который позволял отец, — три свечи на столе во время ужина. Бывало, ужинали и при едва тлеющем огарке, когда семейный бюджет уже не позволял жечь свечи. Она опустила голову: даже свечи были в долг. Столовое серебро, фарфор — все заложено. А она мечтала о такой ерунде — ванили и мускатном орехе.

Воспоминания о доме будто скинули морок. Что там теперь? Мать, наверняка, в слезах. А отец? Амели отдала бы все на свете, чтобы вернуться, но недоумевала, почему нет тех острых отчаянных чувств, которые должны быть. Нет пожирающего страха, нет паники. Неужели все из-за этого лица? Оно будто все перевернуло. А если колдун просто прознал про это лицо и попросту издевался, надев на себя? Каков его истинный облик?

Демон отпустил ее рукав и полетел вглубь комнаты, перекувыркнулся:

— Ну, как, нравится?

Амели сделала несколько шагов, двери закрылись, оставляя горбуна в коридоре. Вот и хорошо. Демон бултыхался в воздухе, кувыркался, поигрывая массивной кистью затканного цветами граната трипового балдахина. Создатель, какая роскошь! Небесно-голубые тисненные обои, расписные панели на стенах, изображающие пасторальные пейзажи. Обтянутые узорным шелком стулья. С расписанного легкими облачками потолка свисала массивная золоченая люстра. На нее было больно смотреть, как на солнце.

Амели, покачала головой:

— Не нравится.

Конечно, ложь — это самые роскошные покои из всех, что ей доводилось видеть. Но разве сейчас это имело значение? Демон довольно хмыкнул, уловив вранье, но ничего не сказал.

— Зачем ты мне подсказал? Назло?

Он облетел столбик кровати и плюхнулся на гору подушек:

— Дура! Спасал. Мессир очень не любит, когда ему врут. И когда перечат.

— Я не врала, я...

Орикад отмахнулся:

— Какая теперь разница. Я не знаю, что там произошло в городе, какую глупость ты сказала, но теперь выход только один — со всем соглашаться и не гневить досточтимого хозяина. Запомни: соглашаться.

8

Амели замотала головой, заломила руки и принялась расхаживать из стороны в сторону. Орикад все еще лежал на подушках и следил за ней огромными желтыми глазами.

Соглашаться... А вдруг только хуже станет? Можно ли верить этому невообразимому существу? С чего она вообще взяла, что ему можно хоть немного верить? Ответ прост: верить горбуну хотелось еще меньше.

— Вдруг ты ошибаешься? — Амели, наконец, остановилась, потому что от непрерывного движения начала кружиться голова. — Вдруг я ему совсем не нужна? Я простая девушка. Самая обыкновенная. Он поймет, что ошибся, и отпустит. Горбун сказал, что отпустит.

Демон лениво поднялся, расправил крылышки и вновь повис в воздухе:

— А ты этого уродца слушай больше. Он тебе и не того наговорит.

Амели опустила голову и сцепила застывшие пальцы. Она мерзла, несмотря на духоту и жар свечей. Обхватила себя руками и посмотрела на Орикада со всей искренностью, на какую была способна:

— Помоги мне. Он ошибся. Клянусь, ошибся. Я домой хочу.

Демон пожал плечиками:

— А это теперь только мессиру решать — кто и в чем ошибся. Терпи. И глупостей не делай. Глядишь, повезет, да домой отправит.

— А если не повезет? В Валору? — сердце ухнуло и почти перестало биться. — Как тех, других?

Орикад нахмурился:

— Каких других?

Нечего миндальничать — лучше сказать, как есть и, может, получить правдивый ответ:

— Тех, что гвардейцы из реки достают.

Демон округлил золотистые глаза, пожевал губы:

— А это вообще не твое дело. Вот дура! Твое дело сидеть смирно и не высовываться. — Орикад пристально посмотрел и погрозил пальчиком: — Мессиру лишний раз на глаза не попадайся. И не ходи в Восточную башню.

— Почему не ходить в Восточную башню?

Демон заливисто рассмеялся и даже хрюкнул от удовольствия:

— Потому что там живет семиглавое чудовище, которое тебя тут же сожрет! Вместе с твоими юбками! — Он вновь расхохотался: — Шутка, не смотри так. Мессир там работает. Никому не дозволяется входить — только этому горбатому засранцу, Гасту. А нам с тобой — ни-ни. Ну, особенно тебе. Мне-то, почитай, и не будет ничего. Я у мессира в любимчиках.

Кажется, он просто бравировал. Создавалось впечатление, что маленькому уродцу уже от души доставалось за это. Он приложил ладошку к губам и протянул заговорщицким шепотом:

— Только бежать не надумай... это самая большая глупость.

Амели сглотнула и промолчала. Стояла прямая, как палка — она и надеялась ночью пробраться за ворота. Главное на реку выйти, а там — в камышах, вдоль берега... никто и не заметит. Только это теперь и держало.

Демон вновь хихикнул:

— Знаю, уже надумала. На тебя же глянешь — и сразу все понятно. Не получится сбежать.

— Почему?

— Потому что магия, дурочка! Хоть всю ночь к воротам иди — нипочем не дойдешь. Чары не пустят.

— Врешь!

— Так иди да проверяй! Тебя даже не запирает никто.

Она понурила голову и соврала:

— Не буду.

Нужно лишь дождаться, когда все уснут. Амели вдруг наполнила непоколебимая уверенность в успехе. Конечно, все получится! Нужно лишь не бояться. В доме ни лакеев, ни стражи, как она успела понять.

Теперь только один-единственный вопрос не давал покоя:

— А какой облик настоящий?

— Что? — демон, кажется, не понял.

— Облик твоего хозяина. Какой настоящий?

Он широко улыбнулся, обнажая смешные кроличьи резцы:

— А какой больше нравится?

Амели поджала губы:

— Никакой не нравится.

Орикад прищурился и покачал головой:

— Ну, ты и врушка! А то я не видел!

— Перестань! Все это неприлично, — она даже топнула ногой.

— Все вы, нетронутые девицы, ханжи благонравные.

Лучший способ избавиться от издевок демона — не обращать на них внимания, но не ответить было так тяжело. Амели не привыкла молчать. Недаром отец называл ее несносной.

— Так какой облик настоящий? Ну, скажи!

Демон кувыркнулся в воздухе:

— А не скажу. Сама разбери. Мессир может принимать облик любого человеческого существа, правда, ненадолго. Никак не больше часа, я сам засекал. Хоть твой, хоть этого уроды за дверь. А вот голос... всегда один и тот же останется.

— Почему?

Демон пожал плечиками:

— Кто его знает?

Он подлетел к двери, хлопнул в маленькие ладошки и часть свечей погасла. Теперь стало более привычно:

— Спать ложись.

Он юркнул за дверь, едва Амели успела что-то добавить.

Амели тронула кончиками пальцев тяжелую вызолоченную кисть балдахина, прошлась по искусному тканому узору, раскинувшемуся на теплом желтом фоне. Подобная ткань стоила невообразимо — около двадцати саверов за локоть. Но, разве это имело значение? Она трогала тисненные обои, рассматривала расписные панели, замечая, как ловко и умело положены мазки краски, создавая пышные кроны деревьев или спокойные воды реки. Амели подошла к окну, забранному расписными ставнями, прижалась к прохладному стеклу и прикрыла глаза ладонями, чтобы не мешал свет.

Замок стоял на холме, над рекой. Вдали, над кромками парковых деревьев можно было различить влажный блеск воды. В лунном свете хорошо просматривалась засыпанная песком главная аллея, ведущая к воротам вдоль стройных рядов деревянных кадок с апельсиновыми деревцами, будто покрытыми инеем от мелких белых цветов. Достаточно лишь пробежать по аллее, скрываясь в тени деревьев. Это просто.

О том, что ворота могут оказаться запертыми, или о том, что у колдуна есть привратник, она старалась не думать. Это все осложняло — для начала нужно хотя бы выбраться в сад. Еще оставалась калитка, через которую они с горбуном вошли с реки, но где ее искать в темноте?

Амели на цыпочках прокралась к двери, приоткрыла, чтобы появилась крошечная щелочка толщиной с волосок. Превратилась в зрение и слух.

Непонятно, сколько она прождала: может, несколько тягучих минут, а может, целый час. Дом будто оцепенел, уснул. Ни звука, ни дрожащего огонька. Амели, придерживая, к счастью, отменно смазанную дверь, юркнула в коридор, прислушалась в темноте, и стала аккуратно пробираться в свете заглядывающей в незакрытые ставнями окна луны. Шаг за шагом, легко и бесшумно, как маленькая мышка. Она без препятствий миновала анфиладу, почти дошла до лестницы. Постояла у перил, вслушиваясь в тишину, глубоко вздохнула и порывисто выпорхнула, надеясь быстро и бесшумно преодолеть лестницу. Но едва, будто на крыльях, сбежала

вниз, слушая легкий шорох юбок, похожий на шелест осенней листвы, остановилась, как вкопанная, и зажала рот ладонями.

9

Амели едва не вскрикнула от страха, решив, что это колдун. Внутри все ухнулось, обмерло. Стройная фигура, высокий рост. Но в лунных лучах, бивших в окна прихожей, мелькала светлая кудрявая голова. Видно, кто-то из лакеев, если у колдуна все же есть прислуга кроме двух странных уродцев. Незнакомец замер и приоткрыл заслонку фонаря, который держал в руке, выпуская ровную желтую полосу:

— А ну, иди назад!

Шепот был едва различим, а поднятый фонарь почти касался щеки Амели и обдавал печным жаром. Перед ней стоял верзила с копной густых светлых кудрей. Наверняка, лакей.

Донесет! Внутри все сжалось. Сейчас же донесет!

Амели воинственно подобрала юбки и попробовала дернуться в сторону:

— Дай пройти.

— Не дам, — он бесцеремонно преградил дорогу, опустив руку на перила. — Нельзя затемно по дому слоняться, хозяин запрещает, — он хрипло шипел, как змея.

— Дурно мне. Только свежего воздуха глотну и вернусь.

Незнакомец покачал головой:

— Не велено, назад иди. А то шум подниму.

Амели попыталась применить все свое женское кокетство, но пользоваться им почти не умела. Все выходило нарочито и на милую несло ложью или неловкостью. Главное выйти за дверь, а там припустить по саду и бежать, пока не упадешь от усталости.

— Ну, пожалуйста. Ты просто не говори никому — и все. Как тебя зовут?

— Какая разница? — он ухватил Амели под локоть и потащил наверх. — Возвращайся, ведь хуже будет. Что же ты бестолковая такая?

Незнакомец уже тащил ее по анфиладе, наконец, отворил дверь и втолкнул в покои:

— И сиди смирно, а то еще и под замок запрут. Неужели хочешь?

Амели опустила глаза и покачала головой — конечно, не хочет.

— Создателем прошу: сиди смирно. Я все равно сегодня внизу — не проскочишь, — из-за сильного шепота слова казались неприятнее, злее. — А теперь так вообще следить буду. Мне из-за твоей дури не нужны проблемы. На себя плевать — так других под плаху не подставляй.

Белобрысый плотно прикрыл дверь, и Амели осталась одна.

Вот теперь стало страшно. И обидно, и жалко себя. Слезы полились ручьем. Она упала на покрывало и долго рыдала, уткнувшись в подушку, пока не заболела голова. Проклятый колдун! Проклятые уродцы! Они даже не понимают, что девушке нужна служанка, чтобы снять платье. Амели приподнялась, пытаясь распустить шнуровку лифа на спине, но ничего не получилось — Фелис по наказу матушки затягивала на славу и вязала крепкие узлы. Что б она провалилась со своими ручищами! Появилась идея просто разрезать шнур, но Амели вовремя опомнилась — что тогда делать завтра, если платье будет испорчено? Она перевернулась на спину, пытаясь пальцами хоть немного оторвать от тела жесткую планшетку корсета, но это лишь добавляло мучений.

Что же теперь будет? Она так ничего и не успела понять. Что нужно колдуну? Ясно одно — ничего хорошего. Значит, вот так он и затаскивает к себе девушек. А что потом? С чего бы ему спрашивать, невинна ли она, если он не замыслил ничего дурного? Неужели права бабка Белта? Сначала опозорит, а потом в реку!

Амели резко села, закрыла лицо ладонями и замотала головой. Нет! Такого быть не может! Нельзя сидеть просто так, чем бы они не пугали. Наверняка в доме есть черный ход.

Нужно лишь найти его и проскочить мимо этого белобрысого лакея. Амели осторожно подошла к двери, прислушалась — тихо. Осторожно налегла на створку, но дверь не поддавалась. Она дернула сильнее — бесполезно, будто заперли на ключ. Ни замочной скважины, ни засова. Она прислонилась спиной к золоченой створке и съехала на пол, прикрыла рот ладонью: откуда этот лакей знал, в какие именно покои ее возвращать? Ответ напрашивался только один: эти покои никогда не пустуют. Сколько несчастных до нее были заперты в этой комнате? Она задавалась вопросом, но не хотела знать ответ — это слишком страшно.

Амели пробовала исследовать окно, но не смогла открыть створки. Появлялась даже мысль разбить стекла, но мелкий переплет делал эту затею бесполезной — ей никак не просочиться через ромбы свинцовой сетки. Впрочем, как и прыгнуть со второго этажа. Не хватало только ноги переломать.

Уставшая, голодная, напуганная. Она лежала на кровати, разглядывая узор балдахина. Думала о том, что никто и не собирался гасить свечи. Ложиться спать при свечах растратно и глупо. Если свеча вдруг упадет — может случиться пожар. И как бы было хорошо, если бы в этом проклятом замке разом упали все свечи.

10

Снова скреблась мышь... Фелис постоянно тащила в дом кошек, но они почему-то не приживались, неизменно пропадали. Теперь мышь совершенно обнаглела, влезла в постель и щекотала по руке тонким хвостиком. Амели никогда не боялась мышей. Истошно кричать и забираться на стул — это к матушке и сестрам. Ей даже нравились забавные мордочки с черными пуговками глаз и крошечным розовым носом. Они милые. Но в постель — это уже слишком.

Амели открыла глаза и с ужасом увидела, что по ее руке скребется маленький фиолетовый пальчик. Она вскочила и уставилась на демона, сидящего на кровати. Какая злая шутка: на миг показалось, что она дома.

Орикад казался обиженным:

— Чего шарахаешься? Или кого другого ожидала увидеть? Попрятнее?

Хотелось врезать, чтобы он отлетел к стене. Неудивительно, что его лупят и колдун, и Гасту. Маленькое противное создание!

— Ты меня напугал.

— Напугаешь тебя! Спишь до обеда.

Амели поднялась, выглянула в окно: солнце висело высоко, освещая идеально ухоженный сад. Да уже за полдень перевалило. Она долго разглядывала стройную вереницу апельсиновых деревьев по краям желтой, как хлебная корка, аллеи, лабиринт стриженных кустов самшита, идеальные кипарисы, похожие на огромные наконечники пик. И ажурные кованые ворота вдали, отделяющие этот проклятый дом от нормального мира. Ворота... Такие близкие и такие недостижимые. За воротами, на другом берегу реки, взбирались на холм крытые красной черепицей дома.

Амели глубоко вздохнула и поняла, что все тело ломит. Целую ночь, не снимая корсета... Казалось, он ее сейчас попросту раздавит, как щипцы хрупкую кожуру высохшего ореха. Она несколько раз судорожно вздохнула:

— Здесь есть хоть одна горничная?

Орикад поднял брови:

— Зачем?

— Корсет ослабить. Я сама не могу.

Демон обиженно скривился:

— Комнатных девушек не держим. На что они нам? Чесать некого.

Он подлетел, шлепая крыльями:

— Повернись.

Впрочем, уже было все равно, кто именно развяжет эти проклятые узлы. Амели задержала дыхание, сдерживая стон. Когда корсет начал расползаться казалось, вскрыли грудную клетку. Свобода давалась болью от живота до самой шеи. Амели, наконец, вздохнула, просунула руки под жесткие пластины и растирала ребра.

Демон фыркнул:

— Будто не могла вчера сказать. Вот дура!

— Сам дурак!

От этой глупой детской реакции стало легче. Намного легче. Даже хотелось засмеяться. Но, в сущности, ничего не изменилось — она по-прежнему пленница.

— Завтрак Гасту принесет. Впрочем, — демон хохотнул, — какой там завтрак! Обед уже, милая моя! А там и ужин. И да... — демон повис перед ней, заглядывая в лицо: — Мессир будет ждать тебя к ужину. Так велено.

Амели остоленела повернулась к демону, поджав губы и округлив глаза:

— Зачем?

Орикад пожал плечами и недобро прищурился:

— А я почему знаю? Зачем — это дело хозяйское. А мое дело передать и сообщить... — он вытянул губы и потер пальчиками подбородок, — что выглядишь ты преотвратно. Ты что, ревела всю ночь?

Амели отвернулась и села на кровать:

— Твое какое дело?

— Ох, ох, ох, — маленький поганец надул щеки и поводил раскрытыми ладонями. — Или по дому шастала?

Предсказуемо. Наверняка этот белобрысый лакей проболтался, спозаранку доложил. А может, тогда же, ночью. Даром что нормальный человек, а на деле такое же мерзкое нечто, как демон или горбун.

— Нигде я не шастала.

— Ну-ну...

Охватила такая злость. Хотелось схватить гаденыша и швырнуть, наконец, в стену. А еще лучше — запихать в тот пузырь. Если бы Амели так могла!

— А если я не пойду?

— Что? — демон подлетел от неожиданности и вытаращил глаза. — Тоже мне, придумала. Ты это брось — серьезно говорю. Не испытывай терпение мессира. Как друг говорю. Ты его совсем не знаешь.

Амели опустила голову:

— Тоже мне, друг.

Все посерело, поблекло, будто разом заволокло небо, и пошел затяжной дождь. Она старалась не унывать, не раскиснуть, а теперь чувствовала себя полной дурой. Идиоткой. Что теперь будет? Ужин... К чему все это?

— Зачем ему ужинать со мной? Разве ему не с кем? — она едва не плакала.

Орикад завис рядом, шлепая крыльями, и участливо гладил по спине:

— Может, мессиру женского общества захотелось. Ласки какой...

Амели все же шлепнула демона, он отлетел с визгливым хохотом, повис в отдалении. Она отвернулась. По крайней мере, уродец из всех сил старался представляться другом, поддерживать. Неосмотрительно его обижать. Практичнее быть приветливой и постараться склонить его на свою сторону. Союзник, пусть и такой, лучше, чем никакого.

Она подошла и погладила его по теплему бархатному плечу:

— Извини. Я не хотела тебя обижать.

Демон размяк и подставил загривок, даже заурчал и прикрыл от удовольствия глаза. Маленький поганец любит ласку...

11

Амели стояла перед закрытой зверью в салон, где было нарыто к ужину, и слушала, как колотится сердце. Громко, сбивчиво. Она посмотрела в вырез на груди — от волнения кожа пошла красными пятнами. Лицо наверняка тоже. Может, оно и к лучшему — показаться некрасивой.

Двери открылись беззвучно, без посторонней помощи. Амели так и застыла в проеме, пока колдун не приказал войти. Едва чувствуя ноги, она подошла к стулу, который, как образцовый лакей, отодвинул для нее Гасту, села и замерла, сцепив на коленях ледяные пальцы.

Колдун сидел с торца довольно внушительного стола, заставленного подсвечниками и всевозможными блюдами, источающими аппетитные ароматы. Элегантный, но небрежный. Смоляные локоны легкими волнами ложились на кафтан из серебряной парчи, из-под шелковых отворотов пенилось тончайшее кружево сорочки.

— Ты не пожелаешь мне доброго вечера?

Амели опустила голову:

— Доброго вечера, мессир, — голос осип, вырвался жалким бормотанием.

Колдун махнул рукой, и Гасту поспешил покинуть салон.

Амели сидела прямая, напряженная, смотрела на свои посиневшие ногти и молилась святому Пикаре. Колдун не обращал на нее внимания, что-то подцепил с позолоченного блюда, положил себе в тарелку, хлебнул вина из хрустального бокала. Наконец, долго смотрел на Амели, прищурившись, отбросил вилку:

— Тебе что-то не нравится? — он откинулся на спинку стула и нервно барабанил тонкими пальцами по белоснежной скатерти. Перстень с огромным синим камнем искрил так же ярко, как и его глаза.

Амели опустила голову еще ниже:

— Нет.

— Что «нет»?

— Мне все нравится.

Колдун подался вперед и придирчиво окинул взглядом ее простое суконное платье практичного бутылочного оттенка. Унылое платье, но при безденежье платье должно быть практичным.

— Как ты посмела выйти к ужину в этом рванье?

Это было справедливо: скромный туалет казался неуместным, но другого попросту не было. Но, «посмела»? Уму непостижимо!

Амели вскинула голову:

— Потому что нет другого туалета, мессир, — в такие моменты страх отступал, хотелось запальчиво наговорить с три короба. — Позвольте мне уйти и не омрачать ваш ужин, — она на миг встретилась с синевой чужих глаз и тут же опустила голову. Глупость. Какая глупость! Нельзя возражать. Но как же это сложно...

— Сидеть.

Так отдают приказы собаке. Демон говорил, что колдун не терпит возражений. Амели до боли сжала кулаки и опустила голову еще ниже.

Тот взмахнул кистью, между пальцев пробежал юркий синий огонек, и Амели вздрогнула, увидев, что зеленое сукно сменилось травчатым лазурным бархатом. На вставке лифа зажглась россыпь жемчуга и прозрачных голубых камней, похожих на аквамарины. Она неосознанно коснулась пальцами дорогой отделки и осмелилась поднять глаза.

Колдун усмехнулся уголком губ, он казался довольным:

— Теперь ты похожа на женщину, достойную сидеть со мной за одним столом.

Прозвучало пренебрежительно. Но теперь больше всего хотелось заглянуть в зеркало — самое естественное желание женщины, примерившей новое платье. Хороша ли она? Амели лишь вновь опустила голову и придвинула серебряный кубок, пытаясь поймать свое отражение в начищенном до зеркального блеска боку, но увидела лишь искаженное лицо и цветные пятна. Она оставила кубок и вновь спрятала руки на коленях, чувствуя, что теперь щеки пылали.

Колдун вернулся к блюдам, но через несколько минут вновь отстранился и постукивал по фарфору кончиком вилки:

— Почему ты не ешь?

— Я не голодна, мессир.

— Ложь.

Он прав. Амели умирала от голода, но в присутствии колдуна кусок не лез в горло, а приборы дрожали в руках.

— Ешь, — он пристально уставился, буравя синими глазами.

Если бы колдун предстал в облике старика, Амели бы уже чувств лишилась от страха. А может, напротив, все было бы проще... Не было бы этого недопустимого постыдного трепета. Он будто забавлялся. Сейчас вновь постоянно казалось, будто он ее раздевал. Одним лишь взглядом: крючок за крючком, булавку за булавкой, шнурок за шнурком. Это новое платье будто неумолимо сползало с плеч под его невидимыми пальцами. Амели взяла вилку, подцепила кусочек тушеной оленины, положила в рот и проглотила, не жуя, не чувствуя вкуса. Бросила вилку и закрыла лицо ладонями:

— Прошу, мессир, отпустите меня домой.

— Меня зовут Феррандо.

Хорошо, пусть так:

— Господин Феррандо, отпустите меня домой.

Колдун какое-то время просто смотрел, снова постукивая вилкой по хрустальному бокалу. Этот звук действовал на нервы, как капающая в гулкий чан вода. Наконец, поднял бровь:

— Это еще зачем?

Станный вопрос. Амели отняла руки, посмотрела через стол, через ровное колдовское пламя свечей:

— Затем, что я хочу вернуться домой. К родителям, к сестрам. Разве это кажется странным? Неужели это странно?

Колдун медленно поднялся и направился в ее сторону, обходя стол. Сердце замерло, Амели похолодела и забыла, как дышать. Он встал за спиной, склонился и легко коснулся пальцем щеки. Его локоны щекотали шею. От этого прикосновения все внутри ухнулось, расходясь непривычной дрожью, сердце бешено колотилось. Она вновь почувствовала, как заливается краской.

Его губы едва не касались уха:

— Я за тебя достаточно заплатил твоему весьма хваткому отцу, — дыхание обжигало кожу. — Ты не должна никуда хотеть, — голос обволакивал, но смысл этих слов впивался острыми шипами. — Теперь ты моя. Так же, как горбун или демон. Как этот стол, тарелки, дом... — Он склонился еще ниже и коснулся щекой ее щеки: — Моя собственность.

Слова звучали заклинанием, все переворачивая внутри, но что это за слова? Невозможные. Чудовищные. Отец никогда не сделал бы такого — его просто запугали. Амели сглотнула и сжала кулаки:

— Я же не коза, мессир, чтобы меня можно было купить или продать. Я живой человек, — она едва не плакала, одновременно борясь со жгучим стыдом. — Даже вилланы не составляют собственность господина. Мой отец дворянин, вы не имеете права.

Колдун отстранился:

— Ты женщина. Это почти одно и то же. Я имею все права.

— Но это совсем не одно и то же, — от возмущения Амели повысила голос.

Он подцепил пальцами ее подбородок и заставил поднять голову:

— Ты споришь? Тебя не научили почтению?

— Я возражаю, потому что вы неправы. Женщина — не коза. Ее нельзя купить.

Теперь он смеялся, сверкая ровным рядом белых зубов. Обошел стол и вернулся на место, пожевывая кончик ногтя:

— Кто внушил тебе эту дурь? Матушка?

Амели покачала головой:

— Это не дурь.

— Опять споришь, — он снисходительно скривился — похоже, это его забавляло. — Женщина, пока она девица, — такое же имущество отца, как дом или корова. Или прочий хлам. Разменная монета в сделках и династических союзах. Хотите мои земли — так возьмите в довесок дочь, ибо кровь надежнее золота. Хотите перемирия — так возьмите дочь. Хотите приданное — так возьмите дочь. Отцы — первейшие торгаши.

— Мой отец не такой.

— Я был честнее — я сразу требовал дочь, позволив ему остаться порядочным человеком.

Амели опустила голову:

— Вы его заставили.

Колдун покачал головой и хлебнул вина:

— Я его убедил.

Он может называть это как угодно. Отец никогда не поступил бы так без веских причин, из-за денег. Отец скорее бы сел в тюрьму... Все ложь. Их запугали, Амели сама видела. Она глубоко вздохнула и подняла голову:

— Зачем я вам?

Этот вопрос был самым важным. Ответ мог дать хоть какую-то определенность.

— Ты должна меня полюбить.

— Что? — Амели не верила ушам и даже подалась вперед, вопреки приличиям. — Это шутка?

Кажется, теперь колдун злился. В синих глазах заплескалось пламя свечей, он поджал губы и тоже подался вперед:

— Ты утверждаешь, что знаешь, как появляется любовь. И ты полюбишь меня.

Тон был категоричным.

— Зачем?

Неимоверная, небывалая чушь! Грезы юных девиц, только и мечтающих о любви. Но слышать подобное от мужчины... Амели прекрасно знала, что, обычно, надо мужчинам. Знала едва ли не с пеленок. Любовью там не пахло.

— Мне нужно чистое чувство. Я могу получить многое: страх, зависть, уныние, прочую сомнительную дрянь — все это просто, этого слишком много вокруг. Теперь мне нужна любовь, но это оказалось самым сложным. Изначально слишком тяжело найти чистое чувство. Ты дашь мне его.

— Но я могу и не полюбить, — Амели покачала головой. — С какой стати я должна вас любить? Вы считаете, что любовь можно заказать? Как товар в лавке?

— Ты сама сказала. Там, на улице. Я слышал.

Амели не сдержалась и вскочила на ноги:

— Да я выдумала! Чтобы поддержать подругу. Она не хочет замуж — что я должна была сказать?

— Поздно.

— Я никогда не полюблю вас. Никогда.

— Помолчи. Женщина должна быть послушной и покладистой. Она не должна спорить. И уж, тем более, она не должна вскакивать посреди ужина и что-то утверждать. Сядь на место, пока у меня не закончилось терпение. Я слишком снисходителен к тебе.

Амели и не думала выполнять его указания. Шумно дышала, чувствуя, как кровь прилила к щекам. Да что он себе воображает! Станет указывать, что она должна! Она почувствовала, как что-то тяжелое, неподъемное налегло на плечи, вынуждая опуститься на стул. Колдун пристально смотрел на нее и едва заметно поворачивал кистью, в которой мерцал голубой огонек. Чары... Амели противилась, но была вынуждена опуститься — груз на плечах становился невозможным и исчез, только когда она села. Она комкала юбку на коленях, подняла голову:

— Тогда околдуйте меня. Что может быть проще? Прикажите мне полюбить вашей магией.

Он усмехнулся и покачал головой:

— В этом и вся сложность. Я не могу заставить любить, пока не получу чувство в чистом виде.

— Тогда вы его не получите.

— Есть верный способ сделать любую женщину более сговорчивой. Ты и сама об этом говорила.

— Какой?

Колдун оперся локтями о столешницу и сцепил пальцы:

— Постель. Вы все одинаковы. Орикад прав.

Внутри все замерло. Амели вскочила:

— Только не я!

Она развернулась, подхватила юбки и почти бегом выскочила из салона.

12

Амели забежала в комнату и захлопнула дверь. Она горела от возмущения. Постель! Да будь он сто раз колдун! Она схватила расписную вазочку и швырнула в стену. Тонкий фарфор разлетелся скорбными осколками. Хоть бы она оказалась чудовищно дорогой!

Из кресла выскочил демон и визгливо заверещал:

— Сдурела? Чуть не убила!

Это лишь распалило. Амели схватила с консоли расписную бонбоньерку и швырнула в демона. Тот увернулся. Коробка ударилась в стену, раскрылась и выстрелила цветным карамельным содержимым. Как будто стало немножко легче.

Орикад спрятался за спинкой кресла, виднелись лишь его маленькие сиреневые пальчики и огромные желтые глаза:

— Ох, и влетит тебе... — видя, что Амели немного успокоилась, он показался полностью и мерзко захихикал. — Но ничего: пару раз влетит, на третий задумаешься.

Орикад вдруг испуганно посмотрел за спину Амели, весь сжался:

— Досточтимый хозяин...

Колдун стоял в дверях, и его горящий взгляд не обещал ничего хорошего:

— Пошел вон!

Демон исчез со скоростью ветра и прикрыл за собой дверь.

Амели попятилась и едва не упала, наткнувшись на стул. Колдун наступал, прямой, как струна, жесткий, напряженный:

— Это переходит все границы.

Амели обошла стул и вновь пятилась, пока не уперлась в стену, в расписную панель. Она охнула, чувствуя, что ее прижала невидимая сила, не позволяя шевельнуться. Амели могла лишь вертеть головой. Шутки кончились. Сердце колотило в ребра, угрожая раздробить грудную клетку, руки застыли. Колдун склонился над ней, к самому лицу. Синие глаза потемнели, стали почти черными, глубокими в обрамлении густых изогнутых ресниц. Он шумно дышал ей в лицо, уголки губ едва заметно подрагивали. Наконец, отстранился, тонкие ноздри трепетали. Он едва сдерживался. На миг показалось, что ударит. Наотмашь, с хлестким звонким шлепком. Амели даже зажмурилась. Способен ли этот человек ударить женщину — кто знает. Казалось, он способен на все: под обманчивой внешностью скрывалось чудовище. Она чувствовала себя беззащитной, маленькой легкой бабочкой, застрявшей в липкой паутине. И пауки уже здесь.

— Я дал тебе слишком много свободы.

С каждым словом сердце замирало, дыхание вырывалось шумом, который выдавал ее страх.

— Ты не ценишь хорошее отношение — я сразу это понял.

Амели сглотнула и мечтала только о том, чтобы провалиться сквозь землю. Эти слова не сулили ничего хорошего. Она с ужасом наблюдала, как колдун стащил кафтан и швырнул на кровать. Остался в сером шелковом камзоле без рукавов. Каждое движение было небрежным и изящным. Создатель, зачем он раздевается? Мысли лезли одна отвратительнее другой, но теперь к страху примешивалось что-то еще. Острое, безотчетное, накатывающее горячую волну. Амели никогда не была ханжой, и прекрасно понимала, чем могут закончиться уединение с мужчиной. В разговорах с Эн все эти темы казались притягательными и пикантными. Они несказанно щекотали воображение. Обе заливались краской и смеялись до рези в животе. Но теперь было совсем не смешно.

Только не это. Вот так, без брака, без благословения, как падшая женщина? Вот что пугало больше всего. Не само действие, а бесконечное падение в бездну, из которой уже не выбраться. Ее же приличный человек в жены потом не возьмет. Она видела, как это бывает.

Амели смотрела в обманчиво-красивое лицо и мотала головой:

— Пожалуйста, не надо.

Колдун легко коснулся пальцами ее щеки, запуская по телу неконтролируемую дрожь. Заметив смятение, улыбнулся:

— Вот видишь, моя дорогая. Орикад прав.

Он коснулся шеи, провел вниз до груди, но остановился. Прочертил кончиком пальца вдоль выреза:

— Было бы печально обнаружить под корсетом кучу тряпья. Вы, женщины, лгуны. Вы часто пытаетесь продать то, чего нет.

Амели молчала. Несмотря ни на что, это было обидно, задевало женское естество. Корсаж не скрывал ни рюш, ни ваты — они ей не нужны. Она хотела бы сказать что-то злое, ядовитое, обидное, но губы не слушались. К тому же, это казалось предельно глупым — злость не поможет. Единственная возможность — разжалобить. Если, конечно, у этого человека есть сердце. Да и человек ли он?

Колдун положил руку на шею Амели и легко поглаживал большим пальцем с массивным плоским кольцом. Она вновь замотала головой, постаралась вложить во взгляд всю мольбу:

— Прошу, мессир, не надо.

— Не надо что? — он изогнул бровь.

— Не трогайте меня, мессир. Отпустите меня домой. Создателем прошу.

Он сжал пальцы, удерживая за шею, склонился, коснувшись лбом ее лба:

— Почему я не могу тебя тронуть? — шепот обволакивал. — Ты ведь сама этого хочешь. С тех самых пор, как увидела меня на улице... Я это чувствую.

От проникновенного голоса по телу бежали мурашки, но значения слов разбивали вдребезги все очарование. Он слишком хорошо осознавал свою власть. И он считал себя в своем праве. Законно ли это? Наверное, следовало бы обратиться в городской суд, но кто пойдет против колдуна. Тем более, из-за нищей девчонки. Никто и знать не захочет, что отец имеет дворянские грамоты. Амели только объявит о своем позоре. Создатель! Несмотря ни на что, она мысленно умоляла, чтобы он не отстранялся. Феррандо... это имя, словно острая специя на языке, все, как она и воображала. Амели мысленно произносила это имя и понимала, что отчаянно краснеет. Она молчала, слушая, как бешено колотится сердце.

Колдун улыбнулся прямо в лицо:

— И почему ты решила, что я пришел за этим? — теперь в голосе звучало пренебрежение. — Потому что сама этого хочешь?

Амели снова молчала, только теперь чувствовала себя дурой. Тогда зачем он пришел?

— Я пришел сказать, что терплю твои выходки в первый и последний раз. Швырять приборы, высказывать без позволения из-за стола. Бить вазы. Этому тебя учили? Это благонравная девица?

Она молчала, просто не мигая смотрела в синие глаза, но почувствовала, что больше ничего не обездвигивает.

— Сегодня ты больше недостойна моего общества. Но имей в виду, это совсем не значит, что если ты и впредь будешь позволять себе подобное, все будет так же.

Последние слова он почти выкрикнул. Амели похолодела и вжалась в стену, перестала дышать. Чистый голос буквально врезался в уши острием кинжала. Колдун резко отстранился, отвернулся к двери, будто не хотел смотреть на нее.

— Я могу лишить тебя еды. Могу запереть в сыром подвале. Валора заливают камеры — на полу всегда по щиколотку холодной воды. Ты этого хочешь?

Теперь по щекам катились слезы.

— Я просто хочу вернуться домой.

— Голод, подвал... слишком туманно и далеко, не так ли? Действенное всего просто лишить человека привычных необходимых мелочей. Например, вот так.

Колдун щелкнул пальцами и вновь навис над Амели с высоты своего роста:

— Это пугает тебя? Отвечай мне.

Она раскрыла рот, попыталась что-то сказать, но голос исчез. Из горла вырывалось лишь сипение. Амели безмолвно шевелила губами, как рыба, но не могла произнести ни слова. Онемела. Она в ужасе водила пальцами по шее, будто слова застряли где-то там, нужно лишь их подтолкнуть, но ничего не помогало.

Колдун наслаждался ее бессилием. Губы тронула улыбка:

— Точно так же я могу лишить зрения.

Он вновь щелкнул пальцами, и Амели оказалась в полной темноте. Кромешной, ужасающей. Она сжалась, обхватила себя руками и съехала вниз по стене, скорчилась на полу.

— Я могу лишить и слуха.

Амели уже не слышала щелчка. Теперь она парила в кромешной черной пустоте, лишенной звуков. Создатель, это хуже смерти!

Слух тут же вернулся, вместе с ним вернулся обманчивый голос:

— И точно так же могу вернуть слух. — Он вновь щелкнул пальцами: — Могу вернуть зрение.

Перед глазами мелькнула вспышка. Лишь через несколько мгновений Амели привыкла к яркому пламени свечей.

— Могу вернуть голос, — он вновь щелкнул пальцами. — Могу вернуть, могу отнять навсегда. Ты поняла меня?

— Да.

Она ревела, уткнувшись в поджатые колени. Создатель, как же это страшно! Люди не ценят того, что имеют. Голос, зрение и слух — нечто обыденное, само собой разумеющееся. Но стоит этого лишиться...

— Надеюсь, теперь ты задумаешься и не станешь испытывать судьбу.

Амели молчала, лишь торопливо кивала.

— Я все еще не запрещаю тебе передвигаться по дому и саду. Я не стремлюсь держать тебя взаперти. Несмотря на то, что этой ночью ты пыталась сбежать.

Она вскинула голову, чтобы возразить, оправдаться, но колдун поднял открытую ладонь, давая понять, что не желает ее объяснений.

— Глупая попытка. Ты не сможешь выйти за пределы сада без моего позволения. Как бы ни пыталась.

Амели опустила голову и комкала юбку — он не оставлял ни единого шанса.

— Завтра вечером я приду, и ты станешь моей, — прозвучало холодно, как приказ. — С готовностью и по своей воле. Или же против воли. Подумай об этом. Хорошо подумай.

Он дернул с кровати кафтан и вышел, хлопнув дверью.

13

Амели весь вечер почти неподвижно просидела на кровати, бездумно глядя в окно и наблюдая, как серые сумерки сменяются ночью. Как зажигаются в городе крошечные желтые огоньки фонарей и факелов. Все еще не верилось, что выхода попросту нет. Завтра вечером... Но до вечера есть еще целый день. Если есть хоть малейший шанс избежать позорной участи — его надо использовать. Любую лазейку. Этот человек страшен, как демон Казар. И так же коварен. Феррандо... негодное имя для такого человека. Обманчивое.

Поздним вечером явилась неожиданная гостья. Свечи вспыхнули разом, ослепляя. Амели невольно встала с кровати и с удивлением наблюдала, как в дверь протиснулась ладная девица в скромном платье горничной и крахмальном переднике. Необычайно красивая, будто статуя из собора. Из-под белоснежного чепца выбивались золотистые кудри. Девица присела в изящном поклоне:

— Добрый вечер, сударыня. Меня зовут Мари, я буду вашей горничной, — мелодичная речь без деревенского говора. Девушка местная.

Горничная — это прекрасно, но откуда она взялась? Конечно же, демон напел... Но, он же говорил, что здесь нет женской прислуги. Наняли в городе? Амели едва не прижала пальцы к губам: если девице позволено выходить в город — это связь с внешним миром. Можно написать матушке, можно попросить помощи. Можно хоть что-то сделать. А девица письмо снесет. Нужно лишь расположить ее.

Амели сглотнула и улыбнулась:

— Я очень рада. Откуда ты, Мари?

Девица часто заморгала и пожала плечами:

— Отсюда...

— Из города?

Та вновь пожала плечами, но кивнула.

— А с какой улицы? Я живу у Седьмой площади.

Мари молчала.

Амели вздохнула и повторила:

— Где ты жила? У кого служила?

Девушка просто смотрела на нее, и по чистому голубому взгляду было ясно, что она ничего не понимает. Как можно не понимать таких простых вещей? Наконец, Мари поставила на табурет корзину с лентами и щетками, которую все время зажимала в руках, положила сверху стопку белоснежного белья:

— Я должна помочь вам раздеться, сударыня.

Амели разочарованно вздохнула и повернулась, чтобы горничная могла распустить шнуровку. Странная, будто блаженная. Впрочем, после существования демона едва ли можно чему-то удивляться. Девушку можно и завтра разговорить, главное — что она вообще появилась.

Завтра... сердце отчаянно запыгалось, во рту пересохло.

Это «завтра» билось в голове разъяренной мухой. С одной стороны, эти мысли разливались по телу томительным жаром, а с другой — обдавали могильным холодом. Все должно быть не так. Что уж таиться: его лицо, его голос, его близость просто сводили с ума, пробуждая древние природные незнакомые желания, которые она не в силах была контролировать. Но это всего лишь личина, которой он пользуется. И совсем не значит, что это истинный облик. Но, даже если и так: отдаться вот так, без таинства — стать падшей женщиной. Потом каждая мещанка будет иметь право плюнуть в спину. Это позор и Амели, и матери с отцом. Это хуже долговой ямы. Это хуже всего.

О... Амели знала эти злые сплетни. Элен, дочь судейского секретаря, так и не отмылась, несмотря на должность отца. Пришлось уехать. Связалась с одним заезжим господином, да так влюбилась, что любому вранью верила. А как до дела дошло — силой склонил, несмотря на все ее просьбы от позора уберечь. Да выставил. Городские как прознали — прохода не давали. Пацанята ходили за ней с трещотками, с какими обычно прокаженные по улицам ходят, и орали, чтобы почтенные женщины расступались, потому что падшая девушка вышла за их мужьями. Дрянь всякую в спину кидали, двери в доме дегтем вымазали. Пережить такой позор... да лучше в могилу. Амели осенила себя знаком спасения и замотала головой, пытаясь сбросить эти ужасные мысли. Завтра есть день — нужно попытаться выйти за ворота, иначе...

Амели зажмурилась и опустила голову — она сама не знала, что «иначе». И воображать не хотела. Должен быть способ выйти за пределы замка. Да и верить им на слово — не лишком разумно. Врут, чтобы запугать, чтобы даже не пробовала. Только бы не проспать до обеда.

— Мари, ты можешь разбудить меня с утра. В шесть?

Горничная закончила с платьем, и Амели повернулась к ней, вглядываясь в идеальное, будто фарфоровое лицо.

Та кивнула:

— Могу. Но зачем вашей милости в такую рань?

Амели поджала губы:

— Люблю утренним воздухом дышать. С утра — самая польза.

Мари вновь кивнула:

— Хорошо. Я с вами пойду.

Амели замотала головой:

— А со мной не надо. Я всегда одна люблю. Подумать, городом полюбоваться.

Та вновь кивнула:

— Хорошо. Позвольте, сударыня, я вас причешу.

Амели села на табурет перед овальным зеркалом на столике. Мари ловко вынимала шпильки, складывала на столешницу. Только теперь Амели ощутила, как устала от прически голова. Кожа болела, распущенные волосы потягивали. Мари взяла большую щетку и принялась расчесывать. Ловко, аккуратно, будто делала это всю жизнь. Амели украдкой наблюдала за ней в зеркало. Девушка без изъяна. Лицо точеное, гладкое, как яичная скорлупа, и почти такое же белое. На щеках яркий румянец. Полные губы, чуть вздернутый нос. Да она красивее самой Амели. Но какая-то пустая, будто деревянная. Будто не хватает в ней чего.

Мари закончила причесывать, развесила платье за ширмой и вышла, пожелав Амели доброй ночи.

Свечи пылали так ярко, что хотелось их затушить. Орикад хлопал в ладоши. Амели тоже хлопнула и с удивлением заметила, что часть свечей погасла. Хлопала еще и еще, пока комната не погрузилась в темноту. Она долго смотрела в окно, на смутный силуэт ворот, подсвеченный фонарями, на собственное отражение в маленьких стеклянных ромбах переплета. Амели запретила себе думать о том, что будет, если не получится сбежать.

Вдруг, все же получится.

14

За последние дни Амели впервые так сладко спала. Несмотря ни на что. Когда Мари тронула ее за плечо, за окном уже серел бледный рассвет. Она поднялась, умылась и велела тут же одеваться. Сказала, что хочет прогуляться, не дожидаясь завтрака. Мари не перечила. Помогла умыться, надеть голубое платье, уложила волосы в простую прическу с узлом на затылке. Амели велела ей прибраться в комнате, лишь бы чем отвлечь, и выскользнула за дверь. Ступая аккуратно, на носочки, молясь никого не встретить, миновала залитую скудным светом галерею. Спустилась по уже знакомой лестнице, замирая от ужаса вновь нарваться на белобрысого лакея, но беспрепятственно вышла в прихожую. Ни души: ни лакеев, ни стражи. Она толкнула дверь и шмыгнула на свежий воздух.

Вдохнула полной грудью и тут же поежилась — утро выдалось прохладным. С реки тянуло сыростью. Амели огляделась: пустой парк, ряды расписных деревянных кадок. В небе с пронзительным писком носились стрижи. Раскинуть бы руки — и взлететь, пронестись легкой стрелой за ворота. Она вздохнула, подобрала юбки и зашагала налево, намереваясь поскорее скрыться среди деревьев. Оглянулась — ни души. Шаги шелестели по чуть влажноватому с ночи песку, каблучки немного проваливались. Амели шагала, пристально глядя на мелькавшие из-за крон ворота, и с ликованием отмечала, что они приближаются. Все ближе и ближе. Ни сторожа, ни привратника. Амели спряталась за кипарисом, набираясь смелости подойти, уже почти шагнула, но заметила, как из-за стриженных кустов показался горбун. Будто чуял.

Амели едва не заревела от досады. Гасту какое-то время слонялся туда-сюда перед воротами, утреннее солнце бросало блики на уродливый горб, неизменно обтянутый коричневым сукном. Будто подсказывал от тряски голый земляной холм. Он то и дело приподнимался на носки, что-то высматривая за оградой. Наконец, налег на створу и отворил перед показавшейся телегой, груженной большими бочками, которую тащили два сивых тяжеловеса с толстыми мохнатыми ногами. Пикар, в честь святого Пикары, — сын бабки Белты. Амели узнала его по неизменно багровым щекам и порыжевшей шляпе с длинный фазаньим пером. Наверняка, глину привез, как Эн говорила.

Амели затаилась, подобрала юбку, чтобы не топорщилась. Если горбун заметит — это конец. Сразу доложит и запрет, наверняка. Она даже пригнулась, чтобы стать как можно меньше, незаметнее. Телега въехала в парк, развернулась. Пикар натянул вожжи, и кони встали. Если горбун не закроет ворота — это самый счастливый шанс. Нужно лишь прокрасться за телегой — и бежать, что есть сил. Желательно туда, где побольше людей. Амели даже задержала дыхание, готовясь к рывку, но горбун будто насмехался — закрыл ворота и обошел телегу.

Пикар спрыгнул на аллею, снял замызганную шляпу и расшаркивался перед уродцем так, будто это был сам колдун:

— Мое почтение, ваша милость господин Гасту.

Согнулся в три погибели, собирая полями песок. Гасту важно задрал голову и кивал на это глупое расшаркивание. Видел бы Пикар, как тот скрючивается перед своим хозяином, или как его задирает Орикад. Теперь эта бравада казалась смешной.

— Восемь бочек, как обычно, — Пикар подобострастно прижал шляпу к груди. — Без мусора и камней. Сам закрывал, сам грузил. Мессир будет доволен.

Горбун вновь кивнул:

— Отгружай.

Наконец, Пикар разогнулся и кинулся развязывать веревки, которыми была закреплены бочки. Потом забрался в телегу, вытащил длинную доску и поставил на край, сделав пандус. Споро, одну за одной, скатывал закрытые бочки. Они тяжело катились по песку с приятным шорохом, удивительно ровно выстраивались в шеренгу.

Когда выкатилась последняя, Пикар убрал доску, вновь поклонился горбуну и подобострастно замер. Денег ждал. Амели хмыкнула: когда ждут денег, всегда замирают именно так. Все одинаково, с видом побитой собаки. Гасту порылся в кармане, холодно блеснуло серебро, и в широкой ладони Пикара оказались несколько кринов. Он вновь многократно согнулся, попятился. Взобрался на сиденье и взялся за вожжи. Горбун направился к воротам.

Сердце колотилось часто-часто. Улучить момент, вышмыгнуть так, чтобы спрятаться за телегой и выйти в ее укрытии. Горбун стоял по другую сторону — это шанс.

Пикар звонко чмокнул губами, будто от души кого-то целовал, лошади тронули, и повозка медленно покатила по песку. Амели подобрала юбки, мучительно приглядываясь, выставила ногу.

— Не получится.

Она охнула и прижала пальцы к губам. За ее плечом шлепал крылышками Орикад. Здесь, на улице, мелкое шлепанье почти не слышалось. Сколько времени он наблюдал за ней?

Амели хотела стукнуть поганца, но лишь поджала губы и ринулась к телеге. Демон не мешал. Она почти бежала рядом с бортом, быстрее и быстрее, но телега неумолимо ускользала вперед, уже была в воротах. Амели ускорила шаг, но с ужасом поняла, что шагает на месте. Об этом говорили даже следы на песке.

15

Амели остановилась и опустила голову. Демон и горбун с усмешкой смотрели на нее с обеих сторон.

— Ну, — Орикад подлетел и тронул за плечо, — проверила?

Она молчала, просто смотрела себе под ноги. Теперь все доложат — и отсюда никогда уже не выйти. Никогда. Сейчас же запрут навсегда. Она выдохнула и гордо вскинула голову.

Гасту сделал навстречу несколько шагов, нарочито высоко выкидывая ноги и сцепив руки за спиной — подчеркивал важность:

— А ну как тотчас мессире скажу?

Амели задрала подбородок еще выше:

— Говори. Что хочешь, говори.

Гасту скривился — явно не того ждал. Наверное, воображал, что плакать станет, руки заламывать. Ну, уж нет! Урода упрашивать бесполезно — по глазам видно. Этот ни за что не поможет. Перед Гасту уже не было страха как тогда, когда он волок ее по ночным улицам.

Орикад вылетел вперед:

— Ничего мы не скажем.

Горбун бросил на него злой колкий взгляд:

— За себя говори.

Демон подлетел к нему и замаячил перед самым цапельным носом:

— И ты не скажешь. Какая тебе польза? Мессир обвинит, что не уследил. Ты же и не уследил — ты бочки принимал. Ты за воротами смотрел.

Гасту какое-то время жевал губы, наконец, отвернулся и пошел к бочкам:

— Не думай, что если еще раз увижу — спущу.

Амели опустила голову: толку от следующего раза. Вновь топтаться на месте перед воротами? Из замка не выйти. Значит, вечером... Она замотала головой — должен быть выход. Создатель всегда за благочестие, тогда почему позволяет? Почему отвернулся? Она сглотнула, стараясь унять подкатившие слезы.

Гасту прошелся мимо ряда лежащих на боку бочек, коснулся каждой лапищей и шелкнул пальцами. Песок заскрипел, бочки тронулись и покатались по аллее, будто с горки. Сами. Амели остолбенела и даже открыла рот. И горбун что-то может. И все же, зачем колдуну глина? Глупо, но любопытство раздирало.

Она развернулась и зашагала вслед за бочками:

— Что там? В бочках?

Гасту обернулся:

— Тебе какая разница?

Она пожала плечами:

— Интересно. Что-то тяжелое. Так что там? Вино?

— Глина.

Амели не отставала:

— А зачем? Горшки лепить?

По тому, как содрогнулся горб, можно было догадаться, что Гасту попросту смеялся. Кажется, он даже раздобрел от этой глупости:

— Дура ты. Зачем мессир горшки? Сама подумай.

Она пожала плечами:

— Горшки всем в хозяйстве нужны, — едва не прыснула со смеху от этой глупости, но удержалась. — А зачем тогда?

— Не твоего ума дело.

Амели неожиданно остановилась от посетившей мысли:

— А потом назад бочки забирают?

— Забирают.

Забирают... Если незаметно забраться в бочку — Пикар вывезет вместе с телегой.

— А когда?

Гасту остановился, обернулся, а бочки покатались дальше.

— Тебе не все равно? Что ты спрашиваешь? Еще раз у ворот увижу — сразу мессир пожалуюсь. И этот, — он ткнул пальцем на болтающегося рядом Орикада, — не указ. Все поняла?

Амели опустила голову, пожала плечами:

— Мне лошади нравятся. Ножки у них...

— Какая же ты дура! — Гасту плюнул на песок, развернулся и зашагал, догоняя бочки.

Почти до самой террасы шли в молчании. Амели смотрела на переваливающуюся вереницу бочек. Знать бы, когда заберут. И куда их поставят. Она прибавила шаг, чтобы поспевать за горбуном, но бочки свернули налево, обогнув обнесенную мрамором террасу, а Гасту остановился:

— Куда собралась?

— Я гуляю. Парк смотрю.

Горбун покачал головой:

— В дом иди. Нагулялась.

— Я не хочу в дом.

Гасту прищурился и подался вперед:

— В дом иди. Иначе прямо сейчас доложу о твоих глупостях. И о том, что про бочки выпрашивала, будто что удумала.

Амели опустила голову. Может, и лучше, чтобы доложил? Колдун разозлится, запрет где-нибудь в подвале. Пусть даже в подвале. Но вечером не придет. Она покачала головой сама себе: а вдруг будет только еще хуже?

Она подобрала юбки и пошла на террасу, выложенную черно-белыми мраморными квадратами. Окинула взглядом огромный дворец, щетинившийся островерхими башенками, крытыми свинцом. Тонкие резные флюгеры, изящные люкарны, колонны и пилястры. Небывалая роскошь — во всем городе нет дома красивее. Амели отскочила, вдруг услышав шум воды. По бокам террасы выпустили струи два небольших круглых фонтана, изображающие причудливых рыб. Утренний воздух, пение птиц, плеск воды... Все это было бы прекрасно, если бы не одно «но». Колдун.

Амели какое-то время стояла, любуясь, как ласковое солнце искрит в каплях воды. Нужно непременно узнать, где сложили бочки. Она вцепилась в эти бочки, как в спасительную соломинку. Но как отсрочить неизбежное?

Она вновь окинула взглядом роскошный дворец. Неужели во всем этом доме негде затеряться? Забиться подальше, в самый дальний угол, на самый забытый чердак. Она огляделась, высматривая демона, но тот куда-то исчез. Оно и к лучшему. Амели решительно пошла в дом, поднялась на третий этаж, прошла пустой анфиладой и увидела узкую лесенку, ведущую наверх. В городе такие лесенки вели в комнаты прислуги на чердаке. Она осторожно поднялась, толкнула низенькую дверцу и скользнула в полумрак.

Здесь пахло пылью и птичником. Над головой, как огромная грудная клетка или остов корабля, виднелись стропила. На затычках, нахохлившись, сидели сизые голуби, которые всполошились при ее появлении. На досчатом полу кучи помета, перья и пух, будто порвали подушку. У стены сваленная старая мебель, сломанная пробитая ширма. Догадуются ли ее искать здесь?

Голуби присмотрелись и быстро уgomонились, наполняя чердак приятным курлыканьем. Жаль, нет корочки. Амели любила кормить голубей. Смотреть, как они вытягивают переливающую шею и споро перебирают красными ножками, подбегая к брошенному на землю куску.

Амели подошла к маленькому квадратному оконцу. Снаружи люкарны выглядели очень красиво в обрамлении пилястр и резного белого камня, но отсюда, изнутри, это было лишь пыльное окно. Она осторожно выглянула и замерла. Окно выходило на парк за домом. Четкие геометрические линии, лабиринты стриженных кустов, круглые шапки деревьев, черепичные крыши садовых павильонов. Посреди центральной аллеи звенел струями большой круглый фонтан. На мгновение она разглядела на одной из дорожек коричневый горб Гасту, но он лишь мелькнул, будто дразня, и тут же исчез. Бочки, вероятно, где-то там же.

Амели отошла от окна и заметила у стены старый треснувший сундук, на котором лежала стопка плотной рыхлой бумаги и глиняная плочка с обломками древесного угля. Она взяла бумагу и с удивлением обнаружила весьма искусные рисунки. Большею частью голуби, архитектурные фрагменты. Талантливо. Она перебирала стопку и невольно ахнула: один из рисунков изображал идеальную головку Мари. Чуть склоненную, кукольную. На рисунке она еще больше напоминала прекрасную статую, но, как же все схвачено! До мельчайших черточек. Это рисовал настоящий художник. Амели перебрала листы, нашла еще два, изображающих ту же Мари в других ракурсах. Похоже, у девицы есть поклонник. Захотелось забрать рисунок — так он был хорош. С Амели никогда не рисовали портретов.

Она села на сундук, отложила рисунки, оставив лишь один из портретов Мари. Кто его нарисовал? Уж, конечно, не Горбун — он никогда не сможет создать такую красоту.

Скрип двери заставил вздрогнуть. Амели так и застыла с рисунком в руках — вот и спряталась...

16

Перед Амели стоял уже знакомый белобрысый лакей. Увидев ее, он нахмурился и даже сжал кулаки:

— Что ты здесь делаешь?

Шипел, как змея.

Амели вскочила, вернула рисунок в стопку:

— Ничего.

— Зачем трогала мои вещи? — он по-прежнему зло шептал, как тогда ночью. Сипло, низко.

Амели отчаянно замотала головой:

— Я просто смотрела. Это очень красиво. У тебя настоящий талант.

Кажется, он смутился. Лицо прояснилось, а на губах появилось даже подобие улыбки:

— Правда? Тебе нравится?

Она кивнула и вытянула портрет Мари:

— Особенно вот это. Очень красиво.

Он скривился, взял рисунок из рук:

— Ты считаешь, она красивая?

Амели кивнула:

— Очень красивая. Она тебе нравится?

Парень брезгливо фыркнул, но улыбнулся. Нагнулся к стопке и вытянул другой лист:

— Мне больше нравится вот этот.

Амели взяла рисунок: на нем плыли две золотые рыбки. С блестящей чешуей и роскошными хвостами. Совсем как живые. Казалось, даже слышится плеск воды.

— Это тоже очень красиво. Где ты так научился?

Он пожал плечами:

— Нигде.

Сейчас он казался даже приятным, совсем не таким, как тогда, ночью.

— Как тебя зовут?

— Нил.

— А меня Амели.

Он замялся:

— Прости, что я тогда... внизу... Я не мог тебя отпустить.

Она опустила голову:

— Я понимаю. Ты тоже ему служишь?

Нил кивнул.

— Почему ты все время шепчешь? Мы же здесь одни.

Он отвернулся:

— Потому что не могу по-другому. Я родился немым. А тетка упросила колдуна дать мне голос. Хоть какой-нибудь. И вот...

Стало неудобно.

— Извини, я не хотела.

Нил просто махнул рукой и ничего не ответил.

— И за это ты ему служишь?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Может, и за это. Тетка на кухне, а я... делаю, что скажут.

Амели сжала кулаки:
— Он злой?
— Кто?
— Ваш хозяин.
Нил снова безразлично пожал плечами:
— Когда какой.
— И ты его не боишься?
Он вскинул теплые карие глаза, в которых блеснул восторг:
— Я им восхищаюсь. Он всемогущий.
Амели опустила голову:
— Скажи, что мне сделать, чтобы он отпустил меня домой?
Нил усмехнулся и посмотрел, как на дуру:
— А ничего. Лучше не нарывайся — только хуже сделаешь, — прозвучало зло, колко.
— Просто сделай то, о чем просит. Неужели так трудно?
Амели отвернулась и обхватила себя руками:
— Он о низости просит.
Было странно говорить все это первому встречному, но очень хотелось говорить. Нил милый. После горбуна и демона он казался самым настоящим человеком. Он создает такую красоту. Такой художник просто не может оказаться дурным.
— Просит? Он никогда ни о чем не просит. И в чем низость?
Она опустила голову:
— После такого позора меня замуж никто не возьмет. А тогда хоть в реку, — она не хотела говорить конкретно, тем более, ему. Он не Эн.
Нил хмыкнул:
— Тоже мне, беда. Внимание мессира за честь нужно почитать.
— А что потом? В Валору, как тех других?
Он не ответил. Никто здесь не хотел отвечать на этот вопрос.
— Помоги мне уйти отсюда. Где-то у реки есть калитка. Проводи меня туда, я сама не найду.
Он покачал головой и скрестил руки на груди:
— Прости, я не могу. Он за такое может и голос отнять. Ни за что не соглашусь.
Может... Теперь Амели это знала. Она развернулась и посмотрела в открытое лицо в обрамлении золотистых кудрей:
— Если я здесь спрячусь, ты меня не выдашь?
Нил усмехнулся:
— Прячься, не прячься — все равно найдут. Как ты не понимаешь?
Она понимала... Но невозможно просто сидеть и ждать.
— А много здесь было девушек до меня?
Нил нахмурился:
— Порядочных — ни одной. Продажные девицы бывали из города. Но, больше, чем на ночь, не задерживались. И уж конечно, в покоях их никто не селил.
— Значит, это они в реке?
Нил поджал губы, насупился:
— Да что ты заладила! Все до одной восвояси отправились. И уплачено им было, как полагается, — кажется, он злился.
Может, он просто ничего не знал? Кто станет рассказывать подобное какому-то полунемому лакею?
Нил неожиданно взял ее за руку и сжал пальцы:

— Послушай, Амели, ты мне нравишься. Ты очень милая. Поэтому как друг говорю: не делай глупостей. Просто дай ему то, что он хочет. Ты его совсем не знаешь. И сама увидишь, как все хорошо будет. Просто не перечь.

Она отняла руки:

— Ты мне не друг, раз такие советы даешь.

Он смущенно улыбнулся:

— Я так не считаю. — Нил помялся на месте, перекатываясь с пятки на носок: — Прости, мне идти пора. Тетка искать будет.

Он забрал с сундука плоску с углем, пошел к двери, но обернулся:

— Иди в покои, не сиди здесь.

Амели отвернулась в окно и ничего не ответила. Чего бы он понимал — он не девица. Она снова опустилась на сундук и спрятала лицо в ладонях. Создатель, что же делать? При одной мысли о том, что должно произойти вечером, внутри все закипало, завязывалось узлом, разливалось волнами. Но так не должно быть. Колдун ей не муж, он не имел права. Сами эти мысли греховны. Одно дело обсуждать с Эн и хохотать до упаду, и совсем другое... Папаша Эн часто повторял, что за девицами нужен глаз да глаз. Что девицам так просто голову заморочить, что честному отцу и не уследить. Что падкие больно до мужчин, за первым встречным готовы бежать. Прав отчасти — Эн уж больно часто влюблялась. Но сама Амели — никогда.

Колдун врал: он околдовал ее с той проклятой первой встречи. Иначе и быть не может.

Амели вновь потянулась к рисункам, выбрала портрет Мари, сложила вчетверо и засунула под корсаж. Ну и пусть Нил хватится, что листа не хватает.

— Еще и воруеть...

Она вздрогнула всем телом, сердце едва не оборвалось. Орикад медленно спускался с потолка, шлепая перепончатыми крыльями. Он сидел здесь все время?

— Ты все подслушивал!

Демон сморщился, закатил глаза:

— Что тут подслушивать? Ничего нового. А вот мальчишка дело говорит. Пошли, давай. Все равно выбора нет.

17

Амели не подозревала в демоне такую неожиданную силу. Он ухватил ее за рукав и буквально выволок с чердака, несмотря на протесты, стащил по лестнице. Втолкнул в покои и с грохотом захлопнул дверь.

Амели резко развернулась, сжала кулаки:

— Ты гадкий! Гадкий злобный уродец!

— У... — Орикад сложил бровки домиком, вытянул губы, будто тянулся за поцелуем. — А ты — дурно воспитанная девица. Даже и не понимаю, как мессир мог выбрать такую?

— Так ступай, и расскажи ему все. Что не гожусь. Что чужие рисунки ворую. Что сбежать пыталась!

— Наивно думаешь, что он в блаженном неведении? — гаденыш визгливо расхохотался и перекувыркнулся в воздухе. — Глупая ты. Хоть и не такая рыба, как остальные.

Амели насторожилась:

— Какие остальные?

Даже замерла, не дышала, боясь спугнуть неожиданную блажь демона — может, чего лишнего сболтнет. Но тот лишь хитро прищурился и вновь перекувыркнулся:

— Какие-какие... будто дур на свете мало! — Вновь расхохотался, но подлетел к самому уху: — Хозяин раньше держал гончих. Даже на охоту выезжал. Вот собака когда след берет,

вытягивается, нос по ветру. И переднюю лапу непременно поднимает, вот так, — он с важным видом поджал пухлую ручку и замер, шлепая крыльями.

Амели настороженно смотрела на него, но демон так и не договаривал.

— Так и что?

Орикад повел бровями, волоски дрогнули, как усики бабочки:

— Больно ты сейчас на собаку эту похожа. Звонарем звали. Потому что лаял громче всей своры, — он вновь залился смехом — явно издевался.

Амели ощутимо приложилась по спине, покрытой мягкими волосками. Будто кошку тронула. Даже заходило что-то хлипкое под пальцами, будто косточки. Она поежилась и брезгливо вытерла ладонь о подол, а демон отлетел к дверям.

— Чего ждала? Великие тайны? Секреты досточтимого хозяина?

Амели не знала, что еще сказать. Просто смотрела на маленького уродца, сжимала до ломоты кулаки и слушала собственное шумное дыхание.

Демон поджал губы:

— Ну, и чего надулась? Какие другие... Вон, хотя бы служанку твою взять. Мари. Дура бесхребетная. Всем хороша девка — да пресная, как лепешка. Только и годится что принеси-подай. Ни слова поперек, ни жалобы.

— А я, значит, не пресная?

Демон расплылся в улыбке:

— Ты — дура. А за дураками всегда наблюдать интереснее. Дураки могут этакое выкинуть, что сердце зайдется.

Амели сняла башмак и со всей силы швырнула в Орикада:

— Вон пошел! Гадкая мерзкая гадина! Вон!

Башмак угодил в закрытую дверь — так ловко демон выскочил из комнаты, словно в воздухе растворился. Амели села на кровать и нервно теребила травчатый бархат юбки, будто всем назло хотела расковырять на самом видном месте дыру. Сейчас она отчаянно ненавидела это платье. Разодрать на лоскуты, чтобы показать, как она относится к подачкам колдуна!

Амели достала из-за корсажа сложенный вчетверо рисунок и расправила на коленях, разглаживая бумагу пальцами. Мари смотрела с листа удивительно спокойно и умиротворенно. Идеальная красавица с кротким ласковым взглядом. Такие выражения обычно на лицах статуй святых в соборах. Лишенные страстей, полные какого-то вселенского понимания. Казалось, им при жизни были чужды человеческие слабости. Будто все они с рождения были исполнены одних идеалов.

Вранье. Живой человек не может быть идеален. Не может быть лишен недостатков. Хотя бы самых мелких, незначительных. Даже жизнеописания святых не отнимают страсти. С одобрения церкви, конечно. Неурская дева почитается образцом красоты и женской добродетели. Но каждый ребенок знает, что была она заносчивой и самовлюбленной. Так обожала себя и свою несравненную красоту, что не находила достойного среди многочисленных поклонников. Так в девках и осталась. Это уже потом объявили ее великой святой, не поддавшейся соблазну плоти, несмотря на свою красоту. И изображают со светлым кротким ликом в окружении цветов. Не таким должно быть ее лицо. Но это уже богохульство...

Амели вновь провела пальцами по бумаге, будто, как слепая, хотела ощупать черты. Каким бы был ее портрет? Что выражали бы глаза? Была бы она красива? Или, напротив, казалась бы неприятной... Если бы Нил нарисовал ее портрет. Сейчас, пока она еще настоящая, потому что неизвестно, что будет потом. Пока она живая.

Амели поежилась, будто потянуло сквозняком. Вздор, сквозняком не тянуло. Это страх. Она бережно свернула листок, обдумывая, где бы его спрятать. Будет неловко, если Мари нечаянно найдет собственный портрет. Тюфяки отпадали — служанка наверняка станет перести-

лать постель и взбивать перины. Ящики в комод — ненадежно. Амели металась по комнате, не находя подходящего укрытия.

Едва Амели заложила бумагу между стеной и комодом, в дверь постучали. Она вздрогнула, сцепила заledenевшие пальцы. В комнату тихонько зашла Мари и поклонилась, шуриша крахмальными юбками:

— Замечательный день, сударыня. Как ваша прогулка? — она широко и открыто улыбалась, держа в точеных руках стопку белоснежного белья.

Амели ответила не сразу: сама не понимала, почему ее теперь так смущало присутствие Мари.

— Спасибо. Все хорошо.

Мари снова улыбнулась:

— Я положу белье на кровать, сударыня?

Амели бездумно кивнула — ей было все равно.

Мари грациозно, почти бесшумно прошла по паркету. У нее королевская осанка. Прямая спина, идеальная посадка головы. Природная грация и безупречное изящество. Будто она получила дворянское воспитание, которым не могла похвастаться сама Амели. Такая девушка не может быть простой горничной. Пусть и в доме колдуна.

Мари повернулась и склонила голову:

— Сейчас будет готова ванна, сударыня. Я помогу вам искупаться, заварю цветки пиона.

Амели замотала головой, чувствуя, как в груди морозно задрожало:

— Не нужно. Я не хочу.

Мари снова улыбнулась, кивнула:

— Не хотите пиона. Тогда скажите, что вы любите. У меня все-все есть.

— Я ничего не люблю. Я не буду мыться. Я не хочу, — подкатывала паника. Было предельно ясно, куда служанка клонит с этим мытьем.

— Ну что вы, барышня. Непременно нужно.

— Не хочу!

— Барышня, миленькая! Так негоже. Господин придет — а вы в таком непотребстве.

— А тебе не все равно?

Мари опустила голову:

— Меня накажут, сударыня. За то, что работу свою не сделала.

Внутри мерзко зашевелилась жалость. В конце концов, при чем тут Мари. Да и подталкивало обыкновенное женское тщеславие — видно, даже в такой ситуации его не вытравить. Хотелось отбиваться от мужчин гордостью и железной волей, а не запахом пота и сальными волосами. Неприступная красавица должна быть идеальной, как Неурская дева.

Создатель, какие глупости!

Амели даже не стала уточнять, откуда у окна взялась медная ванна с горячей водой. Безропотно позволила себя раздеть и залезла в чистую воду, пахнущую пионом. Мари энергично намылила мочалку и с энтузиазмом принялась за работу, болтая всякую милую ерунду.

Фелис никогда так не старалась. Она вообще считала, что частое мытье — хозяйская блажь. Сама же ходила раз в пару месяцев в городские бани на Валоре. Мылась, там же стирала с себя одежду и сушила на деревянных шестах. От нее всегда несло потом. Порой таким ядреным, что хотелось зажать нос. Матушка частенько сама отправляла ее в баню и давала четыре медных лура — лишь бы только вонь истребить. И Фелис этим пользовалась: дотянет до невозможного, чтобы свои деньги не тратить — и из матушки на баню вытягивает. Та еще стерва — только выгнать никакой возможности, никто не пойдет за такую плату.

Теплая вода делала свое дело. Амели разомлела, расслабилась, позволяя Мари делать все, что нужно. Видно, вот так и живут богатые господа... Служанка аккуратно вымыла тяжелые

волосы, ополоснула розовой эссенцией, отжала и подала Амели сухую простынь. Закутала, усадила на мягкий табурет у горящего камина:

— Вот и все, сударыня. Какая же вы беленькая! И пахнете теперь, как цветок.

Это было мило, но радости не вызывало, хоть и в словах Мари не сквозило ни крупницы фальши. Амели чувствовала себя праздничным гусем, которого, мыли, потом сушили, поливая сахарным сиропом. Чтобы продержаться несколько часов в печи на крюке, а потом попросту вспороть зажаренное брюхо и съесть.

Мари аккуратно расчесывала подсохшие волосы щеткой:

— Какая же вы красавица, барышня. Волосы — чистый шелк. А как уложим... Мессир будет очень доволен. Ах, как же вам повезло, госпожа!

Снова все рухнуло. Умиротворение, зыбкое чувство нереальности, иллюзия спокойствия. Амели повернулась, посмотрела снизу вверх в точеное лицо Мари, на котором плясали оранжевые всполохи от огня в камине:

— Ты любишь его?

— Кого?

— Своего хозяина.

В ясных глазах Мари отражалось полное непонимание. Ни насмешки, ни гнева, ни попытки укрыть правду. Ничего. Пустота чистой голубизны с золотыми искрами огня, будто Амели заглядывала в распахнутые глаза невинного ребенка.

— Конечно. Разве я могу не любить своего благодетеля.

— Как... женщина?

Кажется, Мари не понимала вопроса. Она хлопала длинными изогнутыми ресницами и продолжала методично орудовать щеткой:

— Странные у вас вопросы, сударыня. Я предана мессиру всей душой, всем существом своим.

— Так что же, не любишь?

Мари замерла и пожала плечами:

— Я не знаю, барышня. Наверное, люблю, если так надо.

Странный ответ. Искренний, но неестественный.

Амели опустила голову и больше не стала ничего спрашивать. Сникла, закрылась, думая только об одном: Мари сейчас уйдет — и придет он.

18

Амели больше не пыталась возражать. Позволила себя одеть в тончайшее белье и обомлела, когда Мари вынесла платье из невесомой белой кисеи в мелких набивных розах. Амели видела такую ткань лишь однажды на супруге герцога Эдкина, когда та порхнула в собор святого Пикары, похожая на легкое облачко.

Амели протянула, было, руку, тронуть, но тут же опомнилась. Сейчас это всего лишь тряпка, в которую ее обряжают, как глупую куклу. Неуместный восторг пожух, как осенний лист, и рассыпался трухой. Все это обман, фальшь. Невозможно было даже на миг забыть, для чего все это.

Мари зашнуровала лиф, оглядела Амели с ног до головы и широко улыбнулась, сверкнув жемчужными зубами:

— Ах, барышня, какая же вы хорошенькая! Загляденье. Никогда такой красавицы не видела.

Амели посмотрела в открытое, какое-то нездорово-наивное восторженное лицо. В себе ли девушка? Отчего-то эта мысль всерьез пришла только теперь. Орикад назвал ее бесхребетной дурой...

— Мари, ответь, для чего я здесь?

Служанка отстранилась, встала, как вкопанная, хлопая ресницами:

— Так пожелал мессир.

— Зачем?

Мари пожала плечами:

— Не знаю, барышня. Разве по чину мне такие вещи визнавать? — Она открыто улыбнулась: — Да разве это важно? Вам теперь и вовсе о всяких глупостях думать не надо.

Она не понимала. Так притворяться невозможно — никакого актерства не хватит.

— Мари, что бывает с теми, кто не подчиняется вашему хозяину?

Она всерьез озадачилась. Даже на фарфоровом лбу появилась едва заметная морщинка:

— Так разве бывает, барышня? Как же можно не подчиниться?

Амели пожала плечами и ничего не ответила. Может, и впрямь не бывает. Тогда откуда все эти женщины в реке?

Мари в последний раз окинула ее придирчивым взглядом, поправила локон, кружево на корсаже:

— Желаю приятной ночи, барышня.

Она подхватила корзину с грязным бельем, поклонилась и поспешно скрылась за дверью. Хлопок створки прозвучал, как выстрел, заставив вздрогнуть всем телом.

Амели не удержалась и все же подошла к зеркалу. Склонилась, рассматривая отражение. Мари права — она была красива. Очень красива. Настолько, что не сразу поверила, что видит себя. Но это осознание лишь скользнуло, будто глоток лимонада по горлу, и тут же исчезло, вымещаемое страхом. Амели поспешно отошла к окну, будто хотела спрятаться подальше от дверей. Ванны на прежнем месте уже не было.

О том, что колдун вот-вот войдет, она поняла по свечам. Основная масса погасла, погружая покои в таинственный полумрак, затеплились огни в алькове. Может, забиться под кровать? В гардероб? Амели вздохнула и зажала в кулаках тонкую ткань — все это детство, глупости. Один раз он ушел — второй раз так уже не повезет.

— Ты весьма хороша.

Амели вздрогнула всем телом, даже охнула, невольно прикрыв рот ладонью. Колдун стоял у камина, скушаяще покручивая на пальце кольцо. Он не входил в двери... впрочем, какая разница. Это лишь агония. То, что должно было быть приятным комплиментом, звучало приговором. Будто оглашали на Седьмой площади. Перед повешением, усекновением головы, колесованием. Говорят, несколько лет назад даже четвертовали государственного преступника. Тоже, как водится, оглашали. Все смерть. И то, что собирается сделать этот страшный человек, — тоже смерть. Другая, но не менее черная.

— Подойди.

Амели с ужасом слушала свое шумное дыхание и лишь сильнее вжалась в простенок. Колдун поджал губы и презрительно прикрыл глаза:

— Ты не усвоила урок?

Амели сглотнула:

— Усвоила, мессир, — голос все же был на месте.

Колдун подошел сам. Неспешно, чеканя каблучками элегантных туфель по натертому паркету. С каждым его шагом сердце колотилось все сильнее и сильнее, до боли, пальцы совсем заledenели. Он склонился к уху, легко тронул волосы:

— Ты пахнешь цветами, — Феррандо шумно вдохнул. — Люблю пионы. Жаль, их век недолог.

От этих слов и касаний внутри все сжалось. Пальцы колдуна скользнули на шею, заставив содрогнуться. Это не укрылось.

— Тебе неприятно?

Амели молчала. Она умирала от страха, но к нему примешивалось то же непонятное чувство, которое охватывало в прошлый раз. Близость этого человека вызывала что-то еще, кроме страха. Что-то безотчетное, незнакомое. Предательское.

— Поцелуй меня.

Амели лишь еще сильнее прижималась к стене, стараясь опустить голову, как можно ниже. Она ни за что этого не сделает. Феррандо поднял ее голову за подбородок:

— Поцелуй меня.

Она снова молчала, лишь шумно и тяжело дышала, не зная, куда отвести глаза.

Взгляд колдуна изменился, стал мутным, обволакивающим. Он сам склонился к ее губам, и Амели едва не задохнулась, пытаясь отстраниться. Зажмурилась, чтобы не видеть его так близко. Феррандо крепко сжимал пальцами ее подбородок, преодолевая малейшее сопротивление. Его губы были на удивление мягкими. Амели сжала зубы, твердо решив не сдаваться без боя, но он неожиданно ослабил хватку и отстранился, изменившись лицом.

Амели попыталась дернуться, но ничего не вышло — она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Полнейшее бессилие. Никогда в жизни она не чувствовала себя настолько уязвимой, настолько жалкой. Она с ужасом ощущала, как ослабевает корсет, как расходится шнуровка. Едва не вскрикнула, но тут же опомнилась и прикусила губу. Колдун ее попросту раздевал, вот так — не касаясь. Неспешно, наслаждаясь ее замешательством. Все разом упало к ногам: и платье, и корсет. Амели осталась в одной сорочке, но чувствовала, что руки и ноги свободны. Она попыталась прикрыться, сжалась, но колдун приблизился и развел ее руки, безжалостно припечатав к стене. Неожиданная хватка для такого утонченного человека. Запястья будто сковали железом.

Последняя попытка, несусветная глупость, но это лучше, чем ничего:

— Пойдите, мессир.

Колдун с неохотой отстранился:

— Ты утомляешь меня.

Она замотала головой:

— Я не смогу полюбить вас. Вы должны это знать.

— Почему?

— Я порядочная девица. Я не смогу полюбить никого кроме законного мужа, данного священником.

Он неожиданно рассмеялся, сверкнув зубами:

— Надеюсь, вранье закончилось?

— Это не вранье. Так велел Создатель. Остальное — грех.

Колдун не ответил. Подхватил ее на руки и в мгновение ока опрокинул на кровать. Амели забилась, но тут же почувствовала, как руки и ноги будто подхватили веревками, не позволяя шевельнуться. Она лишь дергалась, ощущая, что с каждым движением вязнет все сильнее.

Феррандо со скучающим видом опустил на край кровати, провел над Амели рукой, и сорочка попросту растворилась. Амели пылала от стыда, будто заживо горела на костре. Колдун откровенно разглядывал, шаря по обнаженному телу тяжелым взглядом. Через мгновение к взгляду присоединились пальцы, легко порхая по коже.

— Если бы все это было таким грехом, Создатель позволил бы мне сделать это? Не поразили бы молнией?

У Амели не было ответа. Было бессмысленно вырываться, кричать, умолять. Колдун был волен сделать с ней все, что угодно. Она инстинктивно чувствовала, что еще немного — и он уже не остановится.

— Вы можете все, мессир. Но и я кое-что могу, — Амели сама не понимала, откуда взялась эта отчаянная смелость, эти невозможные слова. Когда они сумели вытеснить страх и жгучий стыд? — Клянусь душой, мессир, если вы опозорите меня, мне ничего не останется,

кроме как кинуться в Валору с башни вашего замка. Этой же ночью. Клянусь, мессир, меня ничто не удержит. Вам не понять женской чести. И вы останетесь ни с чем. Ни с чем, мессир.

В его глазах полыхало неудержимое пламя. Казалось, еще мгновение — и он собственноручно свернет ей шею. В груди Амели клокотала такая безудержная решимость, что она была готова на все.

— Не так добиваются любви, мессир, — она покачала головой. — Мое тело в вашей власти. Но любовь рождается в душе.

Казалось, он сейчас ударит. Феррандо навис на вытянутых руках:

— Разве с тобой плохо обращаются? Тебе не нравятся покои? Новые наряды? — его голос обволакивал, будто ткал на коже замысловатые кружева. — Чего ты хочешь? Золота? Драгоценностей? Я готов щедро заплатить за твою любовь. Я дам тебе все, чего ты хочешь.

Амели даже хмыкнула:

— Такими обещаниями покупают продажных девиц, мессир. Это несложно, — она покачала головой. — Но никакие богатства не вернут мне чести. Никогда. Это будет ваша вина.

Он вмиг помрачнел, склонился к самому лицу:

— Ты смеешь ставить мне условия? Обвинять меня? — его глаза прожигали.

— Это необходимость, мессир. Я должна защищаться. Как могу.

— В таком случае, ты никогда не выйдешь из замка. Из этих покоев, если понадобится.

Амели покачала головой:

— Не думайте, что для отчаявшейся женщины Валора — единственный путь. Матушка говорила, что при желании можно утонуть даже в кружке или умывальном тазу.

— Твоя матушка говорила вздор.

— Дело не в матушке — дело в желании. Если не будет иного способа — я уморю себя голодом.

Он рассмеялся и, наконец, отстранился:

— Не воображай, что уморить себя голодом очень просто. Инстинкт выживания заложен в каждое живое существо. Все это не больше, чем слова глупой девчонки.

— Пусть так. Но между бесчестьем и смертью я выберу смерть.

Феррандо порывисто поднялся. Его лицо помрачнело.

— Ты пожалеешь, что посмела ставить мне условия.

Он стремительно вышел, хлопнув дверью так, что зазвенели подвески на люстре. Амели зажмурилась, и поняв, что больше ее ничто не держит, свернулась калачиком и разрыдалась.

19

Когда Мари пришла ее будить, Амели, конечно, уже не спала. Лежала, укрыв нагое тело одеялом до самого подбородка, и смотрела в окно, наблюдая, как розоватые лучи восходящего солнца расцвечивают парк. Касаются глянцевой, будто лакированной, листвы апельсиновых деревьев, пламят песчаную дорожку. Вдали, едва различимо в легком утреннем тумане, поднимавшемся с реки, виднелись городские крыши. Кажется, навсегда потерянные. Отныне ее удел — стоять у кованых ворот, не имея возможности сделать шаг. Так и будет, Амели это чувствовала. Кажется, этой ночью она сделала непоправимую ошибку.

— Доброго утра, барышня, — Мари аккуратно поставила на консоль вазу со свежими розами. — Славное утро, сударыня. Ясное, теплое. Просто чудо!

Она улыбалась, легко порхала, прибирая мелочи, будто бабочка.

Амели вцепилась в одеяло:

— Доброе утро, Мари.

Она была с ним этой ночью. С Феррандо. Амели чувствовала это каким-то кошачьим женским чутьем. Затаенной черной завистью. Создатель! И как же хотелось залепить ей поще-

чину, будто Амели имела на это полное право. Будто была законной женой. Она пристально смотрела на Мари, словно надеялась разглядеть следы прикосновений, поцелуев. Будто хотела считать все слова, которые Феррандо говорил ей. Он непременно что-то говорил. Внутри все клокотало и одновременно замирало. Что он ей говорил? Что обещал? А что отвечала она? Если бы спросить... Но это было просто невозможно.

Совсем не хотелось любезничать с Мари. Видеть ее тоже не хотелось. Амели лишь вытерпела, когда та оденет ее в голубое платье и причешет. И поспешно выставила, сказав, что не хочет даже завтрака.

Едва служанка скрылась за дверью, Амели кинулась к комоду, достала рисунок. Снова долго рассматривала, сличая портрет и реальность. Подмечено все до мельчайших черточек. У Нила хороший глаз, и рука верная. Амели буквально до дрожи хотела видеть себя на бумаге. Сей же час, немедленно! Хотела иметь возможность доставать рисунок и смотреть, уверяясь, что красива, что не хуже Мари. Она вернула лист в тайник — Нил должен нарисовать и ее портрет.

Амели решительно направилась искать кухню, молясь только об одном: не встретить демона или горбуна. Этих двоих она сейчас просто не вытерпит. Как и в большинстве больших домов, кухня размещалась в подвале. Запахи разносились далеко по коридорам, давая понять, что Амели идет в правильном направлении. Она остановилась в дверях, наблюдая за дородной кухаркой в белом чепце. Толстуха обминала тесто в деревянной кадке, сноровисто работала крепкой, как дубина, рукой. Накрыла кадку чистым мокрым льном и отставила на скамью, поближе к разогретой печи, чтобы поднималось в тепле. Развернулась, обирая с пальцев налипшее, обтерлась полотенцем и хмуро кивнула Амели:

— Ну, заходи, коли пришла.

Кажется, она была недовольна. Взгляд колючий, губы поджаты.

— Здравствуйте, — Амели так и терлась в дверях, но жадно втягивала кисловатый запах сырого теста, разогретой печи. Так бы и стояла.

Толстуха выставила на длинный скобленный стол корзину с луком и принялась чистить, складывая шелуху в глиняную миску:

— Чего в дверях застыла? Иди, садись, — она указала на табурет.

Амели зашла в кухню и сиротливо присела, поджав ноги и комкая на коленях юбку. Она робела перед толстухой. Но и показаться полной растяпой тоже не хотелось.

— Вы ведь тетушка Нила?

Толстуха так и застыла с занесенным ножом. Опустила луковицу и уставилась так, что хотелось сбежать:

— Стало быть, тетушка, раз так говорят.

Амели уставилась на свои пальцы:

— Где мне Нила разыскать?

— А тебе зачем? — толстуха прищурилась и скривила пухлые губы.

— Нужно. Дело у меня.

Тетка хмыкнула и, как ни в чем не бывало, вернулась к луковице:

— Какое такое дело?

— Поговорить нужно.

— Ишь, какая! Мало ли, что тебе нужно. И о чем же ты с ним говорить собралась?

Амели молчала.

— Знаю я ваши разговоры. Голову дурить удумала? А ну как Феррандо узнает?

Амели подскочила и сжала кулаки:

— Ничего я не удумала. И срамного ничего говорить не собираюсь!

Тетка вдруг улыбнулась, взгляд смягчился:

— Ишь, какая! — она покачала головой. — Своевольная. Аж щеки загорелись.

Амели открыла было рот, сказать что-то обидное, но толстуха расхохоталась:

— Да будет тебе, милая! Сядь. А я тебе молока налью.

Она оставила лук, обмыла руки в медном тазу, достала кружку и кувшин, накрытый салфеткой:

— На-ка. Свежее. Молочница только принесла. Хочешь булочку с маслом?

Неожиданно для себя Амели кивнула. Ей здесь нравилось, в кухне. Очень нравилось. И аппетит разыгрался. Не то, что в покоях.

Кухарка глянула на нее и улыбнулась. Залезла в шкафчик, достала чашку с маслом, на удивление, холодным, свежую булку; подала нож.

— Ешь, милая, если хочется. Меня теткой Соремондой зовут. Можешь и ты так звать.

Амели кивнула:

— Хорошо.

Она разрезала булочку, пахнущую ванилью, не удержалась и поднесла к носу, жадно вдыхая:

— Ваарская ваниль?

Тетка Соремонда округлила глаза и удивленно подняла тонкие брови:

— И все-то ты знаешь. Шустрая какая!

Амели улыбнулась. Угадала. Конечно, на этой кухне и ваарская ваниль, и габардский мускат. И, наверняка много того, о чем Амели только читала в кулинарных книгах. Возможно, есть даже настоящие бобы какао, из которых готовят изысканные соусы и сладости. Вот бы хотя бы понюхать...

Вопрос про бобы вдруг показался безотлагательно важным:

— А бобы какао тоже у вас есть?

— Что? — тетка Соремонда нахмурилась. — Какие такие бобы? Бобов в кладовой полные мешки.

— Бобы какао.

— Вот про это не знаю.

— Это очень изысканный продукт. Настоящая роскошь.

Толстуха пожала плечами:

— Не знаю такого. И не видала никогда... Феррандо любит простую пищу. Мясо, овощи, пироги. Особенно пироги. А мою стряпню всегда хвалит. И без всяких какао. Но больше всего любит пирожки с требухой. Вон, — тетка Соремонда кивнула на кадку, — как раз пирожков ему затеяла. Уж больно просил.

Амели не знала, что сказать. Требуха... В голову не могло прийти, что в таком богатом доме едят требуху, будто от безденежья. Дома часто подавали — но даже не каждый день. Бывало, Фелис иногда ходила к закрытию мясного рынка, чтобы купить самые остатки — так выходило дешевле. Это было вкусно, гораздо вкуснее пустой капусты, но... заказывать требуху, когда есть выбор, когда можешь есть все, что захочешь... Может, тетка просто смеется?

Амели нахмурилась:

— Неужто, впрямь, требуху?

Толстуха пожала плечами:

— Отчего бы и не требуху, если вкусно? Хочешь — оставайся, помогай. Только рада буду такому поваренку.

Она поставила кадку с тестом на стол, достала холщовый мешок с мукой и начала припылять поверхность:

— Ну? Помогает?

Амели все же кивнула — соблазн был слишком велик. Возня с тестом всегда поднимала настроение, наполняла все внутри теплом и будто музыкой. Даже хотелось улыбаться, если оно сжималось под пальцами так, как надо, а не липло глиняной лепешкой. Тетка Соре-

монда выдала Амели чистый фартук, поставила разделять тесто на порции, а сама принялась жарить лук на огромной черной сковороде. Через пару минут по кухне поплыл аппетитный запах. Амели ловко орудовала огромным ножом, отрезая одинаковые кусочки, и ловила себя на мысли, что почти счастлива. Как же мало надо — всего лишь любимое дело — и все отходило на второй план. Почти забывалось. Она не хотела думать, для кого эти пирожки. Старательно подкатывала кусочки, чтобы получались идеальные ровные кругляши, раскладывала на одинаковое расстояние и оставляла расстаиваться, накрыв чистой тряпицей. И любовалась, как они подходят, время от времени приподнимая ткань. Мягкие, как пух. Тетка Соремонда лишь кидала лукавые взгляды и улыбалась, размешивая лук с рубленой жареной требухой в большом медном тазу. Наконец, поставила таз на стол и взяла скалку.

Как же было хорошо... У тетки получалось очень ловко, несмотря на толстые, казалось бы, неуклюжие пальцы. Одинаковые пирожки с тонким аккуратным швом. Но и Амели не отставала — выходило ничуть не хуже. Но в голове забились вдруг отчаянная шальная мысль: этак в пирожок все что угодно можно завернуть, тетка и не заметит... Собрать лошадиного навоза... или какого мерзопакостного снадобья, от которого наступает легкая, но неприятная болезнь... А то и вовсе смертельного яду. Кто знает, может, и такое покажется необходимым. У требухи яркий специфический вкус, он многое способен скрыть.

От этих мыслей сделалось не по себе: неужели Амели на такое способна? Подсыпать яд? Она даже замерла, занеся руки над тестом.

Тетка насторожилась:

— Что это с тобой, милая?

Она посмотрела на тетку и выдавила улыбку:

— Можно, я свои слеплю? Какие хочется?

Соремонда молча кивнула, но в глазах промелькнуло беспокойство.

Амели вспомнила рисунок Нила. Чудесных золотых рыбок. Она слепила три пирожка, придавая им нужную форму, из оставшегося теста сделала роскошные хвосты с мелкими бороздками, плавники. Маленькой ложкой наколола чешую, почти как настоящую. Глазами послужили горошинки черного перца.

Тетка Соремонда смотрела, качала головой:

— Экие ловкие руки у тебя. Как славно получается. Чудо какое-то. Мне такую красоту ввек не сделать. У меня все по-простому, по-деревенски.

Амели улыбнулась, чувствуя, как в груди потеплело от похвалы. Аж все запело. Матушка никогда так не хвалила, лишь сдержанно кивала. Ей, конечно, нравилось, но она считала все это непозволительной расточительностью, потому не поощряла. Все это казалось тогда дорогим развлечением.

— Я у Нила рисунок видела. Там были вот такие рыбки. Совсем как живые. У него большой талант.

Тетка Соремонда улыбнулась и покачала головой:

— Талант... Одного не пойму: кому нужны эти его картинки? Какой от них прок? Лучше бы за ум взялся. То ли дело твои руки. С такими руками знатной хозяйкой будешь. Такая жена каждому нужна. И красавица, и умелица.

Амели помрачнела и опустила голову. Не быть ей женой. Колдун не отпустит. А если отпустит — то опозоренной. Такая жена никому не будет нужна, пусть у нее хоть трижды золотые руки. Эти мысли все испортили. Теперь хотелось скорее уйти прочь. Амели напоследок поправила хвостики:

— Можно оставить эти пирожки для Нила? Ему, наверное, будет приятно. Он поймет. Скажите, что от меня.

Тетка лишь повела бровями:

— Можно, наверное, раз так хочешь. Большой беды не будет.

— Я пойду... — Амели сняла фартук и повесила на крюк в деревянной балке. — Мне пора, наверное... Тетушка Сремонда...

— Да, — толстуха посерьезнела.

— Можно, я буду иногда приходить помогать вам?

Та улыбнулась:

— Конечно, можно, милая. Всегда приходи. Хоть каждый день. И сама стряпай — все продукты тебе дам. Вижу ведь, как расцвела вся. Нравится.

Амели кивнула:

— Нравится. Очень нравится.

Она развернулась и вышла с кухни: теперь стало тоскливо, будто что-то тянуло в груди.

20

Амели задыхалась в доме. После теплого уюта кухни роскошные анфилады будто давили, втаптывали в натертый узорный паркет. С запахом теста, с его мягкой податливостью исчезло умиротворение. Стало холодно и пронзительно одиноко, будто она стояла в глухом осеннем лесу, коченела, кричала до хрипоты, но в ответ слышала лишь звериные шорохи и птичьи вопли. И равнодушный шелест ветра в умирающей листве. Все было чужим. Пустым. Враждебным. Но больше всего она боялась столкнуться с колдуном. После того, что было. Как теперь смотреть на него, как говорить? Какой стыд!

Амели вышла на террасу и вздохнула полной грудью. На улице стало лучше. С реки ветер приносил прохладу, веяло тонким ароматом апельсиновых цветов. Очередной резкий порыв подхватил струю фонтана, и в лицо брызнуло мелкой моросью. Будто приводя в чувства после обморока.

Амели спустилась в сад и пошла по засыпанной желтым песком дорожке, огибая террасу. Песок влажно шуршал под ногами, и кожаная подошва туфель тоже стала быстро напиться, холодя ступни. Ночами с реки ползут туманы, особенно весной и осенью. Но сегодня было не холодно, скорее свежо и приятно. И дышалось здесь легче, вдали от городских улиц. В окна, выходящие в Ржавый переулок, постоянно тянуло помоями, из-за вечно забитой сточной канавы. Потому их и не открывали, разве что зимой, когда не так смердило. Здесь же, вдали от тесных улиц, пахло свежестью, горьковатым илом, цветущими апельсинами и померанцами, к которым примешивались розы и жонкилы. Хорошо... если бы не обстоятельства.

Амели свернула налево, огибая дворцовое крыло. Сюда вчера закатывались бочки. Бочки... Идея с бочками уже не казалась такой хорошей, как вчера. Какой там: глупость, к тому же трудноосуществимая. Без точного знания, когда их забирают, все было попросту бесполезно. Да она и представить не могла, как можно просидеть в грязной бочке. Но это была хоть какая-то идея. И нужно делать хоть что-то, пока не подобрался вариант получше. Все умнее, чем сидеть и обреченно ждать неизвестно чего.

Амели несколько раз шумно втянула воздух, будто с каждым вдохом наполнялась решимостью, и зашагала, жадно вглядываясь в песок. Народу в замке было мало — едва ли дорожку успели сильно истоптать свежими следами. Через некоторое время она сумела различить одинокие вмятины от каблучков, вероятнее всего принадлежащих горбуну. По крайней мере, так хотелось думать. А по краям дорожки, особенно на поворотах, появлялись жесткие линии, будто вычерченные по линейке. Наверняка оставленные железными ободами, когда бочки крепились.

Дорожка ныряла в парк, который Амелии уже видела из чердачного окна, сворачивала к остекленному павильону. Стройные ряды стриженных деревьев по краям центральной аллеи казались бесконечными. Сквозь птичье щебетание доносился плеск большого фонтана. Очень

хотелось посмотреть фонтан, но это после. Вероятнее всего бочки закатили в павильон, и если там не заперто...

Амели торопливо зашагала в сторону павильона, выискивая глазами двери, но тут же остановилась и огляделась — нет ли поблизости горбуна. К счастью, никто не окликал, не торопился поставить на место, но это лишь видимость: оба уродца вполне могли затаиться, с них станется.

Амели подошла, тронула белую дверь. Внутри оказалось совершенно пусто. Вероятно, это и вправду оранжерея, в которую убрали на зиму кадки с теплолюбивыми деревьями. Белый камень, много света, изящные пилястры в простенках. Пустынно и гулко. Каждый шаг отдавался раскатистым звуком.

Амели посмотрела в окно, в сторону реки, и обомлела: павильон стоял у самого обрыва, недалеко от парковой ограды. Она вышла через противоположные двери, подошла к каменному бортику. Город лежал как на ладони — Валора в этом месте была совсем узкой. Отчетливо просматривались дома на противоположном берегу, желто-бурые черепичные крыши. По мощеной набережной сновали конные и пешие. Левее виднелась паромная переправа, а дальше — мост Красавиц. И там, за мостом, Седьмая площадь... Она старалась не думать о доме — иначе станет невыносимо. Едва краешком сознания воображала горе матери, и тут же мотала головой, отгоняя. Осеняла себя знаком спасения и запрещала эти мысли. Каждый раз запрещала. Амели вновь посмотрела за реку: если громко крикнуть, люди ее, наверное, услышат. Вон тот господин на пегой лошади. Или лоточница у городского фонаря. Но чем поможет этот крик? Можно сразу сказать, что сделают люди: посмотрят, а потом опустят головы и сделают вид, что показалось. Она сама бы поступила так же.

Амели оперлась о бортик и глянула вниз, но тут же отпрянула. Отвесная скала с глыбами искрошенного известняка у самой воды. Пожалуй, идеальное место для того, чтобы вести счеты с жизнью. Камни и вода не оставят шансов. Стало одуряющее страшно, но одновременно удивительно спокойно, будто она нашла крайний выход. Думать о том, насколько страшен такой шаг, конечно, не хотелось. Разве об этом думают? Если все время думать — никогда не решишься.

Амели вновь подошла к бортику, оперлась локтями. Камень нагрелся на солнце, и это было приятно, учитывая, что ноги совершенно замерзли. Она жадно следила, как скользит по течению наемная лодчонка. Такая же, как та, что привезла ее сюда. Вероятно, та точно так же проплывала мимо этого страшного обрыва. Амели поджала губы и отстранилась: калитка со стороны реки... Она подобрала юбки и решительно зашагала вдоль ограды. Лодка в тот вечер отчалила недалеко от моста Красавиц и плыла по течению. Амели толком не помнила, сколько павильонов они миновали тогда в темноте. Если бы она знала, что именно стоит запоминать... Но, если есть ограда, значит, будет и калитка.

Она решительно шагала, касаясь камня кончиками пальцев, но он вдруг сменился безликой железной решеткой, торчащей из зарослей можжевельника. Здесь ничего не напоминало о роскошном парке. Просто запущенный не облагороженный клочок земли с кучей камней, похожих на старый колодец. Разве копают колодцы в таких странных местах? Она подошла поближе, колючие ветки цеплялись за юбку, будто хотели содрать. Амели заглянула в черное нутро. В колодце не было воды, но она отчетливо увидела уходящие вниз каменные ступени. Сердце заколотилось. Конечно, кто знает, может когда-то давно в колодцах строили ступени, чтобы можно было добраться до воды. Этот находился слишком высоко над рекой. Она отстранилась, огляделась, отыскивая взглядом подходящий камешек. Подняла и, прислушиваясь, кинула в непроглядную черноту.

Всплеска не было. Из глубины донесся лишь drobный звук падения. Там сухой камень. Но это утверждение могло значить лишь то, что колодец давно пересох. Амели перегнулась через бортик, жадно вглядываясь, но все равно ничего не смогла разглядеть — глубоко. Веро-

ятнее всего, он прорыт на всю высоту обрыва. Спуститься в черноту она не решилась, но в голове билась шальная мысль, что это может быть выход наружу. Тайный ход. Нужно вернуться с фонарем, опустить его на веревке и посмотреть. Но не сейчас — сейчас нужно попробовать отыскать калитку.

Амели вышла из зарослей, кое-как обобрала с бархата налипшие сухие листья и вернулась к павильону, намереваясь обойти с другой стороны. Она смутно представляла, что станет делать, если все же найдет калитку. Бежать прямо сейчас или дожждаться ночи? Лучше, пожалуй, ночью... но если ночью снова придет он? Амели остановилась и невольно сглотнула, ощущая, как по телу прокатывает колкая волна.

— Вот ты где!

Она вздрогнула и обернулась: навстречу по шуршащему песку важно вышагивал Гасту. Она всматривалась в его уродливое лицо, пытаясь понять, заподозрил ли он хоть что-то.

— Что это ты здесь делаешь?

Амели поджала губы:

— Парк смотрю.

— И как, посмотрела?

Она замотала головой:

— Нет еще.

— Значит, в другой раз. — Горбун кивнул в сторону замка: — Пойдем, мессир зовет.

— Зачем?

Гасту пожал перекошенными плечами:

— Мое какое дело. Велел сыскать.

Амели просто одеревенела, едва перебирала ногами, шагая за горбуном. Успокаивала себя лишь одним: сейчас день. Едва ли такими вещами можно заниматься днем. Но это была лишь догадка, которая совсем не прибавляла уверенности.

21

Амели стояла перед знакомыми дверями в столовую и не могла сдержать дрожь. Пальцы ходили ходуном, даже челюсть подрагивала. Внутри все обрывалось, замирало. Дыхание сбивалось. Двери открылись, и Амели едва шевелила озябшими ногами. Сейчас они казались смерзшимися ледяными глыбами.

Феррандо сидел за сервированным столом и теребил в тонких пальцах вышитую салфетку:

— Почему так долго? — взгляд резанул холодом.

— Я гуляла в саду, — Амели едва шевелила губами и опустила голову, как можно ниже, стараясь не смотреть на колдуна. Разве теперь возможно на него смотреть — провалиться со стыда. От ужаса даже уши закладывало.

— Опять слонялась у ворот?

Конечно, о вчерашнем доложили — можно было не сомневаться. Она удрученно покачала головой:

— Нет, ведь это не имеет смысла. Я больше не хожу к воротам. Любовалась цветами.

Не сводя с нее синих глаз колдун, отбросил салфетку, взял с серебряного блюда румяный пирожок и впился белыми зубами. Предлагать разделить трапезу он, похоже, вовсе не собирався. Оно и к лучшему — все равно кусок в горло не полезет.

— Это мило. Даже трогательно.

Амели нахмурилась, не понимая, что он имеет в виду, и все же подняла голову. Опасливо, готовясь в любое время спрятать глаза. В его руке золотилась поджаренными боками рыбка из теста. Феррандо с аппетитом откусил «голову» вместе с черной горошинкой перца, в паль-

цах остался кудрявый рыбий хвостик. Внутри все заклокотало. Амели часто шумно дышала, чувствуя, как вздымается грудь, едва не вырываясь из корсажа. Это не для него! Не для него! Хотелось кинуться и отобрать, но это ничего бы не изменило.

— У тебя искусные руки.

Амели молчала, лишь сопела и комкала пальцами юбку. К щекам приливали волны жара. Даже стыд исчез.

— У тетки Соремонды слишком толстые пальцы и мало фантазии. Чего взять с обычной деревенской женщины.

Колдун откусил еще и демонстративно пережевывал, лениво ворочая челюстью:

— Почему рыбы?

Амели молчала.

Феррандо подался вперед:

— Что с тобой? Почему ты так покраснела? Думаешь обо мне? — он будто копался в ее голове. — Вспоминаешь вчерашний вечер? Раскаиваешься в своем упрямстве?

Амели с вызовом вскинула голову:

— Нет! Не раскаиваюсь!

Он презрительно усмехнулся, всем своим видом показывая, какая она дура, и откинулся на спинку стула:

— Почему рыбы?

Амели вновь молчала, будто воды в рот набрала.

— Ну же, отвечай, или я рассержусь. Почему именно рыбы?

— Просто так.

— Ложь. Ты лгунья, — он повел бровями. — Ничего не бывает просто так. У любого поступка есть причина. Отвечай.

Страх вытесняла ярость, возмущение. Он требовал ответов, будто Амели сотворила нечто невозможное, недопустимое. Это всего лишь пирожки. Кусок теста. Скорее всего, демон рассказал о встрече с Нилом на чердаке. Но ведь это всего лишь рисунок. Всего лишь уголь и кусок бумаги. Что плохого в том, что рисунок понравился? Даже если все известно — Амели не станет признаваться. Признаться — подтвердить, что в чем-то виновата. Здесь нет вины. Не в чем каяться.

— Мне хотелось слепить рыб — и я это сделала. В следующий раз слеплю кошку или птицу.

Феррандо поднялся. Амели хотела сделать шаг назад, но почувствовала, что ноги буквально приросли к паркету сырыми башмаками. Не сдвинуть. Он зашел за спину, склонился к уху:

— Почему рыбы? — слова звучали заклинанием.

Горячий шепот опалил кожу, и Амели зажмурилась, борясь с накатывающим трепетом.

— Мне понравились фонтаны на террасе.

Кажется, такой ответ все же устроил. Феррандо медленно провел пальцами по шее Амели, коснулся плеча:

— Ты угадала. Рыбы — удивительные грациозные создания. В древних культурах рыба олицетворяла плодородие. И размножение. — Его голос обволакивал, как облако духов, пробирался в самое нутро, как колокольный звон, отзывался замиранием. — Разве это не есть сама жизнь? В самом истинном ее проявлении. — Губы коснулись ее шеи. — В самом неподдельном. Без ханжеской морали и нелепых условностей. Во всех древних культах к богам плодородия было особое отношение. Древние были умнее нас. И честнее. Ты так не думаешь?

В горле пересохло, сердце колотилось, как безумное. Рука колдуна обхватила за талию, сжала железным ободом.

Амели опустила голову, зажмурилась:

— Я не знаю.

Феррандо обхватил пальцами ее подбородок, заставил повернуть голову, заглянуть в глаза. Щека прижалась к жесткой вышивке его кафтана.

— А может, ты делала их не для меня?

Амели вздрогнула и перестала дышать. Еще не хватало, чтобы из-за ее глупости пострадал Нил. Просто ни за что. Это было бы совсем несправедливо. Она смотрела в синие глаза, которые были сейчас настолько близко, что отчетливо виднелась темная, почти черная окантовка радужки. Амели никогда не видела такого чистого цвета, будто в глазах сверкали два ограненных сапфира. Но так хотелось выкрикнуть правду! Что для него она и пальцем бы не пошевелила. Пусть бы подавился!

— Для кого? — Феррандо нажал на подбородок, заставляя поднять голову еще выше.
— Для кого?

Амели с усилием отвернулась, опустила голову:

— Для вас.

Колдун поглаживал ее щеку, уткнувшись носом в макушку:

— Ты все еще пахнешь пионом.

Внутри все трепетало. Амели дрожала, и он, конечно, это чувствовал.

— Люблю пионы... И люблю пирожки. У тебя искусные руки и, кажется... не самая пустая голова. В тебе есть почти все, чтобы стать хорошей женой. Не хватает лишь покорности, но это поправимо.

Да он просто издевался.

Феррандо вернулся за стол, плеснул вина в серебряный бокал и осушил залпом:

— Я утром ездил в Конклав.

Амели все еще не могла сойти с места. Стояла, опустив голову и комкая юбку.

— Ты не спросишь, зачем?

Да ей было наплевать. Единственное, чего сейчас действительно хотелось — убежать прочь. Не смотреть в это лицо, не слушать этот голос. Забиться в самый дальний угол и реветь, пока не заболят глаза.

— Ты не любопытна? — он поднял бровь, помедлил, не дождавшись ответа. — Неужели еще одно достоинство? Кажется, их становится так много, что перестаешь в них верить.

Амели сглотнула:

— Зачем, мессир?

— Объявить, что я намерен жениться.

— Я рада за вас, мессир.

Кажется, он был озадачен. Поднял брови, поджал губы и вновь плеснул вина:

— И это все?

Амели молчала.

— Все же, я рассчитывал услышать, что ты, наконец, довольна. Ты же этого добивалась? Будет так, как ты хочешь. Но после будет только так, как хочу я.

Амели с трудом понимала смысл сказанного. Будто ослепла и оглохла. Наконец, подняла голову:

— Жениться... на мне?

— На ком еще? С завтрашнего утра оглашения в городе, как и положено, во всех церквях и на всех площадях. Церемония через три дня в соборе святого Пикары. Я больше тебя не задерживаю. Ожидаю лишь благодарности и благоразумия.

Глаза щипало, в висках колотился набат. Все девочки с самого детства мечтали выйти замуж, но точно не за колдуна... Это просто не поддавалось пониманию. Амели неосознанно качала головой: разве может быть такой муж? Чудовище, способное ослепить, оглушить...

Разве она могла подумать, что он вообще способен жениться? Зачем? Ведь это на всю жизнь! И об этом узнает весь город. Жена колдуна... Да народ станет ее стороной обходить, как Гасту!

Амели сглотнула:

— Мессир, это шутка?

— Я не слишком люблю шутить.

— Брак, мессир, это так серьезно. Он нерасторжим.

Феррандо усмехнулся:

— Вполне расторгим. В случае смерти одного из супругов. Просто помни об этом и будь благоразумной.

Амели отчаянно мотала головой:

— Мессир, сжальтесь. Я вам совсем не нужна. Умоляю, мессир, позвольте мне вернуться домой. — Не помня себя, она кинулась в ноги колдуну, на паркет, схватила его руку и даже прижала к губам: — Позвольте мне уйти, мессир. Молю.

Феррандо подцепил пальцами ее подбородок, принуждая посмотреть в лицо:

— У тебя был шанс вернуться, но ты сама отказалась от него. Сама. Честь была дороже. Я лишь позволил тебе остаться честной женщиной. Я не беру назад своих слов. — Он склонился совсем близко, касаясь носом щеки Амели: — Твоя задача — сделать так, чтобы я не пожалел.

22

В старых легендах и сказаниях в таких случаях пишут что-то вроде «Разверзлись небеса» или «Небо обрушилось на голову». Ничего, конечно, не обрушилось, просто стало нечем дышать. Амели сидела в своей комнате на табурете у окна и смотрела в сад через мелкие ромбы дутого стекла. Бездумно, напряженно. Уже смеркалось. Сад подернулся синевой, поблек. Песчаная дорожка утратила позолоту поджаренной хлебной корки и на глазах превращалась в сереющий закаменевший сухарь. Казалось, стукни, и раздастся глухой сухой звук, будто ударишь по куску пемзы.

Мари уже несколько минут копошилась в алькове — что-то прибирала. Скреблась, как мышь. Нет, как большая жирная крыса с омерзительным розовым хвостом.

— Барышня, ужинать не желаете?

Амели поджала губы, резко повернулась:

— Нет! И твои услуги больше не нужны. Иди спать.

Мари лишь похлопала глазами и пожала точеными плечами:

— Говорят, перед свадьбой так бывает. От переживаний. Но тут не плакать надо, сударыня! Радоваться.

Амели не удержалась и встала. Не ожидала такой наглости. И ведь, кажется, впрямь рада. А чего Мари не радоваться — не она будет обманутой женой, которой прислуживает наглая любовница.

— Откуда знаешь?

Мари просияла улыбкой:

— Так уж весь город знает, барышня. Все рады.

Амели в бессилии вновь опустилась на табурет, закрыла лицо ладонями. Весь город... Значит, и матушка с отцом, и Эн, и даже Марта буфетчица...

— И ты рада?

Мари присела у нее в ногах:

— Конечно, рада. Мессир сделал прекрасный выбор — вы такая красавица. Барышня, хотите, травки успокоительной заварю? Валерьяну, пионовый корень. Вмиг полегчает. Всю ночь проспите, как младенец.

— Пионовый корень?! — Амели отшвырнула служанку так, что та упала на паркет и лишь хлопала небесными глазами. Неужели, впрямь, непроходимая дура? — Вон пошла! Не уйдешь — за волосы выволоку. Вон!

Мари поднялась на ноги,правила юбку:

— Может, тогда раздеться прикажете. Я же должна...

— Вон пошла!

Мари наспех поклонилась и выпорхнула за дверь. Неужто можно так сыграть? Ни жестом, ни взглядом, ни малейшей черточкой не выдавала свой интерес. Лишь спокойное лицо, открытый безмятежный взгляд. Неужели ей самой не хотелось быть на месте Амели, если все так? Ни зависти, ни ревности?

— И за что это ты ее?

Амели не увидела, откуда появился демон. Может, по своему обыкновению подслушивал и подглядывал откуда-то с потолка. Его не было видно со вчерашнего дня.

Амели лишь отвернулась к окну:

— Не твое дело.

Теперь только Орикада с его мерзкими привычками не хватало.

— Можно подумать, что ревнуешь.

— Ревнуют — когда любят, когда не все равно, — Амели будто говорила со своим отражением в дутом стекле.

Демон хихикнул:

— А тебе разве все равно?

— Оставь меня в покое. Уходи.

Демон перекувыркнулся в воздухе и пожал плечиками:

— Я поздравить хотел. От чистого сердца. Ловко ты мессира окрутила — ничего не скажешь. А с виду дурочка наивная. Я тебя сначала даже жалел.

Амели поднялась, поджала губы:

— Окрутила? — она надвигалась на Орикада, сжимая кулаки. — Я окрутила твоего мессира? Да как у тебя язык поворачивается?

Она схватила с консоли зажженный канделябр и размахивала перед собой, будто рапирой. Колдовское пламя кренилось, шипело, делало невероятные кульбиты, но упорно продолжало гореть. Демон визжал, суетился, хихикал, пока в один момент не запахло жженой шерстью. Он съежился, похлопывая ладонью подпаленный локоток:

— Хватит уже! Ненормальная! И что я такого сказал?

— Все ты врешь! Если бы мне только позволили уйти — меня бы уже здесь не было. Не нужен мне твой хозяин. Ничего не нужно!

Демон скривился, сморщил нос:

— Ну и дура.

— Уходи, видеть тебя не могу.

Орикад обиженно вылетел из покоев под знакомое шлепанье перепончатых крылышек. Лишь бросил в дверях:

— Охолонись. Аж красными пятнами пошла, бешеная!

Хотелось что-то швырнуть в уродца, но уже не было сил. Амели вернулась к окну, опустилась на табурет, и отчаянно разревелась, сотрясаясь всем телом. На улице уже стемнело. На фоне ночной черноты в стеклах отражались лишь отсветы свечей и ее перекошенное, искаженное лицо. «Охолонись...» Она выдернула из канделябра горящую свечу, зажала в руке и вышла из покоев. Сама толком не понимала, что собирается сделать.

Амели беспрепятственно вышла на террасу, поежилась от холодного ветра. Огонь свечи слег под порывом, но не погас. Она обогнула крыло дворца уже знакомым путем и решительно зашагала к павильону оранжереи. Исследовать в темноте колодец было довольно глупо, но все

еще оставалась калитка, которую следовало лишь найти. Сейчас. Немедленно. Больше нечего было дожидаться. Осталось три дня. Точнее, уже два.

Чтобы найти ограду, Амели обогнула оранжерею. Задержалась на мгновение у обрыва, глядя на черную речную гладь, серые городские крыши. Здесь стало спокойнее, будто она убедилась, что выход все же есть. Пусть и такой. Она глубоко вздохнула, зашагала вдоль забора. Уперлась в знакомые заросли и вдруг заметила вдали, среди ветвей, дрожащий апельсиновый свет фонаря. Амели притихла, задержала дыхание. Прямо из глубины колодца, держа светильник в вытянутой руке, поднимался Гасту. Прямо за ним виднелась светлая макушка с копной длинных волос. Амели попятилась и побежала к павильону, стараясь производить как можно меньше шума. Она предусмотрительно ткнула свечу пламенем в песок, и огонь погас, издав едва различимое шипение. Свет приближался. Амели пятилась за угол павильона, стараясь ступать совершенно бесшумно — лишь бы не заметил горбун. Когда под ногой хрустнула тонкая сухая веточка, она вздрогнула, сжалась и забыла, как дышать. Но Гасту и его спутница ничего не услышали. Амели укрылась за углом, припала к стене, чтобы быть как можно незаметнее. Полная луна на безоблачном небе, как по заказу, поливала округу ровным холодным светом. Горбун вальяжно вышагивал, высоко выбрасывая ноги в остроносых туфлях, и, кажется, даже что-то насвистывал. Фонарь раскачивался, отбрасывая на землю апельсиновый круг. Когда они подошли ближе, Амели едва не вскрикнула — женщина была совершенно нагой. Стройная, ладная, с высокой упругой грудью. Судя по всему, молодая, хоть и сложно было отсюда рассмотреть лицо. На белой коже золотились теплые блики фонаря, придавая телу какое-то необыкновенное мраморное сияние. Она, молча и покорно, босая, следовала за уродом к каменной ограде над обрывом.

Амели лишь вытаращила глаза. Выходит, предположение оказалось верным: колодец ведет наружу, а Гасту лишь приволок из города веселую девицу, чтобы поразвлечься в укромном уголке. И каково это ей миловаться с таким уродом, да еще и на улице? Хотя, говорят, что им все равно — лишь бы платили. Все внутри вопило, что надо бы уйти, невозможно оставаться и смотреть на это, но Амели просто не могла пошевелиться. Стояла, будто примерзшая, и смотрела во все глаза, аж в горле пересохло. Краснела и смотрела.

Женщина села на ограду, прямо на холодный камень. Гасту посмотрел вниз, туда, где река и острые валуны. Наверное, высматривал, на месте ли лодка. Он вновь подошел к женщине, обхватил ее голову огромными ладонями и просто крутанул, сворачивая шею. Будто курице. Даже показалось, что ветер донес отвратительный хруст, переворачивающий все внутри.

И тут же столкнул в обрыв.

Амели со всей силы зажала рот ладонями, чтобы не закричать. Присела, сжалась у стены, чувствуя, что бесконтрольно дрожит. Создатель! Когда раздался отдаленный всплеск, она содрогнулась всем телом и еще сильнее зажала рот, до боли.

Так вот откуда женщины в реке.

23

Амели зажимала рот ладонью с такой силой, что было больно. Замерзшие пальцы немели. Но все время казалось, что стоит опустить руку, из горла вырвется долгий отчаянный крик. Когда Амели, наконец, набралась мужества выглянуть из своего укрытия, горбуна уже не было. Она не заметила, в какую сторону он ушел: в дом или вернулся в колодец. Спокойная лунная ночь, вид на мирно спящий город... И лишь она одна понимала, какой кошмар только что случился. Утром гвардейцы выловят очередной труп. Соберутся зеваки, станут смотреть и в который раз гадать, зачем колдун убивает этих несчастных женщин. Официальных обвинений, конечно, никто не предъявлял, но слухи истребить невозможно. И никому даже в голову не

придет, что это не он. На мгновение в душу закралась даже какая-то непонятная обида за Феррандо. Каков бы он ни был, но убийца не он.

Омерзительный страшный горбун... Гасту теперь вселял панический ужас. Если он приблизится, Амели наверняка бросится прочь. Она вновь порывисто прижала ладонь к губам. Знает ли об этом Феррандо? Трудно вообразить, что он может чего-то не знать. А если знает, почему позволяет? Или ему нравятся все эти ужасные слухи? Но даже если и так, неужели ему не жаль этих несчастных? Амели живо вспомнила, как безропотно и послушно сидела перед горбуном бедная девушка. Ведь она ничего не подозревала, даже не попыталась защититься, когда Гасту обхватил ее голову своими огромными ладонями. И этот кошмарный хруст.

Амели прислушалась, стараясь уловить шарканье ног в остроносых туфлях. Сердце отчаянно колотилось, заглушая звуки. Тишина. Лишь легкий плеск воды далеко внизу, редкие вскрики ночных птиц и навязчивое дребезжание цикад. С замиранием сердца Амели подошла к ограде. Положила ладони на холодный камень и глянула вниз. В лунном свете хорошо прорисовывались белые валуны, штрихи водной ряби. Тела не было. Судя по сильному всплеску, оно прямоком угодило в воду, и течение наверняка уже потащило его к противоположному берегу, где Валора огибала мыс, на котором белел собор святого Пикары.

Наведаться в колодец Амели, конечно, теперь не решилась. Вдруг столкнется с горбуном. Тогда уже ничего не объяснишь, не соврешь про случайность — вмиг все поймет. Да она и сама выдаст себя с головой. А если горбун узнает, что Амели все видела... не станет ли она еще одной жертвой? Амели будто почувствовала огромные горячие ладони на своей голове. Сделалось так страшно и холодно, что хотелось завывать, сжаться, обхватывая колени. Превратиться в пылинку и унести прочь с порывом ветра. Оставалась лишь твердая отчаянная решимость найти калитку. Амели попыталась было отыскать брошенную свечу, но с перепугу не запомнила, где ее оставила, да и едва ли получится самостоятельно разжечь огонь. Она подобрала юбки, вышла на песчаную дорожку и торопливо зашагала в конец сада, стараясь быстрее миновать павильон, за которым скрывался колодец. Калитка выходила на реку, значит, если идти вдоль ограды, она обязательно отыщется.

Амели обогнула павильон, пересекла партер, засаженный душистым табаком меж низких стриженных кустов самшита, и нырнула к ряду стройных кипарисов вдоль кованого забора. Шагала медленно, стараясь хорошенько все разглядеть, насколько позволял лунный свет, но усилия совсем не приносили плодов. Амели прошла всю ограду до украшенного статуей грота, которым оканчивалась большая аллея, но калитку так и не нашла. Она едва не рыдала. Шарила ледяными руками, дергала решетку, надеясь, что та поддастся, но все было бесполезно. Вцепившись в прутья, Амели смотрела на такую близкую и такую недостижимую реку. Парк спускался по склону, и здесь, в самом его низу, до воды было лишь несколько футов. Она посмотрела вверх, прикидывая, сможет ли перелезть через забор, но это казалось нереальным. Слишком высоко, да и юбки не позволят.

Непроверенным оставался лишь участок забора у колодца, но идти туда Амели боялась. Покачала головой: нет, она совсем не помнила, как горбун тащил ее с маленького причала. Они проходили через павильон, поднимались и спускались по лестницам. Она была тогда так перепугана, что не видела ничего.

Страх нарваться на горбуна был огромным. Амели кралась вдоль забора в сторону павильона, за которым находился колодец, забывая даже дышать. Ощупывала решетку, но ничего не менялось. Если бы вспомнить, сколько ступеней вели от причала к калитке. Можно было бы примерно прикинуть расположение по высоте обрыва. В одно мгновение казалось, что их было около пяти, но тут же она отметала эту мысль, воображая, что лестница тянулась далеко вверх. Так хотелось думать, потому что у колодца обрыв был высокий. Глупость. Все глупость. Очевидная мысль разбивала на мелкие осколки всю надежду: если заколдованы центральные ворота, почему она вообразила, что не может быть заколдованной калитка? Если так, то все эти

глупые блуждания бессмысленны. Оставался лишь колодец, но как спуститься в него, точно не зная, что Гасту ушел в дом?

Амели обогнула павильон и замерла, выглядывая в сторону зарослей — пыталась рассмотреть отсвет фонаря. Кругом было темно и тихо. По-прежнему надрывались цикады, с реки дул холодный ветер. Над городом раскатился двойной удар колокола на дозорной башне — отбили полночь. Только сейчас Амели в полной мере ощутила, как замерзла. Пальцы почти не слушались, а ногти наверняка посинели, будто их выкрасили чернилами. Самое отвратительное — это сомнения и надежда, за которую пытаешься уцепиться вопреки здравому смыслу. Нужно решаться. Или смириться. Амели даже зажмурилась, чтобы принять решение, но ветер принес сухой звонкий хруст ломающихся веток.

Горбун.

Амели подхватила юбки и, не помня себя, понеслась прочь. По аллее, в сторону замка. Свернула на дорожку, обернулась на бегу, опасаясь погони. Единственное, что она ярко запомнила — тяжелый удар. Глухой, отозвавшийся где-то в груди. Она рухнула вперед всем телом и не сразу поняла, что свалила человека. Она порывисто приподнялась на руках и увидела разметавшиеся светлые кудри. Нил.

Он шикал сквозь сжатые губы и потирал затылок:

— Ты совсем с ума сошла?

Кажется, ему было гораздо больнее, чем он хотел показать. Амели просто разревелась. Только теперь прорвало. Но Нил, конечно, примет это на свой счет. Она гладила его по щеке ледяными пальцами и бормотала, утираясь тыльной стороной другой руки:

— Прости меня, пожалуйста. Я не хотела, — она нагнулась и поцеловала его в щеку. По-детски, как целуют больное место, чтобы боль отступила.

— Ты чего?

Амели молчала, лишь всхлипывала. Нил обнял ее и прижал к себе, стараясь успокоить. Она не сопротивлялась. Уткнулась в его грудь и щедро поливала слезами сорочку, пахнущую кухней и потом. Сжала заledenевшие руки в кулаки. От Нила веяло теплом, как от разогретой печи. Амели прижала открытую ладонь, согревая пальцы, даже не задумываясь, как выглядит этот жест.

— Что ты делаешь здесь ночью? Ты же совсем замерзла, — он будто опомнился и попытался встать, все еще не разнимая рук. — Почему плачешь?

— Там что-то хрустнуло в парке, я испугалась и побежала.

Нил молчал, не спрашивал подробности. Отчаянно хотелось рассказать все то, что она увидела у обрыва, поделиться этой ужасной ношей. Но это было бы самой большой глупостью. Вдруг будет только хуже. Чтобы затолкать это желание подальше, Амели заговорила о том, что произошло утром:

— Я была в кухне у твоей тетки, — Амели шумно утерла нос. — Мы пирожки лепили.

Он кивнул:

— Да, она говорила. Ты ей очень понравилась.

— Он их съел. Ваш мессир!

Она разревелась с таким отчаянием, что Нил, кажется, опешил. Пожал плечами:

— Ну, съел. Что с того? Пирожки для того и стряпают, чтобы их есть.

— Я для тебя лепила. Красивых рыбок, как на твоём рисунке.

Он молчал, лишь опустил голову. Амели отстранилась. Она даже не замечала, что сидит, оседлав его колени.

— Тетка не сказала?

— Сказала. Только... зря ты это. Если мессир узнает — обоим не поздоровится.

Накатившая злость будто привела ее в чувства. Амели решительно утерла слезы и перестала всхлипывать:

— А что тут узнавать? Кусок теста. Неужто куска теста жалко? А присваивать себе чужие подарки... Это по-твоему хорошо?

Она вдруг потянулась и снова чмокнула его в щеку. На этот раз совершенно сознательно.

— Вот так. И никаких посредников. Уж свою щеку он тут никак не подставит.

Нил опешил и просто смотрел на нее, но неожиданно рассмеялся. Широко и открыто. Подхватил Амели за талию и легко поднял. Следом поднялся сам, стряхивая с камзола сырой песок. Вдруг посерьезнел:

— Не делай так больше.

Амели опустила голову:

— Тебе не понравилось.

— Не в этом дело, — хриплый голос, казалось, сел еще ниже. Нил нервно отряхивал уже чистую полу камзола, будто пытался скрыть смущение. — Ты просватана. Невеста мессира. Негоже это теперь. Да и кто я против него... вошь одежная.

Она хмыкнула и поджала губы:

— А я вашему мессире в невесты не набивалась. В верности не клялась. Он сам за меня решил. Моя бы воля — ноги бы моей здесь не было. Вас двоих поставить — так я тебя бы выбрала, не его.

— Думаешь, мы разные?

— Как день и ночь.

— Ты же меня не знаешь совсем.

Амели шумно вздохнула, борясь с пробирающей дрожью:

— А мне и пары слов достаточно, чтобы понять. На рисунки твои взглянуть. А ты не смотри, что я глупенькая, — она похлопала ладонью по груди там, где билось сердце. — Такое не умом понимается. Это сердце чувствует. Забьется так тепло — и сразу все поймешь. Каков человек.

Нил заглянул прямо в лицо:

— А в его присутствии, значит, не бьется?

Амели отвела взгляд:

— Это другое. Совсем другое. Не от сердца это.

— Так от чего?

Уж, конечно, она не могла ответить ему, что от постыдных желаний. Разве можно такое ответить?

— От страха, наверное.

Нил какое-то время молчал, наконец, кивнул в сторону парка:

— Калитку искать ходила?

— Что? — Амели порывисто подняла голову.

— Что в парке делала? Калитку искала?

Она не ответила. Нил поддел песок носом башмака, отшвырнул в сторону:

— Меня за тобой послали.

Амели поймала руку Нила и заглянула в глаза:

— Есть она, калитка?

Нил покачал головой:

— Была, когда нужна была. Теперь нет ее. Не ищи больше — бесполезно.

— Значит, нет отсюда выхода?

Нил снова покачал головой:

— Для тебя — нет.

Колдун больше не напоминал о себе. Ежеминутно Амели ждала, что явится демон и сообщит, что Феррандо требует ее. Или придет сам с обвинениями. Глумиться или наказывать за ночное происшествие. Но не было ни демона, ни самого колдуна. Неужто не прознал? Разве возможно такое? Это наивное допущение вызывало лишь грустную усмешку — невозможно. Да и выходить из покоев ей больше не позволяли. Мари так и сказала, что до самой свадьбы. Раз колдун посылал Нила разыскивать ее — значит, знал, что Амели была ночью в парке, наверняка знал, что искала калитку. И это, конечно, не понравилось. Но, похоже, не догадывался о том, что произошло на самом деле. Ни о том, что ей стала известна тайна горбуна, ни о том, что произошло между нею и Нилом. И этот маленький секрет согривал душу. Амели чувствовала превосходство, будто оставила колдуна в дураках. Зудящий детский восторг глубоко-глубоко внутри.

Но все это радовало слишком недолго. Мысли о предстоящей свадьбе, которая неотвратимо приближалась с каждым часом, просто вводили в оцепенение. Все еще не верилось, что это впрямь возможно. А блаженно-радостное щебетание Мари выводило настолько, что ежеминутно хотелось ударить ее. Идиотка. Самое поразительное было в том, что служанка не ревновала Феррандо. Амели все же отбросила мысль об искусной игре Мари. Нет — так притворяться просто невозможно. Похоже, девушка поразительно наивна, наивнее самой Амели, или же поразительно глупа. Но и в том и в другом случае все это было просто слишком. Слишком. Порой она напоминала тряпичную куклу, которую кукловоды показывают на площадях. Прячутся за ширмой, высовывают из-за кромки набитые волосом или тряпьем фигурки на длинном шесте и с помощью палочек шевелят безвольными руками. И пищат за них тоненьким-тоненьким голоском.

Вся злость на Мари куда-то делась. Будто лопнула, как мыльный пузырь. Служанка честно исполняла свою работу. Без единой жалобы, без единого возражения. Исполняла любой каприз. Подружкой, конечно, она никогда не сделается, но доброго отношения, все же, заслуживает. Сейчас казалось, что если и связывает ее что-то с Феррандо — так в том лишь его вина. Кто знает, что он ей наплел, чего наобещал. А может и вовсе пригрозил или заставил. Все это совсем не выглядело таким уж невероятным.

Этой ночью Амели спала просто ужасно. Металась в кровати, не находя себе места, обливалась потом, мерзла, кутаясь в одеяло, и сразу после нервно скидывала его задыхаясь от разливающегося жара. Накануне Мари настоятельно предлагала свои пионовые настойки, но Амели отказалась. Никаких настоек. Время неумолимо, а неизбежное непременно случиться, но она не хотела отдавать сну свои оставшиеся часы. Порой, в детстве она торопилась пораньше лечь спать, чтобы скорее наступило счастливое и долгожданное завтра. Например, день именин, когда обязательно к столу подавали говядину и сладости. Теперь же Амели старалась отсрочить это ужасное завтра. Не ложиться, хоть веки уже закрывались сами собой.

Церемонию назначили на вечер. Впереди оставался целый день, но сейчас не было ничего спасительнее растянувшейся ночи. Ее последней ночи. Завтрашнюю ночь она обязана будет провести с мужем. Уже не будет ни отсрочки, ни пощады. Казалось, после свершения этого брака она уже перестанет быть собой. И она далеко за полночь лежала в кровати, прислушиваясь к треску свечей, смотрела в окно, наблюдая, как проплывают ленивые, оконтуренные лунным светом облака, и отчаянно жалела себя, мнила самой несчастной. Во всем свете.

* * *

Мари будто понимала ее беспокойство — пришла поздно, уже около полудня. Не досаждала возней по углам, как бывало по утрам. Она поставила поднос с умывальными принадлежностями на консоль и широко улыбнулась:

— Доброе утро, барышня. День-то какой! Ясный, ласковый. Будто сам Создатель вашему празднику радуется.

Амели помрачнела. Сон еще не сошел — и лишь в этом было спасение. Ужасная реальность не ощущалась так остро. Хотелось кинуться на подушки и вновь заснуть. А потом просто сказать, что все проспала.

Мари деловито сновала по комнате, распахнула окно, впуская свежий прохладный воздух:

— Умываться прикажете, барышня?

Амели не стала возражать — лишь обреченно кивнула. В возражениях не было смысла. К тому же, что может Мари? Ничего. Делает лишь то, что приказано.

Одна кукла пляшет вокруг другой.

Амели все время пыталась представить, что все это происходит не с ней. А она сама лишь равнодушно наблюдает со стороны за чужой жизнью. Самой обычной. Поела то, что прислала из кухни тетка Соремонда, толком и не поняв, что именно ест. Позволила себя искупать, причесать, нарядить, надушить. Старалась не смотреть. Не проникаться. Не думать. И уж конечно не вспоминать, что все это для него. Представлялось, что ее, как в старых легендах, отдадут чудовищу, которое растерзает. Несчастливая красавица и голодное чудовище.

— Барышня, красота-то какая. Небывалая красота! — Мари смотрела с неподдельным восхищением и даже сомкнула ладони, будто в храме. — В жизни такой красоты не видала.

Увы, эти слова не радовали. Амели лишь выдавила натянутую улыбку. Но Мари не унилась, взяла за руку и развернула ее к зеркалу в золоченой раме.

Любопытство пересилило. Амели заворочено смотрела в зеркальную гладь, отказываясь верить, что эта необыкновенная фарфоровая красавица — она сама. Голову украшал дивный венок из нежно-розовых кустовых роз и белых душистых цветов померанца, казалось, еще хранивших капли росы. Цветы вплетались в замысловатую прическу, перевиваясь нитями крупного жемчуга. В ушах, при малейшем движении дрожали чистейшие бриллианты, отбрасывая на лицо сверкающие блики. Еще одна нитка жемчуга обвивала шею и ложилась на грудь под тяжестью каплевидного розового камня, прозрачного, как горный ручей. Юбка нижнего платья была белоснежной, пенилась ярусами широкого крахмального кружева. Верхнее — из нежно-розовой тафты, затканной роскошными, будто живыми, пионами. Верхняя юбка на коралловой шелковой подкладке была подобрана на боках и закреплена драгоценными аграфами. По лифу расплескалась россыпь жемчуга, по которой стройным рядом расположилась «лестница» шелковых и кружевных бантов.

Амели отвела глаза и вновь взглянула в зеркало. Казалось, тронь это великолепие — и все рассыплется с мелким звоном битого стекла. Создатель! Видела бы ее матушка! Лишь одним глазочком. Что бы она сказала? Видела бы эта глупая уродина Фелис! Видела бы Эн! Пожалуй, и не узнали бы, за герцогиню приняли. Матушка всегда утверждала, что это человек красит все вокруг, наполняет теплом и красотой. Но что могла утверждать матушка, имевшая всего лишь два платья? Суконное, повседневное, практичного цвета жухлой листвы, и выходное — перешитое много раз из остатков былой роскоши. Из бабкиных нарядов в старомодных узорах.

Воспоминания о матери отозвались болью в груди. Как же нужна она сейчас. Это мать должна встречать новобрачную в церкви и вести к жениху. Передавать из рук в руки. Поднимать вуаль и целовать в лоб. А кто будет целовать ее, Амели? Демон? Или, может, отвратительный злобный горбун, которого она отныне и помыслить рядом не могла?

Амели опустила голову, не желая больше любоваться собственным отражением. Все не так. Разве без матушки этот брак может считаться благословленным?

Мари вздохнула, едва от умиления не утерла слезу:

— Пора, барышня. В соборе ждут.

Она аккуратно укрыла Амели тончайшей узорной серебристой вуалью и наверное уже в сотый раз поправила кружево. Будто искала повод лишний раз прикоснуться. Накинула на свои

плечи шерстяной серый плащик и пошла вперед, открывать двери, в которых тут же появился Орикад.

Он был мрачнее тучи — Амели впервые видела его таким. Обычно пакостный, насмешливый.. Сейчас он беспрестанно хмурил бровки и бросал колючие взгляды. Даже хотелось пожалеть его, погладить, обнять — настолько он был жалок.

Амели не сдержалась:

— Что с тобой? Разве ты не должен радоваться? Верно, ты поведешь меня к жениху вместо матушки. А ты, кажется, несчастнее меня.

Демон сцепил ручки на груди и демонстративно повернулся задом:

— Сама пойдешь. Или вот эта, — он пренебрежительно махнул рукой в сторону Мари, — будет тебе провожатая. В город мне выходить настрого запретили. Мессир сказал, не снесет городской люд моего вида. И в храм мне, видите ли, ход заказан, как колдовской сущности. Тьфу! — он звучно сплюнул прямо на паркет.

Амели опустила голову: что ж, вполне справедливо. Но стало еще грустнее. Ей хотелось бы видеть рядом хотя бы этого поганца. Он был не таким гадким, как хотел казаться.

Она погладила его по спине:

— Не грусти. Да и какой это праздник... Мы быстро воротимся — и заметить не успеешь.

Демон развернулся, шлепая крылышками:

— Пойдем, хоть до кареты тебя провожу.

Он смешно подал руку, совсем как кавалер. Амели вложила ледяные пальцы в его горячую ладонь и позволила вести себя. Они спустились к подъезду, демон помог подняться в карету, следом уселась Мари, бесконечно поправляя ее юбки. На месте кучера восседал горбун. Когда закрылась дверца, Гасту присвистнул, сноровисто махнул кнутом, рассекая воздух, и экипаж помчался по главной аллее в сторону открытых ворот.

25

Ворота остались позади, совсем так, как и мечтала Амели, но сейчас это было лишь бесполезной условностью. Едва она выйдет из собора женой — ворота окажутся повсюду. Куда бы ни пошла, куда бы ни взглянула, чего бы ни захотела. Связанная по рукам и ногам крепче любых веревок.

Экипаж спустился с холма, пересек Валору по мосту Красавиц. Колеса стучали по булыжникам, создавая отвратительную мелкую тряску, от которой все будто зудело в груди, а по лицу словно кололи крошечными иглами. Мари прильнула к стеклу и с интересом наблюдала, как горожане глазят на карету. Расступаются, оглядываются, останавливаются. Амели тоже склонилась к окну, смотрела сквозь вуаль на знакомые дома, мимо которых они сто раз проходили вместе с Эн. Если вот у этой ограды свернуть налево и пройти вверх по узкой улочке, можно выйти к лавке Марты-буфетчицы. А если пойти прямо от моста — выйдешь к Седьмой площади.

Амели не сразу поняла, что карета остановилась, будто завязла в толпе. Она посмотрела на Мари:

— Что случилось?

Та пожала плечами и схватилась за ручку дверцы:

— Сейчас все разуюзнаю, барышня.

Едва Амели осталась одна, она пару секунд колебалась, откинула вуаль, тоже схватилась за дверную ручку и прыгнула прямо на мостовую с другой стороны. Другого шанса не будет. Все произошло настолько быстро, что она даже не успела ни о чем задуматься. Сиюминутная идея, вспыхнувшая, как искра от костра, и тут же погасшая. Безумная и раскаленная. Амели не оглядывалась, лишь подхватила юбки и старалась бежать как можно быстрее назад, туда,

где горбун, вероятно, занятый лошадьми, не сразу заметит. Она нырнула в улочку, ведущую к лавке Марты, и посеменила по низеньким широким земляным ступеням, карабкающимся на пригорок, думая лишь о том, что снежно-белое кружево собирает уличную грязь. Отчего-то только это расстраивало сейчас больше всего. Кружев было жаль до слез.

Сердце билось, как у испуганного зайца, в ушах клокотало. Редкие встречные прохожие недоуменно замирали, видя богатую невесту в померанцевом венке, жались к стенам, но бесцеремонно разглядывали, тыкали пальцами. Воздуха не хватало, ноги заплетались. Узорная вуаль соскользнула и упала в пыль, подгоняемая порывом ветра. Наконец, Амели остановилась, чтобы отдышаться, держась за стену. Обернулась. Ниже по улице собралась целая толпа. Мужчины, женщины, дети. Настороженные глаза, поджатые губы. Несвежие чепцы, линялые шляпы. Ни одного приветливого лица. Амели сосредоточенно вглядывалась, но чем больше вглядывалась, тем больше холодела. Так смотрели в городе на горбуна. Но горбуна все же боялись, а ее теперь, похоже, просто презирали.

Один из мужчин в домотканой куртке хохотнул и многозначительно огляделся, обращаясь к толпе:

— Сдается мне, что я знаю эту даму. Уж не старшая ли дочка господина Брикара, та, что за колдуна просватана?

— Точно, она! — поддакнула какая-то тетка, лица которой Амели не увидела. — Ишь, глаза бесстыжие! Всегда такой пройдохой была!

— Так она в соборе сегодня рядом с душегубцем стоять должна. На всех площадях вопили, чтобы каждый знал.

— А она по улицам болтается!

— Не рановато ли от мужа гулять начала?

Над толпой разлился дружный громкий хохот, зажатый меж каменных стен улочки, как дождевой поток в водосточной трубе. Набирал скорость, настигал, угрожая затопить, снести течением. Амели зажала уши руками, выкрикнула изо всех сил:

— Зачем вы так? За что?

Ответом снова был смех, но вдруг затих, когда из толпы вышла старуха в сером сукне и чепце с огромной крахмальной оборкой, торчащей, как хвост глухаря. Сердце ухнуло, Амели подалась вперед:

— Бабушка Белта! Хоть вы им скажите! Бабушка Белта! Вы же меня знаете!

Старуха лишь скривилась:

— А что я сказать должна? Что за золото продалась? Не погнушалась? Честь свою девицью не пожалела? — она многозначительно плюнула под ноги.

— Да как же вы... Ведь сын ваш сам ему глину с Красного озера возит. В ограду въезжает, деньги берет. Я сама видела. Не гнушается.

— Так, то глина, — бабка многозначительно повела блеклыми глазами. — А ты — потаскуха.

Вновь раздался смех и визг из толпы:

— А, может, он ее в реку кинет, да и успокоится, наконец?

Амели отказывалась верить своим ушам. Прежде она ходила по этим улицам без всякого страха, теперь же цепенела, как лань перед сворой горластых собак. Хотелось набрать камней и бросать, бросать, пока все не разбегутся. Она подхватила юбки и понеслась по улочке со всей быстротой, на которую была способна, задыхаясь от тугого корсета. Стук собственных каблучков и оглушающее шуршание ткани заполонили все вокруг, заглушая биение сердца. Она на мгновение остановилась, чтобы понять, есть ли погоня, обернулась. Ее преследовали, но без особого энтузиазма. Лишь мальчишки бежали впереди всех и громко высвистывали, подначивая, загоняя.

Амели вновь побежала, все еще оглядываясь, зацепилась носом туфли за очередную ступеньку и рухнула на влажную землю. Удар был мягким, будто она упала в стог сена — корсет и юбки смягчили падение. Она лишь успела вовремя выставить руки, чтобы не приложиться лицом. В спину доносился лишь дружный смех, который врезался в уши осиным жужжанием. Встревоженный обозленный рой. Никто и не собирался помочь подняться. Но, судя по звукам удаляющихся шагов, кажется, Амели вообще перестала интересовать толпу. Зато теперь казалось, что звенят монеты, будто сыплется дождливой россыпью серебряные луры и мелкие медные крины. А может, просто вылили из окна помои.

Слезы ослепляли, душили. Амели с трудом встала на четвереньки, но тут же почувствовала, как ее тряхнули и поставили на ноги. Она обернулась и сквозь марево слез узнала горбуна.

— Барышня, как же вы! — Мари тут же принялась промакивать ее зареванное лицо платком. — Зачем же вы, барышня, в такой день! А платье!

Мари еще долго охала, пытаясь стряхнуть грязь, но горбун был настроен не так дружелюбно. Ухватил под локоть и поволок за угол, где ждала карета. Запихал в салон:

— Мессир обо всем узнает.

Амели откинулась на бархатную обивку, чувствуя, что лишилась последних сил:

— Мне все равно, Гасту.

Впрямь, стало все равно. Как прежде уже не будет. Люди — надежнее любого забора, любого колдовства.

Экипаж взобрался на мыс, на котором возвышался белокаменный собор святого Пикары, остановился у центрального портала. Солнце уже подернулось закатным румянцем, и на шлифованный камень ложились теплые розоватые отсветы. Казалось, будто резба, колонны, статуи светятся изнутри божественным сиянием. На ступенях двумя шеренгами расположились нищие с протянутыми руками, глиняными кружками, шляпами. Они буравили глазами кузов экипажа, как древесные черви крепкое корабельное дерево — прицельно и наверняка. Не будь свадьбы, их было бы здесь гораздо меньше.

Гасту уже открыл дверцу и протянул лапищу, но Мари встрепенулась:

— Подаяние, барышня! Подаяние! — она сунула в руку Амели увесистый кошель. — Подать на бедность полагается. Только не давайте одному на всех — сами разделите. Переделутся.

Амели взяла кошель и развязала тесемки:

— А мне какое дело? Хватило с меня на сегодня человеколюбия. А если не нравится — сама подавай.

Мари покачала головой:

— Полагается, чтобы невеста сама, собственноручно...

— Невеста? — Амели едва не кричала. — Да ты взгляни на меня! Мне впору с ними рядом вставать.

Мари опустила голову:

— Ну, уж меня-то вам винить не в чем. Это уж вы сами...

Амели заставила себя посмотреть в лицо горбуна:

— Скажи мессиру, что не могу я в таком виде в собор.

Горбун схватил ее за руку и рывком поставил на землю:

— Вот сама и скажешь. Я тобой по горло сыт.

Он толкнул Амели в спину в сторону портала. Нищие оживились. Старались подойти поближе, юродствовать погромче. Корчили рожи, разевали беззубые рты, выставляли скрюченные пальцы. Некоторые женщины протягивали грязных, завернутых в тряпье детей. От этого сборища исходил зловонный дух, от которого к горлу то и дело подкатывала тошнота. Все они прекрасно понимали, кто она такая — невеста колдуна. Отчего славят, отчего не плюют, отчего не называют потаскухой? Лишь из-за денег, которых ждут. А окажись они там, в городе...

Амели завязала тесемки кошель, шлепнула его себе под ноги, перешагнула и пошла в собор, слыша за спиной начинающуюся драку. Массивные двери отсекали эти звуки. Амели остановилась, закрыла глаза и несколько раз шумно вдохнула прохладный, чуть сыроватый воздух: уже ничего не изменить.

Сначала показалось, что это видение, шутка воображения. Матушка. В изысканном синем бархате, с ожерельем вокруг все еще красивой шеи. Амели впервые видела ее такой элегантной. Боялась пошевелиться, чтобы видение не исчезло. Робко протянула руку:

— Матушка...

— Девочка моя, какая же ты красавица!

Матушка обняла, крепко прижала к себе. Амели, в ответ, тоже обхватила ее руками, положила голову на плечо, чувствуя родной знакомый запах. Только тогда она поверила, что это не видение.

— Как вы здесь, матушка?

Та подняла брови:

— Что за странный вопрос? Дочь выходит замуж, а матери нет? И отец здесь, и девочки. Твой будущий муж оказался порядочным человеком, несмотря на все глупые сплетни. — Она кокетливо прикрыла пальцами рот: — И он такой красавец... Вы прекрасная пара. Прекрасная!

Амели остолбенела:

— Так вы одобряете?

— Еще бы!

Амели просто не узнавала мать. Та будто помолодела на несколько лет, похорошела. И сколько же в ней кокетства и даже блеска. Она игриво размахивала сложенным веером и все время улыбалась. Раньше она никогда не улыбалась. Разве что очень давно, когда Амели была совсем маленькой.

— Какая вы красивая, матушка. Я никогда вас такой не видела.

Она лишь отмахнулась:

— Ты еще не видела отца. Я даже поняла, что в господина Брикара можно заново влюбиться. — Матушка посмотрела в недоуменное лицо Амели: — Да-да. Мы еще молоды, дорогая моя.

— А... Что люди?

— Люди? — кажется, матушка не понимала.

— Люди. Соседи.

— А что люди? Люди завидуют. Ну, — она вздохнула, — пора! Пора!

Наконец, матушка будто прозрела, окинула настороженным взглядом грязное платье:

— Что это, Амели? Почему ты грязная? В такой день! И где твоя свадебная вуаль?

— Карету на повороте занесло и я выпала на дорогу. Вуаль унесло ветром.

Это было первое, что пришло на ум.

Матушка заломила руки, но раздумывала не долго:

— Там мало света — никто и не заметит. А вуаль... Что ж, придется без вуали. Зато есть материнский поцелуй. Мне кажется, это важнее.

Она взяла Амели под локоть, как и положено, и ввела в зал собора через открывшиеся двери. Краем глаза Амели увидела улыбающегося отца в новом кафтане. Кажется, он даже завил волосы. Девочек в светлых цветных платьях, на которых играли блики витражей. Даже Фелис в парадном старомодном воротничке. С другой стороны одиноко стояли тетка Соремонда и Гасту, которого происходящее, видимо, до крайности раздражало. Амели была рада, что Нил не пришел. Неважно, по какой причине. Она бы не хотела, чтобы он видел все это.

Сбоку от алтаря в специально принесенных креслах восседали, видимо, члены Конклава. Как почетные гости и свидетели. Амели не рассматривала их — на них было плевать. Теперь она видела лишь высокий темный силуэт. Черный,шитый серебром кафтан, черный шелк

волос. Даже его сорочка оказалась черной. Феррандо будто нарочно надел траур, словно старался произвести впечатление на публику. Радовало хотя бы то, что он не явился в отвратительном обличии старика.

Матушка подвела Амели к жениху, символически махнула руками, будто поднимала вуаль, поцеловала в лоб, припав теплыми губами:

— Материнский поцелуй оградит и утешит тебя, дитя мое. Дочь не должна весь век оставаться с матерью, но с тобой всегда будет мое благословение. — Матушка взяла руку Амели и вложила в ладонь Феррандо: — Благословение матери сильнее любых проклятий.

На этом обряд благословения был закончен, и слово получил отец Олаф — крепкий румяный мужчина, на котором стоило бы пахать. Он благоговейно сложил руки на необъятном брюхе, улыбнулся и заговорил, но Амели не слушала. Речи священника — такая же формальность, как и слова обряда благословения. Повторяются из церемонии в церемонию так часто, что лишаются всякого смысла. Смысл был только в одном: прямо сейчас этот улыбочивый толстяк свяжет ее неразрывными узами с ужасным человеком, который совершенно ясно дал понять, что разорвет этот брак только смерть.

Амели посмотрела на свое грязное платье. Повернулась к Феррандо, который тоже видно совершенно не слышал болтовню священника:

— Вас не смущает... — она указала кивком на грязное платье. — Вот это? Разве можно совершать таинство в таком виде?

Феррандо лишь усмехнулся, едва заметно качнул головой:

— Я беру в жены тебя, а не платье. Если хочешь стоять голой — я это устрою. — Он поднял голову и сказал громко и четко: — Да.

Отвечал на вопрос отца Олафа, который Амели даже не услышала. Но теперь священник обращался к ней:

— Амели, согласны ли вы по доброй воле и без принуждения связать свою судьбу с господином Феррандо?

Она молчала и отчаянно понимала, что пауза неприлично затягивается. Она опустила голову и пробормотала:

— Да.

И заметила, как платье на глазах стало совершенно чистым.

26

Все вертелось, как в водовороте, в больном бреду. Амели не помнила, как простилась с семьей, села в карету. Не помнила, как Мари раздевала ее, облачала в белоснежную сорочку из муслина, расчесывала волосы. В голове билась лишь одна мысль: что новоиспеченный муж теперь сделает за этот глупый побег?

Когда скрипнула дверь, Амели вздрогнула всем телом. Она стояла у огня, держась ледяными пальцами за каминную полку. Лишь бросила беглый взгляд и спрятала руки в складках сорочки. Феррандо был все так же черен, мрачен. Резкое лицо казалось алебастрово-белым. Он смерил Амели пронзительным взглядом:

— Тебя отмыли?

Она промолчала, лишь опустила голову.

— Полагаешь, я должен наказать тебя?

Она неожиданно повернулась:

— Полагаете, я недостаточно наказана? Я вынесла урок, мессир. Мне некуда бежать.

Это было правдой: отныне за стенами замка ей не рады. Побег больше не имел смысла.

— Ты опозорила меня перед Конклавом. Грязная, без вуали. И это моя невеста!

— Мне жаль, мессир.

Феррандо какое-то время сверлил ее взглядом. Амели холодела, сжималась, отчаянно желая раствориться в воздухе, исчезнуть. Феррандо отвернулся, направился в сторону алькова:

— Раздевайся, моя дорогая... жена, — последнее слово прозвучало с особым пренебрежением.

Амели замерла в нерешительности, руки скользнули было к тесемкам сорочки, но опустились. Она лишь обреченно склонила голову — не могла.

Феррандо нарочито-медленно стаскивал черный кафтан:

— Тебе приказывает муж. Неужели, все еще и этого мало?

Он был прав. Во всем. Амели отныне жена и должна слушаться своего мужа, но все происходящее отчего-то мало напоминало первую брачную ночь. Ту самую сокровенную ночь, которая всегда рисовалась в девичьем воображении. Где все как в старых легендах, напитано нежностью и взаимной любовью. Все было не так. В груди гудела пустота, будто ветер подвывал в каминной трубе.

— Ты оглохла от счастья?

Амели вздрогнула, подняла голову. Феррандо скрестил руки на груди и смотрел скорее с презрением, чем с насмешкой. Черный, как грач. От высоких натертых сапог до глянцевого шелкового локона. Лишь яркие глаза, в которых плясало пламя свечей.

— Или хочешь, чтобы я сам раздел тебя? — Он усмехнулся: — Отныне этого не будет. Ты жена, у которой есть обязанности. И первейшая из них — выполнять свой супружеский долг. — Он подошел вплотную и коснулся пальцами щеки Амели: — И подчиняться мужу. Во всем, моя дорогая. — Склонился к самым губам и с жаром выдохнул: — Во всем.

Хотелось плакать, но слез не было. Сейчас бесполезно раздумывать, было ли ее упорство ошибкой. Дело сделано. Она жена. И, как верно выразился сам колдун: союз нерасторжим. Она попала в собственный капкан.

Он подцепил пальцами ее подбородок и заставил смотреть в глаза:

— Я знаю, чего ты хочешь. — Феррандо зашел за спину, положил на плечи обжигающие ладони: — Остаться невинной поруганной жертвой обстоятельств. Нежной красавицей, которую силой отправили в логово к дракону. О да! Когда-то в детстве я тоже читал эти побасенки. И знаешь, — он повернул ее голову и посмотрел прямо в глаза, — мне тоже было жаль красавицу. Мне всегда представлялось, что будь я взрослым и сильным, я бы сел на коня и сразился с ним. Но потом, годы спустя, я смеялся над этим праведным порывом.

Амели не удержалась:

— Почему?

— Потому что в этих сказках дракон всегда имел сердце. А красавицы — лишь себялюбие и спесь.

— А у вас разве есть сердце?

Феррандо лишь расхохотался и сильнее стиснул пальцы, вынуждая поднять голову еще выше:

— Вот скажи мне, дорогая жена, вас учат этому с колыбели? Внушают матери и кормилицы? Вы, женщины, очень любите перекладывать свои пороки на чужие плечи. Чтобы потом сказать, что всегда виноват мужчина. И чем красивее женщина — тем больше вранья. Разве не так?

Амели молчала. Лучше бы он не говорил ничего. Дыхание сбивалось, вырывалось рвано и шумно. Он хочет признания? Но не получит его, чего бы это ни стоило. Это было слишком. Он насильно сделал ее своей пленницей. Теперь женой. Он овладеет ее телом. Чего нужно еще, любви? Но к чему любовь, если он и так уже добился всего?

Любовь — девичья мечта. В реальности все гораздо прозаичнее.

Амели с трудом слотнула, смачивая пересохшее горло:

— Нет. Не так.

Феррандо направился к кровати, стаскивая на ходу черную сорочку:

— Раздевайся и ложись в супружескую постель.

Амели не шелохнулась. Стояла лицом к камину, смотрела на беснующееся пламя. С содроганием слышала, как муж стащил сапоги и отбросил на паркет. Как скрипнула кровать под его телом.

— Помни, что ты теперь попираешь все законы: и человеческие и божьи. Ты моя жена. И я хочу обладать собственной женой в полной мере, как и велит Создатель. Теперь твое упорство — грех.

Как бы отвратительно не звучали эти слова, но Феррандо был прав. Матушка благословила, отец Олаф провел обряд. Теперь муж — ее единственный господин, и искать защиты бесполезно даже у бога.

Амели повернулась, стиснув зубы и мучительно сглатывая, подошла к кровати, стараясь не смотреть на обнаженное тело Феррандо. Она как-то видела раздетых мужчин, но это было совсем не то. Один раз мимо дома бежал любовник госпожи Крокташ, которого, в чем мать родила, спустил в окно господин Крокташ. Это было очень смешно. В другой раз — они с Эн нарвались на троицу парней у купален на Валоре. Все это были незнакомые мужчины — достаточно было просто пройти мимо и забыть.

Теперь мимо не пройти.

Амели встала у кровати и замерла. Не отворачиваясь, но опустив голову, глядя себе под ноги. Краем глаза увидела, как Феррандо приподнялся, опираясь на локти:

— Раздевайся. Наступи на горло своей гордости и отдайся сама.

Лучше не думать, не вникать в смысл этих ядовитых слов. Нужно просто выполнить долг жены, раз больше не остается ничего другого. Амели стыдливо повернулась к кровати спиной, дернула тесемки на горловине сорочки, и тонкая ткань упала к ногам. Она села на постель, нащупала краешек и скользнула под покрывало. Легла на спину недвижимо, глядя в потолок. Она больше не скажет ничего против. Пусть он сделает все, что нужно, и побыстрее уходит.

Но Феррандо, похоже, не слишком торопился. Потянул за край и медленно стягивал покрывало. Амели боролась с мучительным желанием прикрыться и, чтобы не поддаться порыву, сжимала в кулаках простынь. Рука Феррандо заскользила по коже. Она закрыла глаза, чтобы не видеть, как над ней склоняется лицо в обрамлении водопада черных волос.

— Открой глаза.

Амели не вынудила просить дважды. Он хочет повиновения — он его получит. Но не больше. Лишь бы все быстрее закончилось. К тому же, говорят, это больно...

Феррандо нависал над ней, на вытянутых руках, его волосы щекотали шею.

— Поцелуй меня.

Амели приподнялась, потянулась за покрывалом, но Феррандо покачал головой:

— Не прикрывайся.

Жар ощутимо приливал к щекам. Едва не дрожа, Амели потянулась к скульптурным губам, чуть коснулась и тут же отпрянула, будто обожглась. Феррандо даже усмехнулся:

— Разве это поцелуй любящей жены?

Она чувствовала, как багровеет. Густой румянец прибывал покалыванием, звоном в ушах, перед глазами едва не блекло. Все тело охватило странное незнакомое чувство. Ужасное, но одновременно томительно-приятное. Оно пугало. Под руками Феррандо разливался жар, вводя в какое-то оцепенение. Хотелось закрыть глаза, отдаться этим касаниям. Она даже неосознанно подалась вперед.

Но все померкло. Амели отчаянно понимала, что вот-вот все случится, и охватила такая паника, что хотелось бежать, умолять. Кажется, она побледнела. Лишь бы он не был груб.

Феррандо коснулся ее щеки:

— Что с тобой.

Амели сглотнула:

— Я боюсь.

— Просто поверь мне. Я твой муж — ты должна мне верить.

Но она услышала совсем иное: он — законный муж, и у нее просто нет выбора.

Феррандо долго целовал ее, ласкал, погружая в пучину незнакомых ощущений. Время от времени страх пропадал. Осмелев, Амели гладила его гладкую спину, зарывалась пальцами в шелковистые волосы, целовала в ответ, как умела, надеясь, что именно этого он от нее и ожидал.

Все оказалось не так страшно, как она воображала. И, даже вопреки желанию, она была благодарна за это. Но... это был не ее выбор. И это понимание засело в груди ядовитой занозой. Ей не дали выбора.

Феррандо, наконец, поднялся, и Амели с облегчением подумала о том, что, наконец, сможет остаться одна. Сейчас она хотела этого больше всего. Но он подхватил с пола ее сорочку и бросил на кровать:

— Надевай, пойдем.

Сердце пропустило удар.

— Куда?

Ответа не последовало.

27

Амели с трудом оделась. Руки дрожали, пальцы не слушались. Она спустилась с кровати, едва находя в себе силы. Хотелось просто лечь под одеяло, сжаться и не двигаться. Хотелось остаться в одиночестве. Она уже предвкушала, как завтра тело будет ныть.

Амели не заметила, когда Феррандо успел одеться, даже натянуть сапоги. Он схватил ее за руку и потащил из покоев.

— Куда мы идем?

Амели едва поспевала за его широкими шагами. Каблуки звонко чеканили по натертому паркету, свечи в канделябрах загорались с острыми щелчками, как пистолетные залпы. Разве что не пахло порохом, и не стелился длинными тенетами сизый дым.

— Я обязан перед тобой отчитываться?

Он вмиг переменялся. Стал резким и холодным. Пальцы до ломоты сжались на запястье, будто сковали железом. Феррандо спустился на первый этаж, свернул в левое крыло, таща Амели через изрезанную окнами галерею. Лунный свет отбрасывал на шахматную мраморную плитку бледные призрачные прямоугольники. Только сейчас Амели поняла, что вышла босой. Гладкий камень казался куском льда, по которому она ступала голыми ногами.

Феррандо вышел из галереи во флигель, свернул на крутую узкую лестницу, ведущую, вероятно, в подвал. Он как-то говорил, что Валора подтапливает камеры, в них по щиколотку холодной воды. Неужели решил наказать за побег? Теперь? После всего?

Амели нащупала в стене одно из железных колец, которые должны были поддерживать веревочные перила. Дернулась, пытаясь выдернуть руку из пальцев мужа. Феррандо остановился, разжал хватку и обернулся. На стене затрещал разгорающийся факел.

— Умоляю, — Амели едва шевелила губами.

— Что? — Феррандо нахмурился, приблизился на шаг, заставляя вжиматься в холодную стену. На его мраморно-белом лице плясали огненные блики, бесновались в глазах.

— Умоляю, сжальтесь, мессир. Я раскаялась. Я...

— Вот как?

Она неистово кивала, все еще сжимая онемевшими пальцами спасительное кольцо:

— Это не повторится, мессир. Я ваша жена. Я клялась повиноваться вам во всем. Я принадлежу вам. И я буду покорной. Такой, какой хочет видеть меня мой муж.

Его лицо смягчилось, но глаза не изменились. Он подошел совсем близко, прожигая взглядом:

— Ты будешь покорной?

Амели кивнула, замирая.

— Верной?

Вновь кивнула. Она готова была просто мотать головой, даже не слушая, что он скажет. Соглашаться со всем, даже самым невозможным, немыслимым, нелепым.

— Ты полюбишь меня?

— Я уже люблю вас, мессир.

Слова вылетели прежде, чем Амели осознала всю их фальшь. Наверное, именно так играют плохие актеры. С истерикой в голосе и заламыванием рук. Лучше бы она промолчала. Дура! Как же глупо...

Феррандо усмехнулся и отстранился:

— Тогда поцелуй меня. Как любящая жена.

Он стоял, опустив руки, и просто ждал, наблюдая, как Амели отчаянно борется с собой. Сейчас это казалось совершенно неуместным. Здесь? В подвале? Вот так? Кажется, это надолго станет ее персональной пыткой. До тех пор, пока она не научится убедительно лгать, пока не поборет стыд. Она переминалась на окоченевших ногах, подалась вперед, привстала на цыпочки, стараясь дотянуться до его губ. Чтобы не упасть с лестницы, оперлась ладонями о его грудь, чувствуя застывшими пальцами жар тела. Коснулась губами недвижимых губ. Ведь этого он хотел. Вдруг она отстранилась, будто обожглась, едва не закрыла лицо руками. Сама не понимала, как толком это объяснить. Было в поцелуе нечто большее, тайное. Простой поцелуй сейчас казался интимнее всего того, что только что было в постели. Или это приказ наделял этот жест иным смыслом?

Феррандо лишь презрительно усмехнулся:

— Приверженцы старых практик утверждают, что души сливаются именно в поцелуе. Искренний поцелуй выражает истинную любовь. И он ценнее всего остального. Квинтэссенция. Я тоже так считаю, как адепт истинных учений. Значит, ты только что солгала мне?

Амели сглотнула, нервно покачала головой:

— Нет, мессир! Нет!

— Тогда в чем дело?

Она не знала, что отвечать. Едва не рыдала. Лучше еще раз повторить все то, что было в спальней, чем отвечать на эти вопросы.

Феррандо вновь схватил ее за руку и потащил вниз. Амели что-то бессвязно лепетала ему в спину, но колдуна это не волновало. Он открыл какую-то дверь и втолкнул Амели в темноту. Она лишь вскрикнула, сжалась. Едва дышала от страха.

Свечи загорались по кругу — одна за одной, создавая подобие иллюминации. Амели подскочила, когда камень загорелся под ногами, расцвелся десятками горящих цветных линий, исходящих неземным светом. Она старалась не наступать на линии, чтобы не обжечься, но свет был холодным. Точнее, никак не ощущался. Просто невиданное свечение без огня и тепла.

Помещение чем-то напоминало лавку аптекаря. Вдоль стен теснились стеллажи, заставленные склянками с разноцветным содержимым, пузатыми колбами разных размеров, стеклянными трубками, глиняными горшками. И книги. Десятки книг с толстыми кожаными и матерчатыми корешками. У стены, возле окна, стоял резной стол, заваленный бумагами.

Амели опустила было голову, но вдруг снова повернулась к окну: посреди ночи за открытой створкой звенел летний день. По спускающемуся к спокойной глади реки холму рассыпались деревенские домики. Вдалеке неспешно вертелись лопасти мельницы. Порывы ветра

приносили запах разогретого разнотравья. Амели невольно перевела взгляд к двери, туда, где стоял Феррандо:

— Как это возможно?

Он лишь повел бровью:

— Для меня невозможного мало.

Амели будто забыла про страх и холод, подошла к столу, оперлась о столешницу, выглядывая в окно, подставляя лицо теплему ветру:

— Что это за деревня?

— Я там родился. И по-своему был счастлив какое-то время. Мне нравится видеть ее за окном.

— Значит, теперь вы несчастливы?

Амели тут же прикусила язык, проклиная себя за этот вопрос. Ей было неинтересно, счастлив ли он. Она даже втайне хотела бы, чтобы он был несчастен.

— Довольно.

Окно попросту растворилось. Растворилась деревянная рама, свинцовый переплет. Растворилась деревня вместе с домами и запахом луговых трав. Теперь Амели смотрела в глухую каменную стену, на которой плясали апельсиновые отсветы огня. Сердце вновь заходило, болезненно билось. Зачем он привел ее сюда?

Феррандо подошел к комоду черного дерева, достал длинный деревянный ящик, полный выставленных в ряд маленьких склянок с деревянными пробками, взял крайнюю из них, пустую, и откупорил. Поставил на консоль и накрыл матовым стеклянным колпаком.

Амели с немым недоумением наблюдала за этими приготовлениями, совершенно не понимая, что происходит. Понимала лишь одно — она отчаянно мерзла, так, что начали стучать зубы. Феррандо бесцеремонно ухватил ее за руку, поставил в центре световой паутины, сам встал напротив.

— Целуй меня.

Амели опешила. Нет, не от просьбы. Она уже стала навязчивой и едва ли неожиданной. Амели не понимала, зачем это нужно делать так, здесь? Но лицо Феррандо не оставляло места возражениям. Казалось, если она послушается, он попросту ударит. Напряженный, сосредоточенный, будто закаменевший. Черное и белое, свет и тень в бледных цветных отсветах. Амели привстала на цыпочки, снова потянулась к губам, обещая себе в этот раз сделать так, как он хочет. Наплевав на все. Не струсить. Если это единственный способ, чтобы он оставил ее в покое и позволил вернуться в комнату...

Она положила руки ему на плечи, тронула губы так же, как несколько минут назад, но клятвенно пообещала себе не отступать. Она целует собственного мужа — в этом нет ничего постыдного или греховного. Вдруг Феррандо обхватил ее за талию, прижал к себе, едва не ломая, яростно отвечал на поцелуй, удерживая за затылок. Амели закрыла глаза, чтобы не видеть окружения, не думать об этом. Попыталась отдаться его губам, отвечала сама, становясь смелее. Она открыла глаза и увидела, что их обоих охватывает белое сияние, яркое, как полуденное солнце, от которого можно ослепнуть. Исчезли полки, исчез каменный пол. Они будто висели в сияющей пустоте, слитые одним дыханием. Амели вновь закрыла глаза, отдаваясь касаниям Феррандо. Стало тепло и легко. Она слышала его шумное дыхание, обвивала руками его шею, ныряла пальцами в волосы, чувствуя, как они струятся шелком. Внутри, в самой груди, что-то трепетало, разливалось по телу жаркими волнами. Если бы всегда было так, не было бы ни страха, ни сомнений. Феррандо будто превращался в совершенно другого человека. Как картинка-перевертыш. Амели льнула к нему, прижимала к себе и целовала до бесконечности, стараясь больше ни о чем не думать.

Вдруг все погасло. Молниеносно, будто дуновением затушили свечу. Феррандо разжал объятия и уже поспешно шел в сторону консоли. Поднял стеклянный колпак, подхватил пустую

склянку тонкими пальцами. Его лицо выражало полнейшую растерянность, но тут же словно посерело от гнева:

— Здесь ничего нет.

Он будто обвинял. Голос стал резким, острым, как наточенный нож. Амели вновь обхватила себя руками, понимая, что ее трясет. Феррандо подошел и вертел склянку у нее перед самым носом:

— Здесь ничего нет. Ни крупницы, — он потряс флакон. — Ни следа.

Амели сглотнула:

— Что там должно быть?

— Квинтессенция.

Это слово ни о чем не говорило. Амели лишь опустила голову.

— Ты лгунья.

Она уже не отпиралась. Сложно возражать, когда даже не понимаешь, о чем идет речь.

Феррандо ухватил ее за подбородок, заставил смотреть в глаза:

— Я тебе дам еще один шанс. Только один. Если эта склянка не наполнится... Думаю, ты помнишь наш разговор.

Амели лишь опустила взгляд и шумно вздохнула, стараясь не потерять остатки самообладания. Но слезы уже покатались по щекам. Она не понимала, чего он хочет от нее.

— Если я виновата, мессир, скажите, в чем моя вина? Что я должна сделать? — Она схватила черный рукав: — Создателем прошу, мессир, скажите, что вы хотите от меня?

Он выдернул ткань из ее тонких пальцев, прокричал куда-то в стену:

— Орикад!

Демон появился из воздуха с легким шлепком, будто лопнул мыльный пузырь:

— Я здесь, мессир.

— Проводи мою жену в покои.

Демон лишь кивнул, ухватил Амели за рукав сорочки и вывел за дверь.

28

Утро выдалось хмурым. Сквозь щели ставен виднелись полоски серого неба. Хотелось так и оставаться в постели, сказать больно. Лежать весь день и просто смотреть в окно. От самого незначительного движения ныли мышцы, будто Амели накануне весь день таскала тяжести. Она потянулась, растягивая эту тупую боль. Вновь сжалась калачиком и поплотнее укуталась в одеяло, наблюдая, как мутный бледный луч ложится на паркет.

Она была благодарна демону за то, что не донимал вчера расспросами и насмешками. Просто довел до дверей и исчез. Он сам будто поблек. Пропала задорная искринка в золотистых глазах.

Мари прошмыгнула в дверь, и видя, что Амели не спит, принялась открывать ставни, впуская в комнату мутный серый свет:

— Доброго дня, барышня.

Амели села в кровати, прижимая одеяло к груди:

— Дня?

— Полдень уже. День нынче скверный — с утра дождь моросит.

Амели нехотя встала, сунула ноги в домашние туфли и подошла к окну. Долго смотрела в сад, будто утративший краски. Интересно, а за окном в лаборатории по-прежнему солнце?

Она велела одеваться. Молча терпела, пока Мари затянет все шнурки, наколет все булавки.

— Что к столу пожелаете? Кухарка с раннего утра выпрашивала, что вам подать.

Амели пожала плечами. В покоях сидеть не хотелось.

— Ничего не говори — я сама в кухню схожу.

Хотелось сесть у очага, выпить кружку молока, съесть сладкую булочку или кусок хлеба с маслом. Да и тетка Соремонда казалась такой теплой, домашней. Уж, не погонет.

Амели протиснулась в кухонную дверь, наблюдая, как кухарка высыпала на стол миску с фасолью. Взяла маленькую корзинку, положила на колени, застланные передником, и принялась перебирать.

— Что же ты в дверях стоишь, госпожа?

Амели понурила голову: какая она госпожа? Одно название.

— Доброе утро, тетушка Соремонда.

— Уж день давно, милая. Скверный день, — она кивнула в сторону серого окна. — Хмарь одна. А ты пришла — и светлее стало. Ну, чего тебе подать?

Амели вошла, села на табурет с торца стола:

— Молока, если можно. И булочку. Или хлеба.

Тетка улыбнулась и покачала головой:

— На одном хлебе долго не протянешь.

Она полезла в резной шкафчик, достала хлеба, сыра, масла, холодную курятину и выставила на стол. Налила молока в серебряную кружку:

— Новобрачной, милая, силы нужны. А ты одни крошки собираешь, как птичка. Куда такое годится? Сказала бы, что любишь — я бы и подала. Павлина, конечно, не зажарю, но кое-что могу.

Амели спрятала руки на коленях и опустила голову.

— Что? — Соремонда убрала кувшин с молоком. — Не ладится?

Амели покачала головой. Тетка села на лавку, поставила на колени корзину и занялась фасолью:

— Все наладится. Только уж и ты похитрее будь. Улыбнись, ласковое слово скажи.

— Ласковое слово...

Амели усмехнулась — уж больно негодным выходил теткин рецепт. Ласковое слово в горле застрянет. Да и зачем ее мужу глупые слова?

— Приготовь что своими искусными ручками, да сама подай. Они это страсть как любят. Да с улыбкой, с нежностью.

Амели опустила голову:

— С нежностью...

Тетка Соремонда многозначительно повела бровями и кивнула:

— С нежностью. От нежности самый дикий зверь ручным становится.

С нежностью... Да что тетка понимала? Какая тут нежность, когда Амели холодела в его присутствии. Цепенела. Боялась до самой крайности и одновременно горела в порочном огне его голоса, его касаний. Разве так бывает, когда в сердце нет ни капли любви? Когда вместо сердца ощущается лишь гулкая пустота? Был бы на его месте кто другой... Тот, кого можно понять, услышать. Хотя бы, Нил. И как бы стало просто и тепло.

Амели допила молоко, сосредоточенно отставила кружку:

— Что он любит? Кроме пирожков?

Тетка Соремонда едва заметно улыбнулась:

— Решила послушать старуху?

Амели хмыкнула, вскинула голову:

— Вы совсем не старуха.

Тетка лишь кивнула:

— Видишь, можешь, когда хочешь.

— Да о чем вы? Да разве же можно сравнить?

— А ты не сравнивай. Просто принимай. Тебе достался не самый худший муж, уж поверь. А вот какая ему досталась жена?..

Амели вздохнула, ковыряла ногти и смотрела на свои руки. Сколько кухарка служит ему? Наверняка долго. Привыкла, может даже успела по-своему полюбить, привязаться. Вот и находит ему оправдания — по доброте. Да из благодарности. Что скажет тетка Соремонда, узнай она о его угрозах? Или знает? Но выбора не было: Амели должна полюбить своего мужа. Или искусно обмануть, чтобы он поверил. Другого не дано.

Амели краем глаза наблюдала, как тетка Соремонда перебирает фасоль, выцеливая пухлым пальцем негодное зерно и стряхивая со стола в корзинку. Она казалась настоящей, теплой, живой. Очень хотелось ей доверять, поделиться своими страхами. Но нельзя. Нельзя.

Амели кивнула на кучу фасоли:

— Можно, я помогу?

Соремонда улыбнулась:

— Отчего нельзя — помогай. Только спасибо скажу, — она указала на лавку рядом с собой. — Мне одной здесь тоже страх как тоскливо бывает. Особенно в такой непутевый день.

Амели пересела и стала загребать фасоль, разравнивая на столе и высматривая негодные зерна:

— А вы были замужем?

Соремонда грустно улыбнулась:

— Была, милая. Была.

— И были счастливы?

Та пожала плечами:

— Не слишком. Муж мой был стар, да и характера скверного. Детей Создатель не дал. — Кухарка переменялась лицом, сползла с нее напускная веселость. — Сестрица моя младшая дите тогда нагуляла. А через полгода померла. И остался мальчик сиротой — ни отца, ни матери. Хорошенький, — она расплылась улыбкой. — Глянешь — и сердце заходится. Муж мой ни в какую не хотел ребеночка оставлять, все твердил, что приبلудный, не нашей породы. Да сам с горячкой от злости слег, и не поднялся. Так мое замужество и закончилось.

— А после?

Тетка так говорила, что хотелось слушать и слушать.

— А после так и остались мы вдвоем. Тогда я и порешила, что при мальчике буду. Заместо матери. Так и жили. А как подрастать стал, начала я замечать, что все мычит да мычит — ни слова внятного. Знахарке деревенской показывала — та и сказала, что немой он. Ты, говорит, Соремонда, чуда не жди. Однажды денег скопила, да повезла его в город, к доктору. Тот все и подтвердил. Сказал, никакое лечение не поможет. Видно, мальчик мой за грехи материнские расплачивался.

Амели затаила дыхание, боялась пошевелиться, сбить тетку Соремонду. Та тоже бросила фасоль, сложила пухлые руки на корзину, смотрела куда-то в пустоту влажными глазами и едва заметно улыбалась.

— Дети деревенские его дразнить начали. Бывало, вбежит в дом, ничего сказать не может — только плачет. Уткнется мне в колени, руками обхватит со всей силы. Потом перестал плакать — я уж никогда больше в его глазах слез не видела. Один только раз. Сторониться всех стал. Нажжет в печи тонких веточек до углей — и рисует на чем не попадя. Видать, подглядел где. И ладно так у него все выходило, что и бранить грех. Стала я ему тогда бумагу в городе покупать. Он рисовал, потом вытирал рисунки, и так раз за разом, пока бумага держала. Где же мне, простой крестьянке, напасть.

Амели кивнула:

— Я видела его рисунки. Это необыкновенный талант. Никакой бумаги не жалко.

— Вот видишь. Разве дурному такая благодать может дароваться?

— Конечно, нет. Я так и подумала. Сразу так подумала. А что потом?

— А что потом? — тетка Соремонда звучно утерла нос рукавом. — Плотник уж больно искусный у нас был. Заметил его талант, да и позвал подмастерьем. Учил по дереву резать. И красота такая выходила... — Она живо развернулась, открыла шкафчик за спиной и достала деревянный ковш с узорной резной ручкой. Старый, потемневший от времени. — Вот. Его руками.

Амели провела пальцами по гладкому дереву, обводя дивный узор, достойный собора святого Пикары. По длинной ручке вилась изящная виноградная лоза. Прорастала листьями, плодоносила тугими гроздьями. Тонкая безупречная работа.

— Это очень красиво.

Тетка Соремонда многозначительно повела бровями:

— То-то...

Казалось, она очень давно хотела все это высказать, да некому было. Кто бы ее здесь слушал? Демон? Или, может, горбун? Или сам колдун? Конечно, нет. А теперь она только распалялась, будто была не в себе.

— А дальше? Что дальше?

— И все бы ничего, да подрастал он, на девиц стал глядеть. Да и сам каким красавцем стал, даром что немой.

Амели затаила дыхание.

— Все смотрел да рисовал. Все больше лица. До сих пор рисует. Я, мол, тетушка, красоту идеальную ищу... Однажды, на нашу беду у одной молодой графини, из замка неподалеку, карета сломалась посреди деревни. Позвали плотника. А мальчик мой как эту стерву увидал — так и пропал. Все лицо ее потом рисовал — остановиться не мог. Все листы измарал и вытирать не хотел. А та ему и говорит: «Приходи, милый, вечером в замок. Я тебе бумаги за талант твой дам». — Тетка Соремонда многозначительно выкатила глаза: — Он и пошел.

И замолчала, выдерживая актерскую паузу. Амели какое-то время сосредоточенно смотрела в ее лицо, дожидаясь, что вот-вот продолжит, но тетка не торопилась.

— Так дала графиня бумаги?

Соремонда поджала губы и пренебрежительно кивнула:

— Дала — не унесешь. — Вновь помолчала, погрузила пальцы в фасоль в корзинке и зашуршала, перекатывая. — И смотрю: как дело к вечеру, так он собирается, берет свои угли. Объясняет, мол, с натуры рисовать буду. А возвращается только поутру. Почитай, целый месяц ходил. Мальчишка! Усы не проклюнулись!

Амели отстранилась и торопливо прикрыла рот ладошкой, только-только поняв, о чем речь. Даже покраснела, чувствуя, как щеки наливаются жаром:

— Так что ж... эта графиня...

— Да, милая. Наигралась с мальчишкой, как с котенком. Со двора спустила, когда надоед, и прибавила, что тем он только и хорош был, что немой — языком чесать не пойдет. И потому ее тайна самым надежным образом запечатана. Немой да неграмотный.

Амели не выдержала:

— Зачем же она так? Ведь это жестоко.

Она даже едва не расплакалась, представив, какое унижение пережил Нил. Сердце заколотилось, внутри заклокотало от чужой обиды.

Тетка Соремонда скривила губы:

— А ей-то какая беда? Я все тогда молилась, чтобы отозвалась этой гадине его боль. Всю ночь рыдал в сарае, меня не подпускал. Чуть не в горячке бился. Рычал, как волчонок. А наутро и след простыл. Я все ноги стерла, всю округу оббегала, видел кто, слышал? Люди лишь сказали, что на заре видали его на дороге. Так и осталась я одна, места себе не находила. Все глаза выплакала. А через месяц приехал в роскошной карете, меня забирать.

— Так, где он был?

— Здесь и был. Уж и не знаю, кто на такое надоумил. Кинулся в ноги колдуну. Тот сжался, дал ему голос, а взамен повелел здесь остаться. Навсегда. Я тогда и не знала, чем он заплатил... — Она будто очнулась, приободрилась, вернулась к фасоли на столе: — А я и не жалуюсь. Сытая, обогретая, и мальчик мой рядом. Разве надо еще что? Все же еще и лучше обернулось.

Амели тоже развернулась к столу:

— Значит, он тоже пленник? И вы?

Тетка Соремонда повела бровями, шумно выдохнула:

— Да, можно и так сказать. Но, замечу тебе, милая, это не самая плохая тюрьма.

Амели вновь взялась за фасоль, стараясь скрыть, как дрожат пальцы. Эта грустная история зацепилась глубоко в душе, будто рыбацким крючком. Было больно и обидно. И теперь казалось, будто она знала Нила очень-очень давно. С самого детства.

И Амели, и тетка Соремонда вздрогнули с громким оханьем, когда со скрипом отворилась дверь. На пороге стоял горбун в длинном кожаном фартуке, сплошь перемазанном глиной. И уродливое лицо, и огромные ладони Гасту были запачканы.

Тетка Соремонда вскинулась, едва не уперла руки в бока:

— Что это ты мне в кухню грязь тащишь?

Тот лишь сверкнул глазами, но ответил на удивление любезно:

— Мне бы кувшин молока, хозяйюшка.

Соремонда поджала губы, но ругаться не стала. Полезла в нишу в стене, закрытую деревянными створками, достала кувшин, накрытый салфеткой. Прихватила оловянную кружку и всучила в лапищи горбуну:

— На, пачкун. И грязный в мою кухню больше не входи.

Едва тетка вернулась на место, Амели кивнула на дверь, будто между прочим:

— Чего это он? Грязный какой?

— А ну их, паразитов! Нагваздают кругом, а ты потом убирай.

— Горшки что ли лепят?

Амели, конечно, уже оставила идею о побеге в пустой бочке, но любопытство оставалось любопытством: зачем столько глины?

Кухарка ничего не ответила, лишь махнула рукой и вернулась к своей фасоли. Теперь молчала. Сосредоточенно тыкала пальцем. Хорошая она. Добрая. Разве такая плохого пожелает? Может статься, и дело говорит...

Амели встала из-за стола, уперлась кулаками в столешницу:

— Тетушка Соремонда, пирог буду печь.

29

Амели провозилась с пирогами до самого вчера. Тетка Соремонда не мешала, лишь одобритительно поглядывала. Выспрашивала про миндальное тесто, восторженно качала головой, когда помогала выливать горячий сахарный сироп во взбитые белки. Где-то раздобыла свежей вишни и сама выбирала косточки, не позволяя Амели запачкать пальцы. Когда, наконец, достали из печи два небольших круглых пирога под нежной зарумяненной шапочкой мягкой меренги, Соремонда лишь всплеснула руками и, кажется, потеряла дар речи. Наконец, пробормотала, качала головой:

— Ох, и руки у тебя, госпожа!

Амели сама была довольна результатом. В такие моменты на душе становилось тепло и хорошо, будто она сделала что-то очень важное. Осталось лишь дожидаться, когда остынет. И подать...

Она вернулась в покои, тщательно умылась, поправила прическу, платье — нельзя показаться неряхой. И Мари, как назло, не было. Приходила, когда не звали, а когда нужна — не дозваться. Оставалось лишь выяснить, где муж. Амели решила поступить так же, как Феррандо, хоть и совсем не надеялась на результат. Скорее, убедиться, что ничего не выйдет.

— Орикад!

К удивлению, демон появился из воздуха со щелчком мыльного пузыря, завис у камина. Огляделся и вытаращил огромные желтые глаза:

— Ты что это?

Амели усмехнулась:

— Выходит, ты и моих приказов слушаешься?

Он закусил губу и деловито скрестил ручки на груди:

— Ты жена мессира. Мне, вроде как, положено.

— И ты этак в любом месте появишься? Где бы ни позвала?

Орикад насупился, длинные волоски на бровях трепетали, как усики бабочки:

— Станешь звать без нужды — мессиру пожалуюсь. Тогда сама на себя пеняй.

Она погладила пальцами его руку. Теплое бархатное ощущение, но демон, кажется, был не в восторге: фыркал и кривился.

— Не обижайся, мне очень нужно. А если я прикажу тебе исчезнуть? Ты исчезнешь?

Орикад молчал, все так же раздраженно жевал губу.

— Орикад, исчезни!

Вновь легкий шлепок — и демона будто не было. Амели едва не запрыгала от детской радости. словно бестолковый домашний щенок, наконец, выполнил команду.

— Орикад!

Он вновь болтался в воздухе под аккомпанемент шлепанья собственных крыльев. Сжал кулачки и подался вперед:

— Прекрати немедленно! Глупая девчонка!

Амели вздернула подбородок:

— А разве я тебе теперь не госпожа? Раз я жена твоего хозяина?

Он снова поджал губы и барабанил маленькими пальчиками по собственному животу:

— Пусть мессир создаст для тебя такую же бестолковую демонессу — ее и гоняй. А меня без надобности не тревожь — пожалуюсь.

— А он может?

— Еще как, — Орикад насупился и добавил едва слышно: — Только не хочет.

Кажется, он был этим очень обижен.

— Не хочет? — Амели удивленно подняла брови. — Значит, ты уже просил?

Демон надулся, давая понять, что не собирается это обсуждать:

— Не твое дело.

Она кивнула:

— Прости. Наверное, ты прав. Скажи, а Мари я точно так же могу позвать?

Орикад хмыкнул, важно приосанился:

— Она же не демон. Просто кукла пустоголовая.

Амели лишь кивнула.

— Отпускай меня, раз ничего не надо.

Она вновь тронула его теплую ручку:

— Надо. Где сейчас твой хозяин?

— В лаборатории.

Амели вновь кивнула.

— А зачем те...

— Орикад, исчезни!

Демон не успел договорить и исчез с уже знакомым шлепком мыльного пузыря.

Эта мелочь заставила улыбнуться: так вон оно как... Значит, бедняга обязан теперь появляться по ее первому зову и исчезать по приказу. И можно легко отослать его, не выслушивая глупости. Все это развеселило на пару минут, но при одной только мысли, что Амели покажется на пороге проклятой лаборатории со своим пирогом, все холодело и замирало. Глупость... Самая настоящая глупость. Но тетка Соремонда говорила так уверенно, будто знала все на свете. Будто этот несчастный пирог был способен что-то наладить. В конце концов, она знала Феррандо гораздо лучше, и уж точно лучше разбирала, что уместно в этом доме, а что нет.

Когда Амели вернулась в кухню, Соремонды не было. Видно, пошла на воздух, отдохнуть от печной духоты. Амели выглянула в окно, высматривая кухарку, но не нашла. Зато отметила, что, наконец, к ночи распогодилось. Парк накрывали прозрачные сиреневые сумерки, а разошедшиеся тучи обнажили усеянное звездами небо.

Она взяла с полки плоскую корзину, поставила тарелку с пирогом, прикрыла салфеткой и направилась в подвал. Все еще не верила, что делает это. Прошла уже знакомой галереей на первом этаже, спустилась по каменной лестнице. Встала перед дверью, сжимая корзину обеими руками. И просто стояла, немея и холодея от накатившего ужаса. Глупая идея. Совсем негодная. Хорошо, что она не успела постучать.

Нужно просто уйти.

— Зачем ты здесь?

От звука знакомого голоса, доносившегося из-за двери, Амели вздрогнула всем телом, но не знала, что отвечать.

— Разве тебе не говорили, чтобы ты не смела сюда ходить?

Хотелось попросту сбежать, но ноги будто приросли к полу. Как тогда, в столовой. Отвратительное липкое ощущение полнейшей беспомощности.

— Я... Мессир... — Она не могла и двух слов связать. — Я принесла вам пирог.

Молчание. Все это время Амели тщетно пыталась оторвать ноги от пола. Если Феррандо не намерен больше ничего говорить, зачем держать ее перед дверью?

— Какой еще пирог?

Как же глупо это звучало... Амели готова была разрыдаться, чувствовала, как лицо заливает краска. Будто всю ее из могильного холода бросило в жар, в самое пушечное жерло. Зачем она поддалась на уговоры тетки Соремонды? Даже если та и хотела добра... как же все это глупо!

— Какой пирог?

— Я... испекла для вас пирог, мессир.

Если бы можно было в эту минуту провалиться в бездну, разменяв этот стыд, Амели с радостью выбрала бы бездну. Что угодно, только не стоять перед этой дверью.

— Я не голоден. Ты можешь идти.

Она почувствовала, что ноги стали значительно легче. Мигом развернулась и побежала по лестнице, едва сдерживая слезы. В галерею, к дверям, на террасу.обежала дворец уже знакомым путем и остановилась лишь у пустующего павильона оранжереи. Прислонилась спиной к холодному камню и зажмурилась, сбивчиво дыша. Она не должна плакать. Просто нужно вынести урок и никогда, никогда больше так не поступать. Никогда. Он этого не заслуживает.

Проклятый пирог будто прожигал корзину. Еще немного — и запалит платье. Швырнуть в обрыв, в Валору, на корм рыбам. И собственный труд, и все свои попытки хоть что-то изменить. Тетка Соремонда не права. Она искренне считает, что Амели достался не самый плохой муж. Она просто ошибается. Или врет нарочно, чтобы хоть как-то приободрить.

— Опять бродишь по саду ночами?

Нил поднял фонарь, золотя свое улыбающееся лицо, но вмиг посерьезнел, приглядевшись:

— Ты плачешь?

Только его теперь не хватало. Амели упрямо покачала головой и вздернула подбородок:

— Нет. Я просто гуляю.

— М... — Нил отвел глаза, но по всему было видно, что не поверил. Наконец, с интересом кивнул на корзинку: — Что это у тебя?

— Так, ерунда.

Амели делано отмахнулась и опустила голову. После рассказа Соремонды ей было немного совестно смотреть Нилу в лицо. Будто она прознала о нем нечто тайное, что не положено. Уж едва ли ему понравится, что ей известно о его визитах к этой бессовестной графине. Любой бы застыдился. Но возникало столько вопросов... И неужели он никогда не пытался сбежать отсюда?

— Так что там? — Он потянул край салфетки, но тут же одернул руку, будто обжегся: — Прости. Мне ведь тебя, пожалуй, и госпожой надо называть. Да кланяться.

Он отставил ногу и поклонился весьма изысканно. Видно, колдун таким манерам выучил.

Амели, кажется, даже покраснела от возмущения:

— Какая же я тебе госпожа?

Он пожал плечами:

— А как же мне называть жену господина? Уж, конечно, госпожой.

Это было последней каплей. Слезы, которые душили всю дорогу, наконец, вырвались, намочили щеки. Казалось, что Нил предавал ее. Конечно, они не были друзьями, он ничего не обещал, но он и тетка Соремонда были здесь единственными настоящими людьми. Единственными, кто был симпатичен. Мари не вызывала таких чувств. Хоть была добра и приветлива, но оставалась какой-то пустой, казенной, формальной. Как ваза или гобелен. Ничего не изменится, если заменить ее на другую такую же. Лишь бы хорошо причесывала да чисто убирала.

Нила и тетку так запросто не заменишь.

Нил замешкался, не понимал, чем вызваны слезы:

— Прости, если чем-то обидел. Не хотел я.

— Не делай так больше, — Амели утерлась рукой. — Не нужно мне кланяться. Никакая я не госпожа.

Нил пожал плечами:

— Не стану, если не хочешь. Если уж только когда в присутствии мессира... иначе попадет.

Она с готовностью кивнула:

— Хорошо.

— Так что в корзинке?

— Пирог.

— А куда ты его несешь?

Вся затея выместить злость подобным образом показалась просто невероятной. Глупой, ребяческой. Вышвырнуть с обрыва... И кому станет хуже? Кто расстроится? Амели живо вспомнила, как стряпала пирожки для Нила. И как Феррандо ел их. Вспомнила весь этот ужасный разговор.

Она подняла голову:

— Тебе несла. Тетушка Соремонда сказала, что ты можешь быть где-то здесь.

— Мне? — Нил недоверчиво нахмурился. — С чего это?

Амели пожала плечами — не знала, что ответить. Просто убрала салфетку и достала тарелку с пирогом.

Нил присвистнул, округлив глаза:

— Вот это да. Неужто сама делала? Тетка такого не умеет.

Амели лишь кивнула и протянула тарелку:

— Ешь, на здоровье. Надеюсь, это вкусно.

Нил не заставил себя упрашивать, ухватил пирог и крутил перед глазами:

— А это что такое? Белое?

Амели шмыгнула носом:

— Мягкая воздушная меренга.

Нил открыл, было, рот, но опустил руку:

— Для него делала? Да? — кажется, в голосе мелькнула обида.

Амели молчала, но ответа и не требовалось. Все и так было понятно.

— А он что? Есть не стал? Обругал?

Она опустила голову:

— Тетушка Соремонда надоумила. Говорит, сделай да подай. А он мне дверь не отпер. Велел уходить.

— И ты разозлилась?

— Нет. Почувствовала себя самой большой во всем свете душой. Больше пальцем не пошевелю.

Теперь хотелось, чтобы Нил просто ушел, оставил ее одну. Она и так наговорила слишком много. Ни к чему откровенничать с лакеем. Кажется, для хозяйской жены это уже слишком. Амели мечтала пойти к обрыву, смотреть на рябую гладь реки, на огни ночного города, на полог звездного неба. Слушать, как поют в камышах лягушки. Только бы ее оставили в покое.

Нил обхватил тарелку покрепче:

— Ты не против, если я заберу и съем на своем чердаке?

Амели кивнула:

— Нет, конечно. Иди.

Он вдруг вручил тарелку ей обратно:

— Подержи. У меня для тебя тоже подарок есть. — Он порывлся в холщовой котомке через плечо, достал свернутый трубочкой лист, завязанный бечевой, забрал тарелку вместе с корзинкой: — Это тебе.

Амели с опаской коснулась бумаги:

— Что это?

Он смущенно улыбнулся:

— Так, ерунда. Потом посмотришь.

Амели не удержалась, сдернула бечевку и развернула лист. С рисунка смотрела она сама. С точеными чертами, огромными влажными глазами. В волосах жемчуг и нежные розы.

Она даже приоткрыла рот от изумления:

— Неужели это я?

Нил усмехнулся:

— Конечно, ты. Какая есть.

Амели хотела что-то возразить, сказать, что Нил нарисовал ее гораздо красивее, чем есть на самом деле, но тот уже опустил фонарь, перехватил корзинку и направился в сторону замка:

— Спасибо за пирог. Наверняка, он вкуснее, чем у тетки.

Амели стояла, молча смотрела, как удаляется и меркнет беспокойный апельсиновый свет. Не было слов. Она вновь нетерпеливо развернула бумагу, но в лунных лучах рисунок терял очертания. Хотелось кинуться в покои и рассматривать всю ночь, чтобы запомнить каждый штрих. Так и будет. Нужно лишь немного успокоиться, подышать, посмотреть на ночную реку.

Амели спрятала рисунок за корсаж, обогнула павильон, но тут же замерла, приглядываясь и прислушиваясь. Со стороны разрушенного колодца показался теплый свет фонаря. Амели нырнула за угол, прижалась щекой к камню, совсем как в прошлый раз, и аккуратно выглянула. Горбун вышагивал, церемонно выбрасывая ноги, держал фонарь на вытянутой руке. Он был все в том же заляпанном фартуке, как днем, когда заходил в кухню. За ним снова

послушно следовала совершенно нагая светловолосая женщина. Когда Амели узнала ее, прислонилась затылком к стене и зажала рот обеими руками, стараясь не закричать.

Мари. Ее Мари.

Когда Амели вновь набралась смелости выглянуть, Гасту уже свернул несчастной шею и толкал тело с обрыва. Послышался удар, тяжелый всплеск. Горбун заглянул через ограждение, видимо, удостоверившись, что несчастную надежно скрыла вода, поднял с земли фонарь и зашагал в сторону колодца, что-то беззаботно насвистывая.

Едва помня себя, Амели с трудом выждала несколько бесконечных минут и кинулась в замок. Вбежала в свои покои и как вкопанная замерла у дверей. Перед камином сидела на коленях девица в чепце и сером платье горничной. Подбрасывала дрова. Едва завидев Амели, она встрепенулась, поднялась и поклонилась, опуская ясные глаза:

— Госпожа...

Амели попятилась:

— Кто ты такая?

Девица вновь присела в поклоне, на точеном лице отражалось искреннее недоумение:

— Мари, госпожа. Ваша горничная.

30

Амели молчала, не в силах вымолвить ни слова. Лишь шумно дышала, стараясь выровнять дыхание, и сжимала кулаки так сильно, что ногти впивались в кожу.

Мари...

Девица стояла, чинно сложив руки и хлопая ясными глазами. Отчаянно хотелось надавать ей по щекам. За вранье. За наглость. За это овечье выражение лица. За то, что заняла чужое место. Но дело не в девице — это было очевидно. В голове гудело, будто растревожили пчелиный улей. Обрывки образов, мыслей, догадок. Все смешивалось в чудовищный водоворот, из которого очень сложно было выудить стройные выводы. Хотелось просто броситься на кровать, заткнуть уши и кричать. Избавиться от всего, чтобы обрести спокойствие. Только в спокойствии можно размышлять.

Амели устало прошагала в альков, опустилась на приготовленную постель:

— Подай мне воды.

— Сию минуту, госпожа.

И тот же голос...

Девица метнулась к консоли с подносом и серебряным кувшином. Пока она наливала, Амели вытащила рисунок из-за корсажа и сунула под подушку. Мари подала бокал, Амели проглотила залпом прохладное содержимое и вытянула руку:

— Еще.

Та вновь послушно подала.

Амели покручивала в пальцах бокал, но уже не пила:

— Откуда ты, Мари?

Та стояла с широко распахнутыми глазами, моргала, не понимая, что отвечать. То же искреннее замешательство, будто ее просто не научили ответам на подобные вопросы. Полное ощущение дежавю. И лицо... Это идеальное лицо, так похожее на лицо прежней бедной Мари. Лишь едва уловимые различия. Может, они сестры? Хотелось достать спрятанный за комодом портрет и сличить, но Амели не рискнула. Никто не должен знать про портреты.

Догадка заставила прижать пальцы к губам. На соседней улице, у благодарственного столба, живет сапожник. У него две дочери — девочки-близнецы. На первый взгляд их не различить, а если знать... то не настолько они и похожи. Но имена? Кто же дает сестрам одинаковые имена?

Амели нетерпеливо поджала губы:

— Откуда ты, Мари?

Та округлила глаза:

— Я здешняя, сударыня.

— Из города?

Мари лишь кивнула.

— Где ты жила в городе?

Девушка молчала. Просто хлопала ресницами, а в ясных глазах отражалось полнейшее непонимание. Все повторялось. И Мари, и этот глупый разговор. В прошлый раз лишь цели были иные, Амели многому тогда не придавала значения. Но как не ответить на такой простой вопрос? Если спросить саму Амели, она вмиг все скажет во всех подробностях. Обо всем.

— На какой улице ты жила?

Снова молчание.

— У тебя есть семья? Мать? Отец? Сестры? Братья?

Мари, наконец, покачала головой:

— Нет, сударыня. У меня никого нет.

Этот ответ просто ставил в тупик. Чем иначе объяснить подобную схожесть двух девушек? И голос... Не может такое сходство быть случайностью.

Амели отставила бокал на маленький столик, взяла зажженный канделябр, вышла на середину комнаты и кивнула Мари:

— Встань здесь.

Та безропотно подчинилась. Амели без стеснения разглядывала девушку, а внутри клокотала какая-то непонятная злоба. Ее обманывают. Но, как и в чем? И, самое главное — зачем? Она ходила вокруг Мари кругами, сличая с той, другой Мари. Светлые кудри из-под чепца, чистое открытое лицо, небесные глаза. И овечья покорность. Хотелась увидеть в этих прекрасных глазах хоть что-то иное. У любого живого человека есть предел терпению. Даже у прислуги. Есть гордость, характер. Какие возмутительные вещи позволяла себе Фелис! Как выражалась, как перечила, как своевольничала. Как ругалась с матушкой! Неужели эта ни на что не способна?

Амели вернула канделябр на место и встала у зеркала:

— Раздеваться.

Мари с готовностью кивнула и принялась вытаскивать булавки. Ловко, со знанием дела, будто сама же их и накалывала. Споро распустила шнуровку корсажа.

— У кого ты прежде служила, Мари?

— Ни у кого, барышня.

— Тогда где выучилась всему?

Мари ловко стянула рукава и положила корсаж на кровать:

— Нигде, барышня. Разве этому надо учиться?

— Кто тебя нанял сюда?

— Господин Гасту, госпожа.

Горбун... Теперь и так было понятно, что он во всем замешан. Но, что он потом сделает? Свернет этой шее так же, как свернул прежним? Зачем приставлять горничной? Или... для начала развлекается ее муж? А как надоела...

От этой мысли в груди заклокотало нестерпимо. О нет, не ревность — обида. С той, прежней Мари, Амели почти смирилась, она была до. До этого проклятого замужества. Вероятно, Феррандо обращается с женой так же, как со своими девицами. Лишь приказывает, как привык. Амели пристально посмотрела на новую Мари: интересно, он уже успел переспать с ней? Может, минувшей ночью и успел? Ох, как же хотелось спросить, глядя в глаза... Но все будет выглядеть так, будто она ревнует. А это не ревность.

Самое страшное, что теперь не было сочувствия. Все это пугало гораздо больше тогда, когда они с Эн ходили смотреть на реку, наблюдали, как багром выволакивают на берег тела. А сейчас... Амели сама не понимала. Словно сломают эту — дадут другую. Новую куклу взамен старой. И нет никакой разницы. И печали тоже нет.

Мари расшнуровала корсет, сняла юбки, подала теплый капот и завязала пояс. Будто делала это всю жизнь.

— Причеши меня.

Амели опустилась на табурет перед зеркалом. Как и в прошлый раз, смотрела в отражение, наблюдала за движениями, лицом. Мари вынула шпильки и водила по густым волосам частой щеткой. Аккуратно, распутывая каждый случайный узелок, пока они не заблестели, как шелк. Фелис обычно дергала так, будто хотела выдрать половину. Порой Амели накрепко вцеплялась пальцами в табурет и закусывала губу, чтобы не вскрикивать. Иначе Фелис могла просто отшвырнуть щетку и уйти, заявив, что барышня уж слишком нежная. Тогда приходилось справляться с тяжелой копной самостоятельно, и занятие оказывалось не из легких. Мягкие, необыкновенно густые — самой не прочесать.

При очередном движении щеткой Амели вскрикнула. Нет, больно не было, но Мари ведь об этом не знала. Но та лишь замерла и едва заметно присела в поклоне:

— Простите, госпожа.

— Разве не можешь аккуратнее?

— Хорошо, госпожа.

Мари снова принялась расчесывать, еще бережнее, чем прежде. Но Амели вновь и вновь вскрикивала и упрекала, украдкой наблюдая за реакцией. Но не менялось ровным счетом ничего: точеное лицо новой Мари не выражало ни тени раздражения или недовольства.

Наконец, Амели вскрикнула особенно громко. Вскочила и обернулась:

— Мерзавка! Ты хочешь оставить меня без волос?

Она даже замахнулась и отвесила горничной хилую пощечину. Отвратительное чувство. Даже стало стыдно и хотелось извиниться. Амели порой колотила Фелис. Но Фелис — совсем другое дело. Фелис стоило колотить.

Мари лишь склонила голову:

— Простите, госпожа, я очень неловкая.

И вновь ничего. Амели бы на ее месте просто разрыдалась, стала оправдываться, но в глазах Мари ничего не изменилось. Ни взгляда, ни жеста. Ничего. Амели отвернулась к зеркалу:

— Ты можешь идти.

— Я должна помочь...

— Ничего ты не должна.

Мари присела в поклоне:

— Как прикажете. Доброй ночи, госпожа.

Горничная забрала платье и легкими шагами вышла за дверь.

Амели достала рисунок из-за комода, уселась в кровати и закуталась в одеяло. Развернула бумагу, сличая по свежей памяти. У новой Мари тот же лоб, тот же нос, те же глаза. Разве что полнее губы и скулы острее. И что-то едва уловимое в мимике. Но все это казалось несущественным. Будто резали одинаковые статуи для собора святого Пикары. Где-то резец скользнул чуть глубже, где-то отшлифовали сильнее.

Но возникал другой вопрос: почему бедная Мари выходила из колодца? Как и та, другая, до нее. Ее горбун уж точно не приводил из города. Так куда ведет колодец? Он вызывал слишком много вопросов. Нужно выследить горбуна. Дождаться, когда тот выйдет в город, чтобы спуститься самой.

Амели свернула портрет Мари, намереваясь, наконец, рассмотреть свой, но вздрогнула, заметив, как взвилось и уменьшилось пламя свечей. Она поспешно спрятала рисунок под подушку, с силой обхватила колени, чтобы не тряслись руки.

Феррандо показался в дверях, едва Амели успела спрятать рисунки. Она похолодела — никак не ожидала сегодня подобного визита. Только не сейчас. Хотелось умолять, чтобы он ушел. Но Феррандо приглушил свечи и молча направился в альков.

31

Внутри все дрожало: только не сейчас, не сегодня. Порой благородные супруги могут месяцами не видеть друг друга. В этом нет ничего невероятного, и отчего бы Феррандо не придерживаться этой светской привычки.

Он опустился на кровать и скрестил руки на груди:

— Кажется, я сегодня незаслуженно обидел тебя.

Амели даже подняла голову — это оказалось слишком неожиданно. Но, тут же отвела глаза:

— Нет, мессир.

— Ты врешь.

Его голос обволакивал, будто проникал под кожу, разливаясь приятным покалыванием. Заставлял все внутри ходить ходуном. Амели лишь запахла ворот капота, в надежде отгородиться, спрятаться, и прижала руки к груди:

— Нет, мессир.

Она отчаянно хотела, чтобы он ушел.

Феррандо наклонился, подцепил пальцами ее подбородок, вынуждая смотреть в глаза:

— Ложь.

Амели, словно замороженная, смотрела, как медленно двигаются его красивые полные губы. Невольно вспоминала, как они касались ее губ, шеи. И залилась краской, чувствуя, как жар кипятком прилил к щекам. Казалось, она горела, как раздутые угли. И каждое слово лишь усиливало пожар под кожей.

— Так что ты мне принесла?

Она сглотнула, отстраняясь от пальцев Феррандо. Это невыносимо. Колдовство — нет иных объяснений. Проклятый морок, что бы он ни говорил. Его касания казались крошечными разрядами молний, пробуждавшими нечто томительное. Амели вновь плотнее запахла на груди капот:

— Простите, мессир, это глупость. Я... ничего, — она покачала головой.

Его глаза сверкнули холодной синевой. Феррандо подался вперед и обхватил ее за шею длинными сильными пальцами, потянул на себя, приближая к самому лицу:

— Ты ничему не учишься?

— Я...

Амели не знала, что отвечать. Его слова — как лабиринт в дворцовых садах. Он будто загонял ее по бесконечным дорожкам в одному ему известный тупик, из которого нет выхода.

Феррандо коснулся чуть шершавой щекой ее щеки и прошептал в самое ухо:

— Какова первейшая обязанность жены, моя дорогая? — он отстранился и пристально смотрел в лицо.

Во рту пересохло. Амели с ужасом наблюдала, как темнеют его глаза, наполняясь иссиня-черной глубиной ночного неба.

— Почитать своего мужа, — она едва слышала собственный голос, слабый, как комариный писк.

— И подчиняться во всем, как своему господину.

Амели молчала. Все так. Отец Олаф столько раз твердил об этом своей пастве, что сбил язык. Прихожанки кивали, но забывали всю науку, едва покидали стены собора. Мало кто в полной мере следовал этим наставлениям. Матушка часто своевольничала, редко соглашалась с отцом. Что уж там — почти никогда. И в этом не было ничего ужасного — они все равно по-своему любили друг друга.

Феррандо подался вперед:

— Разве я о многом прошу? Не перечить и отвечать правду, когда я приказываю.

Амели опустила глаза и покачала головой. Хотя, он мог сказать то же самое иначе — так, чтобы она услышала и захотела искренне ответить. Ведь мог бы.

— Так ты обижена?

Он провоцировал, вымогал признание. И что он сделает, узнав, что она, впрямь, обижена до слез? Вновь в чем-нибудь обвинит? Запретит даже обижаться? Пусть делает, что хочет!

Она опустила глаза:

— Да, мессир.

— Нужно было осведомиться о том, когда я могу тебя принять. У Орикада или Гасту. Тебе нечего делать в подвале без необходимости.

— Да, мессир.

— Твой пирог подала мне Соремонда. Это было неожиданно вкусно. Но куда же ты дела другой? Ведь их, кажется, было два. Где ты была?

Создатель, он все знает! Амели похолодела, будто дунуло зимним ветром. Выходит, он знает и о том, что она видела, как проклятый горбун свернул шею несчастной Мари? Или нет? Если бы можно было запросто спросить...

— Я выкинула его с обрыва, мессир. Там, в парке. В реку.

Феррандо усмехнулся:

— И тебе было не жаль свой труд?

— Нет.

— А мне жаль. Ты не самая безрукая. — Он провел кончиками пальцев по шее, по плечу, вниз по руке: — Завтра Гасту идет в город. Я разрешаю тебе написать матери. Только... — он приблизился, — надеюсь, ты не станешь ей рассказывать о наших мелких семейных неурядицах. Это дурной тон.

Амели опустила голову:

— Спасибо, мессир.

Феррандо удивительно равнодушно чмокнул ее в губы:

— Доброй ночи, дорогая.

Амели едва пробормотала:

— Доброй ночи, мессир.

Она проводила мужа взглядом до дверей, а в голове билось лишь одно: горбун завтра уйдет.

32

Орикад явился на рассвете. Беспардонно устроился поверх покрывала и тянул за прядь волос, перебирая маленькими пальчиками. Амели порывисто села:

— Что ты здесь делаешь?

Демон повел бровями, длинные волоски шелохнулись, как усики бабочки:

— С чего это ты взяла, что можешь гнать меня, когда вздумается?

Амели с трудом удержалась от извинений, хотя это была первая мысль. Ну, уж, нет! Если демон обязан ее слушаться — не за что извиняться.

— Разве не могу?

Орикад не ответил. Лишь скривился, взлетел, шлепая крылышками:

— Мессир милостиво позволил тебе написать матери. Изволь поторопиться, если намерена. Гасту тебя ждать не станет.

Амели прижала одеяло к груди:

— Он уже уходит?

О нет, волновало вовсе не письмо. Она и не знала, что писать.

Орикад картинно закатил глаза:

— У тебя есть час. А если писать не умеешь, — он скрестил ручки на груди, — так и быть, писарем послужу.

Это даже рассмешило:

— Разве ты умеешь писать?

— Получше многих. — Он приосанился, задрал подбородок: — Я знатный каллиграф.

Амели даже приснула со смеху, настолько это показалось комичным. С каждым днем этот поганец нравился ей все больше. Она поднялась, накинула на плечи капот:

— А зачем ему в город?

Орикад сверкнул глазами:

— А твое какое дело?

Амели пожала плечами, стараясь не выдавать свой интерес, хотя внутри все буквально тряслось. Даже руки не слушались.

— Да никакого. Просто, что ему делать в городе?

— По делам мессира, разумеется. Сегодня почтовый день. Ну... и прочее. Хозяйственное.

Очень хотелось вернуть, не намерен ли горбун заказать очередную порцию глины, но Амели сдержалась — сейчас это совсем ни к чему. Лишь все испортит.

— И надолго он обычно в город ходит?

Орикад прищурился:

— А ты к чему спрашиваешь? Задумала что?

Амели осеклась, мысленно ругая себя. Создатель, одним неосторожным словом можно вмиг все испортить.

— Просто любопытно. От него народ в городе шарахается, как от прокаженного. Так что ему там расхаживать.

Демон фыркнул:

— А тебя почитает... Или забыла?

Амели поджала губы:

— А ты откуда знаешь?

Орикад повел бровями:

— А отчего мне не знать?

Препираться было глупо. Она подошла к лакированному бюро у окна, разложила прибор. Умываться, одеваться — все потом — главное, чтобы Гасту ушел и пробыл в городе подольше. Проверила перо, очинила для верности, сдувая стружку, опустилась на табурет и повернулась к демону:

— Будешь смотреть, как я пишу?

Тот пожал плечиками, подлетел и демонстративно заглянул в пустой лист, уложенный на сукне:

— Готов поспорить, у тебя скверный почерк. У тебя вообще много недостатков...

Амели отбросила перо:

— Орикад, исчезни!

Демон испарился со шлепком мыльного пузыря. Стало звеняще-пусто.

Амели сидела за бюро и смотрела на плотный белый лист, не зная, что написать. Лгать о том, как все хорошо? Написать правду невозможно. Она вспомнила радостное лицо матери там, в соборе, ее новое платье. Она была счастлива — такое не сыграть. Даже помолодела. Амели бы не писала вовсе, не сейчас. Но это был крошечный шанс, что горбун задержится в городе хоть немного дольше.

Строчки не ложились. Амели запортила несколько листов. Комкала и отбрасывала под крышку бюро. Все выходило фальшиво. В конце концов, она обошлась парой совершенно отстраненных фраз и задала массу вопросов, которые вроде бы предполагали ответ. Если бы уговорить горбуна непременно дожидаться ответа — он бы прождал довольно долго. Матушка — не большой умелец по части писем. Наверняка, изорвет несколько листов, прежде чем верно составит.

Амели подождала, пока высохнут чернила, сложила бумагу вчетверо. Сургуча не нашлось. Да она и не сомневалась, что все будет тотчас же прочитано — нет смысла в сургуче.

Когда в дверь протиснулась «новая» Мари, на которую Амели просто не хотела даже смотреть, она тотчас приказала одеваться. Намеревалась сама передать горбуну письмо, чтобы быть точно уверенной, что тот ушел. Спустилась в парк и долго мерила шагами сырую с утра песчаную аллею. Когда горбун спустился с террасы, она протянула письмо:

— Вот. Матушке.

Амели не знала, как его называть. Господин Гасту — казалось, слишком. Просто Гасту? Про себя она называла его горбуном. Отвратительным злобным горбуном.

Тот взял бумагу, не церемонясь, развернул и пробежался глазами. Амели не возмущалась — знала, что так и будет.

— Мне бы ответ. Пусть матушка напишет ответ.

Горбун ничего не сказал. Запихал бумагу в карман кафтана и пошел к воротам, по обыкновению высоко выбрасывая ноги в длинноносых башмаках. Амели долго стояла у апельсинового дерева, наблюдая, как он вышел за ворота и спускался с холма, пока не исчезла из виду его маячившая мягкая шляпа.

Она кинулась в покои — Мари, к счастью, уже не было. Достала из канделябра свечу. Попробовала для верности, щелкнув пальцами. Фитиль загорелся ровным желтым огоньком. Она так и не понимала, на что в точности реагируют эти свечи. Главное — работало. Амели спрятала свечу в рукаве, осенила себя знаком спасения и вышла из комнаты, молясь никого не встретить. Тем более, своего мужа. Беспрепятственно обогнула замок и пошла уже знакомым путем, высматривая Нила. Уж больно не вовремя он здесь попадался.

Амели миновала оранжерею, вновь огляделась и углубилась в заросли. Сердце колотилось, руки заledenели. Она подошла к колодцу, достала из рукава свечу, оперлась о камни и посмотрела вниз на узкие влажные ступени без перил. Из колодца веяло сыростью, горьковатым запахом плесени.

Вся решимость куда-то исчезла. Стало так страшно, что едва не стучали зубы. Если раньше Амели была уверена, что это ход к реке, то теперь, после вчерашнего кошмара, просто терялась в догадках. Но струсить казалось просто невозможным, недопустимым. Когда еще подвернется такой случай? Просто оставить и не думать тоже представлялось совершенно невозможным — этот колодец не давал покоя. Обязательно нужно выяснить. Чтобы знать. Чтобы понимать, что здесь происходит.

Амели снова осенила себя знаком спасения, подобрала юбки и села на каменный бортик, чтобы нащупать ногами ступени. Почувствовав верную опору, она щелкнула пальцами, зажигая свечу, и стала спускаться, с опаской прижимаясь к стенкам колодца. Рука дрожала, свеча ходила ходуном, угрожая запалить платье. Наконец, Амели спустилась до самого низа и посмотрела вверх. Над головой виднелся круг ясного неба над каменной кромкой. Сбоку,

прямо под рукой, — низкая кованая дверь в глубокой нише. Она взялась за круглую ручку и толкнула.

Дверь поддавалась легко, бесшумно проворачиваясь на хорошо смазанных петлях. Амели глубоко вздохнула и вошла, не чувствуя ног. Внутри было темно. Свеча отбрасывала дрожащее апельсиновое пятно, освещая крупную каменную кладку. Амели вытянула руку, стараясь лучше осмотреться. У одной из стен стояли уже знакомые бочки. Пустые. Крышки были сложены рядом.

В противоположной стене виднелась еще одна дверь. Амели сглотнула, покрепче перехватила свечу и потянула за ручку. Глаза какое-то время привыкали к яркому свету, но когда временная слепота прошла, Амели отшатнулась, охнула и от неожиданности прижала ладонь к губам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.